

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы
имени П.А. СТОЛЫПИНА

Научный журнал

№ 1 (14)
2008

Саратов

Научный журнал

Учредитель
***Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина***

Главный редактор – профессор ***С.Ю. Наумов***
Зам. главного редактора – профессор ***О.Н. Фомин***
Ответственный секретарь – ***С.Г. Сергеев***

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов (председатель), ***Л.В. Гильченко*** (Приволжский федеральный округ),
П.Л. Ипатов (Саратовская область), ***В.В. Артяков*** (Самарская область),
О.И. Бетин (Тамбовская область), ***В.К. Бочкарев*** (Пензенская область),
С.И. Морозов (Ульяновская область), ***Ю.З. Камалтынов*** (Республика Татарстан),
Г.Ф. Игнатович (Оренбургская область)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; ***В.В. Герасимова***, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; ***Л.В. Константинова***, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; ***О.И. Марченко***, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; ***И.В. Ракевич***, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; ***Ю.И. Тарский***, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; ***О.И. Цыбулевская***, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; ***Т.И. Черняева***, д-р социол. наук

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция июль 2007 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (по направлениям «Философия», «Социология», «Культурология», «Право»).

Подписной индекс в Роспечати 20432

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2008

№ 1 (14)
2008

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE
NAMED AFTER P.A. STOLYPIN

Science magazine

Founder:

Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin

Editor-in-chief: Professor ***S.Yu. Naumov***

Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***

Executive secretary: ***S.G. Sergeev***

Editorial council:

S.Yu. Naumov (Chairman), ***L.V. Ghilchenko*** (Volga Region Federal District),
P.L. Ipatov (Saratov Region), ***V.V. Artiakov*** (Samara Region),
O.I. Betin (Tambov Region), ***V.K. Bochkarev*** (Penza Region),
S.I. Morozov (Ulianovsk Region), ***Yu.Z. Kamaltynov*** (Republic of Tatarstan),
G.F. Ignatovich (Orenburg Region)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Philosophic Sciences*; ***V.V. Gerasimova***,
Doctor of Economic Sciences; ***V.P. Zhukovsky***, *Doctor of Pedagogic Sciences*;
L.V. Konstantinova, *Doctor of Sociological Sciences*; ***E.G. Lipatov***, *Candidate*
of Sciences (Jurisprudence); ***O.I. Marchenko***, *Candidate of Sciences (Economy)*;
E.V. Maslennikova, *Candidate of Sciences (Sociology)*; ***I.V. Rackevich***,
Candidate of Sciences (Economy); ***A.N. Romantsov***, *Doctor of Economic Sciences*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sociological Sciences*; ***T.P. Fokina***,
Candidate of Sciences (Philosophy); ***O.I. Tsibylevskaya***, *Doctor*
of Law Sciences; ***V.L. Chepliaev***, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
T.I. Cherniaeva, *Doctor of Sociological Sciences*

© Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2008

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Расим Илхам оглы Абушов,

преподаватель филиала Поволжской академии

государственной службы им. П.А. Столыпина в г. Балакове,

секретарь судебного заседания Балаковского городского суда

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ МИРОВОГО СУДЬИ

Определение сущности и назначения мирового судьи – далеко не новое направление деятельности ученых, исследующих правовые аспекты становления и развития судостроительства России. При этом до настоящего времени неопределенной остается сама дефиниция «мировой судья».

Многие граждане, особенно те, кто не имеет отношения к правовой науке, воспринимают термин «мировой» как синоним слову «всемирный», полагая, что речь должна идти о международном или, по крайней мере, высшем органе судебной власти.

В юридической литературе под мировым судьей принято понимать физическое (должностное) лицо, принадлежащее к корпусу мировых учреждений, осуществляющее правосудие и иную деятельность, которое избирается или назначается центральными или местными органами государственной власти, единолично рассматривает дела, отнесенные к его компетенции, в мировом суде и способствует установлению мирных отношений между спорящими сторонами [1, с. 12].

Сегодня в науке, да и в законодательстве России, отсутствует полное и логичное представление о формах и содержании понятия «мировой судья», поскольку эта тема была на протяжении десятилетий обделена вниманием российских ученых [2, с. 12]. В научных исследованиях отечественных процессуалистов не приводится достаточно емких и четких определений терминов «мировая юстиция», «мировой суд», «мировой судья», которые могли показать их сущность, отличительные черты применительно к судостроительству и судопроиз-

водству. Лишь отдельные признаки этих терминов были предметом изучения и обсуждения в некоторых научных исследованиях и публикациях, посвященных мировым судьям [3, с. 39–40].

В современном научном и социальном обиходе, так же как и до революции 1917 г., для обозначения одного правового явления используется несколько терминов: мировой судья, мировая юстиция, мировой суд.

Следует отметить, что разработчики российских реформ 1864 г. в области правосудия, определяя сущность и назначение института мировых судей, в основном рассматривали мировых судей в патриархальном славянофильском ключе, называя их хранителями мира и судьями совести. Представление о мировом судье как о третейском судье у них смешивалось с толкованием правосудия как чисто государственной деятельности. Отсюда идет противоречивость в понимании назначения и статуса мирового судьи, которая не была преодолена в ходе обсуждения проектов Судебных уставов и перешла, таким образом, в их текст [2, с. 12].

Д.Н. Замятин (министр юстиции России) 23 апреля 1866 г., открыв московские судебные установления, обратился к мировым судьям первого избрания с такими словами: «Вам, господа, впервые избранным совокупно всеми сословиями на эту важную должность, предоставлен обширный круг деятельности: вам поручены дела тех именно лиц, которые наиболее нуждаются в скором и правом суде; на вас лежит неременная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значения, которая предназначена ей законом, и сделать из него краеугольный камень гласного, скорого, правого и милостивого суда» [4, с. 88].

Миссией мирового суда считалось внесение в народные массы убеждения, что прошли времена, когда «закон для них был не писан», и водворялось царство равного для всех закона на место произвола, благоусмотрения, меняющего взгляд на лица людей, оказавшихся перед властью мирового судьи [5, с. 36]. Мировым судьям были поручены дела тех лиц, которые наиболее нуждались в правом суде (это и есть правосудие) – это многомиллионная народная масса, которая всего лишь за пять лет перед введением нового института судебной власти возвращала себе благодаря освободительному акту, впервые после трехсотлетнего рабства, утраченные гражданские права. При этом для мировой юстиции водворение законности, хотя это относится в целом к системе судостроительства, было основной задачей.

Следует отметить, что специального и фундаментального исследования рассматриваемой правовой проблемы, выявления основных закономерностей и взаимосвязей процессов и явлений, происходящих при судопроизводстве у мировых судей, отечественными учеными до сих пор не проводилось. Вследствие этого российский законодатель не обладает соответствующей теоретической базой для совершенствования законодательства о судостроительстве и судопроизводстве применительно к мировым судьям, а поэтому допускаются отдельные ошибки, погрешности и неточности в законотворческой деятельности.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» [6] мировые судьи в России являются судьями общей юрис-

дикции субъектов РФ и входят в единую отечественную судебную систему, осуществляют правосудие именем Российской Федерации. Изданные ими и вступившие в законную силу судебные акты, законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти: федеральных, субъектов Федерации, местного самоуправления, – общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, правовое положение мирового судьи в современной России следует рассматривать в двух аспектах:

мировой судья в Российской Федерации является судьей общей юрисдикции, но введение этого судебного института на территории субъекта Федерации напрямую зависит от содержания регионального законодательства;

законодатель признает мирового судью полноценным носителем судебной власти, элементом (звеном) единой судебной системы России, принимающим судебные решения от имени Российской Федерации.

Анализ отечественного законодательства позволяет обозначить основополагающие организационные и процессуальные признаки мирового судьи как правового института.

Во-первых, мировой судья является носителем судебной власти, наделенным полномочиями осуществлять правосудие, исполняет свои обязанности на профессиональной основе, выступает от имени судебной власти. Он вправе принимать судебные решения, обязательные для всех органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц.

Во-вторых, мировой судья – судья общей юрисдикции, то есть рассматривает и разрешает дела в порядке гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Он является частью судебной системы, чьи решения обжалуются в апелляционном, кассационном, надзорном порядке.

В-третьих, мировые судьи одновременно признаются судьями субъектов Федерации и судами субъектов Федерации. В юридической литературе акцентируется внимание на том, что в одном случае законодатель согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» под мировым судьей подразумевает физическое лицо, обладающее определенным статусом. В другом случае, опираясь на ч. 4 ст. 4 Федерального закона «О судебной системе Российской Федерации», под мировым судьей понимают звено судебной системы [3, с. 39–40].

В-четвертых, мировые судьи провозглашаются элементом (звеном) единой судебной системы Российской Федерации. Содержание понятия «звено судебной системы» определяется кругом полномочий и обязанностей, предоставленных тем или иным судебным органам и характером выполняемых ими функций. Мировым судьям свойственны общие для всех судов российской судебной системы черты: а) единство процессуальной формы рассмотрения дел (подсудность и т.д.); б) наличие общих принципов (независимость судей, гласность процесса, равноправие и состязательность сторон и др.); в) единство судебных

функций (осуществление правосудия); г) финансирование из федерального бюджета.

В-пятых, мировой судья является должностным лицом, наделенным полномочиями осуществлять правосудие, исполняет свои обязанности на профессиональной основе и обладает специальным статусом.

Безусловно, указанный перечень отличительных признаков мирового судьи непостоянен и в любой момент может быть расширен или сужен законодателем в зависимости от конкретной исторической ситуации и тех задач, которые будут поставлены перед мировой юстицией.

Таким образом, мирового судью надлежит рассматривать как физическое должностное лицо, представляющее судебный орган, мировой суд – как учреждение, особый судебный орган, входящий в судебную систему, а мировую юстицию – как систему мировых судебных ведомств и учреждений.

Немаловажным обстоятельством является понимание того, что данный судебный институт, как и любой правовой институт, создавался для решения конкретных задач. Нынешнее федеральное, а следовательно и региональное, законодательство не отразило тех целей и задач, которые поставлены перед мировыми судьями.

Постановка конкретной задачи перед мировыми судьями как составной частью российского правосудия должна рассматриваться в качестве имеющего индивидуальные особенности элемента общей задачи правосудия. При отсутствии строго определенных целей и задач, своеобразных средств и способов их достижения пропадает необходимость и целесообразность создания любого нового правового института. Именно конкретные задачи должны служить базой для установления наиболее оптимального порядка деятельности мировых судей, отличного от выполнения этой функции федеральными судьями. Такие задачи сформулированы в ст. 18 Конституции РФ [7], согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием.

Мировые судьи присущими им методами и средствами обеспечивают скорую, объективную и эффективную защиту нарушенных прав и интересов по делам, которые отнесены законом к их компетенции, что и является их назначением в единой системе судопроизводства и определяет их сущность в качестве наиболее близкого к гражданам элемента (звена) судебной власти.

Библиографический список

1. *Лонская, С. В.* Мировой суд в России (1864–1917 гг.): историко-правовое исследование [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Лонская. – Калининград, 1998.
2. *Дорошков, В. В.* Мировой судья: Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности [Текст] / В. В. Дорошков. – М., 2004.
3. *Борисов, Г.* От мировых судей – к мировым судам [Текст] / Г. Борисов, А. Хапилин // Российская юстиция. – 2002. – № 3.
4. *Замятин, Д. Н.* Страницы из истории судебной реформы [Текст] / Д. Н. Замятин. – М., 1883.
5. *Зарудный, С. И.* О способах исполнения высочайше утвержденного начала об отделении исполнительной власти от судебной [Текст] / С. И. Зарудный // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. – СПб., 1864. – Т. 15.

6. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (в ред. от 2 марта 2007 г.) «О мировых судьях в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.
7. Конституция РФ [Текст]. – М., 2005.

Д.В. Баксаяр,

соискатель Саратовского юридического института МВД России

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА КАК ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Всякому государству, если оно стремится быть суверенным и независимым при осуществлении своей внешней политики и стабильным при разрешении внутренних вопросов, присуща особая функция – обеспечение с помощью своих институтов (органов) полного, единообразного и безусловного исполнения принятых им законов. Российская Федерация реализует указанную функцию, опираясь на систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти, но особую роль при этом играет прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России. Данная деятельность осуществляется прокуратурой на основании Конституции РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», других федеральных законов, международных договоров Российской Федерации. Важно, что на прокуратуру современной России не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами. Цели деятельности прокуратуры также установлены законодательно и расширительному толкованию не подлежат.

Прокурорский надзор как особый вид государственной деятельности, направленной на исполнение законов в Российской Федерации, предполагает недопустимость вмешательства в его осуществление. Это находит свое выражение в законодательном запрете воздействия в какой-либо форме органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора или следователя с целью повлиять на принимаемые ими решения.

Все это свидетельствует о том, что острота современной ситуации с законностью и правопорядком в России, специфика переживаемого периода, наконец, вступление страны в Совет Европы и ратификация Европейской конвенции о

защите прав человека и основных свобод диктуют необходимость максимального использования правозащитного потенциала всех государственных органов, включая прокуратуру. Представляется, что это задача не только тактическая, но и стратегическая, требующая для своего решения длительного времени. Успешная ее реализация может быть достигнута не путем ослабления одних правозащитных звеньев и механизмов государства за счет усиления других, а путем их синхронного совершенствования.

Для определения сущности прокурорского надзора необходимо определить цели и задачи возникновения этого государственного института в России.

Основателем органов прокуратуры и прокурорского надзора в России по праву считается император Петр I. Период конца XVII – начала XVIII в. характеризовался значительным ростом преступности, должностных злоупотреблений, казнокрадства и взяточничества, что вызывало насущную потребность в создании государственной службы по борьбе с этими негативными явлениями. Указом Петра I от 2 марта 1711 г. в России учреждается фискальная служба, назначение которой состояло в том, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать и проводить про неправый суд, также сбор казны и прочего» [1, с. 18]. За образец этой службы Петр I взял государственные органы Германии. В 1713 г. в России вводится должность генерал-фискала. Полномочия фискалов, процессуальные средства их деятельности были определены в Указе от 17 марта 1714 г. «О фискалах и о их должности и действии» [1, с. 19].

В 1722 г. Петр I ввел новый государственный институт, доселе не существовавший в России, – прокуратуру. Цель, поставленная перед прокуратурой, – проведение в жизнь экономических, социальных и политических реформ царя вопреки скрытому, а нередко и открытому сопротивлению местных органов власти. Средства, используемые прокурорами, уже тогда носили чисто надзорный характер. По замыслу императора прокурорский надзор был сформирован как институт контроля за деятельностью государственного аппарата, и в первую очередь за Сенатом, ставшим по Указу «О должности Сената» от 27 апреля 1722 г. законодательным и высшим органом подзаконной исполнительной власти [2, с. 182–199]. Прокуратура была учреждена тремя петровскими указами, которые создали полноценную правовую базу для деятельности нового государственно-правового института. Это, безусловно, было важнейшей предпосылкой ее утверждения в российской правовой действительности.

Надзор имел важный отличительный признак, позволяющий выделить его из иных видов государственной деятельности. Он заключался в том, что прокурор не пользовался решающим голосом ни по одному административному вопросу. «Органы управления производят и решают дела, а прокуроры наблюдают за этим производством и решением, охраняют их закономерность, но не принимают другого ближайшего участия в самом существе дела, в их возбуждении» [3, с. 284]. Таким образом, средства прокурора носили чисто надзорный характер и основным среди них являлась так называемая протестация, то есть принесение протеста в орган, нарушивший закон, или в вышестоящий орган.

Вместе с тем успешному утверждению российской прокуратуры в государст-

венной практике, завоеванию ею высокого авторитета уже с первых дней своего существования во многом способствовали еще два важных обстоятельства: отношение к прокуратуре верховной власти и личностные качества работников прокуратуры, особенно ее высшего звена. Свидетельства историков донесли до нас многочисленные факты постоянного оказания Петром I знаков внимания прокуратуре. Исключительно удачным был выбор императором первого генерал-прокурора П.И. Ягужинского.

По мнению О.Е. Кутафина, «прокуратура создавалась в России как представительный орган прежде всего императорской власти, осуществляющий от ее имени и по ее поручению повсеместный и постоянный надзор и контроль за действиями и решениями Правительствующего Сената, других центральных и местных учреждений» [4, с. 6].

Но уже при Екатерине I отмечается значительный отход от установленного Петром I порядка осуществления надзора прокуратуры за соблюдением законов в государстве, сужается ее государственное значение. Перестали играть важную роль Сенат, а также генерал-прокурор. Сложилось, таким образом, весьма парадоксальное положение: *de jure* прокуратура продолжала действовать в соответствии с принятым Петром I Указом от 12 января 1722 г., а *de facto* ее влияние было существенно ограничено [5, с. 7]. Однако в октябре 1730 г. императорским указом была восстановлена должность генерал-прокурора и прокуроров в коллегиях и надворных судах. Вторично прокуратура была отменена в регентстве Анны Леопольдовны, 17 ноября 1740 г. После непродолжительного периода некоторого забвения происходит возрождение прокуратуры.

Роль прокурора возрастает при Екатерине II. С разделением Сената на департаменты генерал-прокурор охватывает своим контролем всю их деятельность, а к концу XVIII в., продолжая оставаться органом надзора, фактически становится высшим органом управления общей компетенции. В таком значительном для государственного управления и судебной системы правовом акте, как «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г., предусматривалась специальная глава «О прокурорской и стряпческой должности», в которой устанавливались широкие полномочия прокуроров по общему и судебному надзору, надзору за местами лишения свободы, конкретизировались должностные обязанности. Главная задача губернского прокурора заключалась в осуществлении надзора за исполнением законоположений, наблюдении за порядком, «законами определенного». Губернский прокурор являлся представителем центра, верховной власти и обязан был следить за тем, чтобы установки центра проводились в жизнь на местах без каких-либо отклонений.

При Павле I прокурорский надзор был существенно ослаблен как в центре, так и на местах. Во время царствования Александра I он был возрожден, причем начиная с 1802 г. генерал-прокурор стал одновременно и министром юстиции.

Накануне реформы 60-х годов XIX в. прокуратура находилась в сложном положении. Система надзора в России в первой половине XIX в. сохраняла лишь относительное единство. Наряду с генерал-прокурором высший надзор осуществлял Сенат, а на местах – губернаторы. Обер-прокуратура, осуществляв-

шая надзор за решением дел в Сенате, была связана с губернской прокуратурой лишь подчинением генерал-прокурору. Не было и единого законодательного акта о прокурорском надзоре. Обязанности, возложенные законом на прокуроров и стряпчих, были столь сложны и многообразны и вместе с тем настолько неопределенны, что их осуществление должным образом было в тех условиях и при тех штатах заведомо нереально.

В связи с этим неудивительно, что как только во второй половине 50-х годов XIX в. встал вопрос о необходимости судебной реформы в России, выяснилось, что применение даже некоторых принципов буржуазного судоустройства и судопроизводства неизбежно влечет за собой реорганизацию прокуратуры. Радикальные изменения в организацию и деятельность российской прокуратуры были внесены в ходе Судебной реформы 1864 г. Судебные уставы 1864 г. включали в себя четыре основных закона: Учреждение судебных установлений, определяющих порядок судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Составной частью реформы стало и преобразование прокурорского надзора. В Учреждениях судебных установлений прокурорскому надзору был посвящен раздел третий, озаглавленный «О лицах прокурорского надзора». Статья 124 устанавливала: «Прокурорский надзор вверяется обер-прокурорам, прокурорам и их товарищам под высшим наблюдением министра юстиции как Генерал-прокурора» [5, с. 12]. Прокуроры учреждались при всех судебных палатах и окружных судах. Обер-прокуроры состояли при кассационных департаментах и общим собранием Правительствующего Сената.

Устав уголовного судопроизводства устанавливал, что «прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производят, но дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают за производством сих следствий» [5]. В то же время дознанием они фактически руководили. «По производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей», – гласил закон [5, с. 12]. По материалам предварительного следствия прокурором составлялось заключение о предании обвиняемого суду в форме обвинительного акта. При отсутствии оснований для предания суду выносилось заключение о прекращении дела.

Согласно проекту Учреждения судебных установлений окружные прокуроры и их товарищи назначались на должность министром юстиции по представлению прокурора судебной палаты. Государственный совет решил повысить авторитет высшего надзора в империи и установил назначение их высочайшей властью по представлениям министра юстиции (ст. 221 Учреждения судебных установлений). Это должно было служить подтверждением того, что прокуратура не только в центре, но и на местах является «оком государевым», то есть выступает в качестве органа высшего надзора [5, с. 12].

Суть реорганизации прокуратуры в соответствии с основными принципами судебной реформы 1864 г. состояла в ограничении прокурорского надзора исключительно судебной областью, возложением на прокурора функций поддер-

жания государственного обвинения в суде и в таком усилении надзора за дознанием и следствием, который фактически превращал прокуроров в руководителей предварительного расследования. В связи с этим менялась и система органов прокурорского надзора: губернская прокуратура должна была уступить место прокуратуре, создаваемой в судебных округах. Но проведение судебной реформы шло медленно, оно закончилось лишь к началу XX в., поэтому в 60–90-е годы XIX в. в прокурорском надзоре существовали две ветви, две подсистемы: губернская и судебная прокуратура. Обе они претерпевали в этот период заметные изменения.

И все же по условиям того времени и порядков, царивших в российских судах до 1864 г., реформа, вне всяких сомнений, была крупным прорывом. И не только крупным, но и многоплановым, охватившим почти все институты судопроизводства и судоустройства, уголовного права. Существенно изменила свое лицо прокуратура. И хотя авторы Судебных уставов скорректировали диапазон прокурорского надзора делами «судебного ведомства», усилением публичности обвинения, контроля за следствием и дознанием, на практике власти вынуждены были найти эквивалент «общенадзорной» функции, сделав прокуроров полноправными членами губернских административных комитетов (т.е. властных контрольно-надзорных органов). Эта компенсация прокурорских правомочий нашла свое выражение в законодательстве о прокурорах в виде завуалированной формулировки: «Некоторые же другие обязанности, сверх того налагаемые на сии лица, определены в основных Уставах и положениях о принадлежности».

Система органов прокурорского надзора существенно не изменилась вплоть до падения царского режима. Даже революция 1905–1907 гг. не привела к заметным изменениям в ее организации, если не считать увеличения числа административных присутствий, в которых должен был участвовать прокурор, то есть расширения надзорной деятельности прокуратуры.

Таким образом, развитие системы прокурорского надзора проходило во второй половине XIX – начале XX в. в двух основных направлениях: 1) вытеснение губернской прокуратуры по мере проведения судебной реформы на территории страны; 2) усиление надзора за судами и адвокатурой и наделение прокуратуры функциями государственного юрисконсульта. «Новая прокуратура» хотя и продолжала оставаться органом исполнительной власти, непосредственно подчиненным правительству, в сравнении с губернской прокуратурой оказалась более самостоятельной и независимой от местных властей.

Библиографический список

1. Бессарабов, В. Г. Прокурорский надзор [Текст] / В. Г. Бессарабов. – М., 2006.
2. Российское законодательство X–XX веков [Текст]. – М., 1986. – Т. 4.
3. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности [Текст] / Н. В. Муравьев. – М., 1889.
4. Кутафин, О. Е. Предисловие [Текст] / О. Е. Кутафин // Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево: Российские прокуроры: XVIII век. – М., 1994.
5. Басков, В. И. История прокуратуры Российской империи [Текст] / В. И. Басков // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11 : Право. – 1997. – № 2.

А.Ю. Хубецова,

*аспирант Саратовского государственного
технического университета*

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Политика чаще всего понимается как взаимодействие и взаимоотношение различных социальных субъектов по поводу власти [1, с. 214], при этом возможно говорить о технологическом аспекте политики.

Основная направленность эволюции технологий власти и социального управления всегда заключалась в том, чтобы, используя наименьшие затраты средств и ресурсов, получить максимальный эффект воздействия на людей, обеспечив их «добровольную» подчиняемость.

Ключевую роль в оформлении, распространении и воспроизводстве символики политической власти играют средства массовой коммуникации. Их развитие и совершенствование предоставило власти принципиально новые возможности управления, многократно усилив эффективность использования информации в политических целях, произвело настоящую революцию в политических отношениях и способах социального управления в XX в. [2, с. 28–29]. Речь идет об информационном обществе, в жизни которого власть знаний и информации становится решающей, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. В данном контексте Тайичи Сакайя говорит об обществе, основывающемся на созданной знанием стоимости [3, с. 370], а Жан Бодрийяр и Марк Постер рассуждают уже о коллапсе смысла, наступающего вследствие медианакруженности [4, с. 29–30].

Информационное общество, существующее в условиях «глобальной деревни», по определению М. Маклюэна, имеет особые черты [5, с. 244–245]:

1. Речь идет о появлении феномена «дефицита от изобилия», который выражается не в недостатке фактических сведений, а в типичном для общественно-политического познания каузальном дефиците. Информационное пространство перенасыщено эмоциональными, зрелищными и событийными сюжетами, которые даже политического деятеля превращают в участника шоу.

2. Повсеместное распространение мультимедийных средств коммуникации модифицировало в том числе и общественно-политическую жизнь. Этот феномен проявляется в потребности в банальных развлечениях, тяге к сенсациям, массовым зрелищам, в потребности поведения по мерке отроческого и юношеского возраста.

3. Основным средством передачи информации становится визуальная коммуникация, визуальные коды и визуальные образы. Можно также говорить виртуализации общества, когда символические образования (политические ли-

деры, образы и смыслы) замещаются вторичными символами – символами символов [6, с. 1].

Эти особенности во многом определяют развитие методов управления с помощью информации, которое приобретает огромные масштабы и интенсивность, сами методы становятся все более изощренными. Уже существует понимание того, что специфическим образом организованная информационная среда выступает своеобразным информационным оружием, которое достаточно активно используется в политической борьбе.

Суть существующих приемов манипулирования общественным мнением еще в XIX в. определил несколькими фразами парижский адвокат и публицист Морис Жоли в своей книге «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX веке. Записано современником»: «Сегодня часто говорят о силе общественного мнения, я покажу вам, как его можно создать, если хорошо знаешь секретные механизмы власти.

Но прежде чем управлять народом, его нужно ошеломить, посеять сомнения удивительными противоречиями, ослепить его различными обещаниями и незаметно столкнуть с правильного пути.

Один из великих секретов сегодняшнего дня – суметь овладеть народными предрассудками и страстями, так, чтобы привести к смешению принципов, которое сделает невозможным любое соглашение между теми, кто говорит на одном языке и имеет общие интересы» [2, с. 3–5].

В этом отрывке в упрощенной форме описывается схема организации воздействия на массовое сознание. В настоящее время количество манипулятивных методик исчисляется десятками. Однако «ядром» технологических приемов управления общественным мнением принято считать семь основных методов, широко известных специалистам как «азбука пропаганды». Эти приемы активно используются и в настоящее время [2, с. 240–244; 7; 8].

Проведенный нами анализ сообщений основных региональных средств массовой информации за период с 1 сентября по 26 октября 2007 г. (газеты, телевидение, Интернет – 28 источников) позволил выявить примеры использования данных технологий участниками политической борьбы на региональном уровне.

1. «Приклеивание или навешивание ярлыков». Прием заключается в использовании оскорбительных эпитетов, названий, имен в отношении человека, организации, идеи, явления. Он строится на эксплуатации стереотипов и предрассудков населения с тем, чтобы вызвать негативное отношение к конкретному субъекту.

Ярким примером применения данного приема можно считать высказывания лидера саратовских коммунистов В.Ф. Рашкина относительно своего основного политического оппонента – партии «Единая Россия». Развивая идею о «лживости» и коррумпированности «партии власти», он называет ее «партией обмана и лакейства», «партией лукавого обмана», стремясь закрепить негативный образ в сознании населения.

Отметим, что представители КПРФ высокую активность проявили для нейтрализации другого своего конкурента. В связи с решением В.В. Путина возгла-

вить список «Единой России» на парламентских выборах моральное право «Справедливой России» называться «партией, поддерживающей Президента», было поставлено под сомнение. Одновременно усилилась «информационная волна», направленная на создание представления о «Справедливой России» как о партии, не обладающей самостоятельной силой, являющейся проектом Кремля. В средствах массовой информации появляются оскорбительные цитаты: «Справедливую Россию» Путин слил в унитаз». Лидера партии «Справедливая Россия» Председателя Совета Федерации С.М. Миронова В.Ф. Рашкин называл творцом «небритого социализма», «послушной марионеткой в руках кремлевских политехнологов», допускал сравнение: «Миронов напоминает мне того отморозка, который убил отца с матерью, а потом просил у суда снисхождения за то, что остался... сиротой».

2. «Сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность». Метод состоит в использовании эмоционально интенсивных слов, которые ассоциируются с основными ценностями общества и являются убедительными без дополнительной информации и ссылок на идеи людей. Данный метод апеллирует к таким чувствам, как любовь к стране, дому, стремление к миру, свободе, желанию гордиться родиной и т.д. Этот метод очень популярен в политической среде и используется практически каждым деятелем в соответствующих ситуациях.

О своей партийной программе представители регионального отделения партии «Справедливая Россия» говорят следующим образом: «В основе нашей идеологии лежат три понятия: труд, семья и справедливость... И вся наша предвыборная программа как раз базируется именно на том, что нужно сделать, чтобы простая семья, именно семья, а не один человек, стала жить лучше...». Фраза апеллирует к моральным ценностям, наиболее значимым для целевой аудитории: населения зрелого возраста – в основном, работников бюджетной сферы и пенсионеров.

3. «Перенос», или «трансфер». Суть метода состоит в проекции позитивных качеств человека (авторитет, поддержка, престиж) или моральных ценностей на другого человека либо группу. Таким образом иницируются ассоциации с тем, что имеет высокую ценность и значимость для окружающих.

Партия «Единая Россия» данный прием использовала, назвав долгосрочную стратегию развития страны «Планом Путина». Возможность более активно использовать данный прием «Единой России» предоставил сам Президент РФ В.В. Путин, объявив о своем намерении возглавить список партии на парламентских выборах. Высокий рейтинг Президента обусловил и рост рейтинга партии в регионах. Политики-«единороссы» получили возможность использовать социальный капитал, наработанный В.В. Путиным, для продвижения бренда партии. Внимание граждан акцентируется на связи Президента РФ с партией «Единая Россия», на необходимости обеспечения преемственности взятого курса, выборы в Государственную и областную Думы 2007 г. обозначаются как «референдум о доверии курсу Президента России».

Для политиков регионального уровня особый интерес представляет вице-спикер Государственной Думы Федерального Собрания РФ В.В. Володин. «Транс-

фер» осуществлялся включением в информационные материалы о его деятельности других представителей партии «Единая Россия», также участвующих в избирательной кампании. В.В. Володин лично представлял избирателям своих соратников, таким образом иницируя «перенос» своего высокого авторитета и доверия со стороны населения и на них.

Для дискредитации конкретных лиц, идей, ситуаций, социальных групп и организаций используется также и негативный «трансфер» посредством побуждения к ассоциациям с явно отрицательными понятиями и социально неодобряемыми явлениями, событиями, действиями, фактами, людьми и т.д.

4. «Ссылка на авторитеты». Метод состоит в использовании авторитетных, известных для целевой аудитории людей или групп. В качестве таких групп влияния могут выступать известные политики, деятели культуры, актеры, руководители предприятий, преподаватели высших и средних учебных заведений. Таким образом, у человека как объекта манипулятивного воздействия иницируется формирование соответствующего отношения – эмоционально позитивного или отрицательного.

В областных новостных сюжетах свое мнение по той или иной проблеме высказывают авторитетные для определенной аудитории специалисты: политтехнологи, чиновники высшего звена, руководители политических партий.

Данный прием очень близок к технике «продвижение через медиаторов». «Кинозвезды» и другие популярные лица имеют достаточно широкую аудиторию и пользуются значительным авторитетом и доверием со стороны населения, поэтому вопрос о компетентности их мнений и оценок часто даже не возникает. Этим фактом и обусловлено участие подобных персоналий в передачах рекламно-пропагандистского характера, избирательных кампаниях.

Так, федеральные средства массовой информации оповещают аудиторию о вступлении в партию «Справедливая Россия» всеми любимыми артистами Валерия Золотухина, Евгения Жарикова, Игоря Старыгина, знаменитого хоккеиста Александра Якушева, известного российского режиссера Юрия Грымова, фигуриста, олимпийского чемпиона Евгения Плющенко. В Саратовскую область в качестве важного гостя прибывает генерал армии Валентин Иванович Варенников. Руководство саратовского отделения партии «Справедливая Россия» подчеркивает, что поддержка, оказываемая такими достойными людьми, настоящими патриотами, доказывает серьезные перспективы партии. Декларируя поддержку знаменитых персон, партия наращивает политический капитал, стремясь вызвать как можно больше положительных эмоций, ассоциаций у своего электората.

5. «Свои ребята» или «игра в простонародность». Этот прием направлен на пробуждение в объекте воздействия ощущения близости политика к народу, к оцениванию его в терминах «свой человек», «один из нас».

Прием очень эффективно использовался в кампании В.В. Володина: материалы подаются в виде репортажей или отчетов о его поездках, в каждом районе депутат проводит встречи с населением. Транслируется сюжет, в котором вице-спикер Государственной Думы сам ведет машину, вспоминая о том, как в детстве приходилось добираться до школы по бездорожью. Таким образом

близость к народу подчеркивается не только путем непосредственного общения с избирателями, но и общим прошлым («вышел из народа»).

6. «Перетасовка», или «Подтасовка карт». Заключается в подборе только положительных или только отрицательных фактов для доказательства справедливости той или иной оценки или суждения. Факты преподносятся в такой последовательности и в таком контексте, что аудитория приходит к нужным для коммуникатора выводам. В последнее время этот прием чаще используется в измененном виде под названием «потенцирование», «акцентирование».

Наглядный пример – сообщения В.Ф. Рашкина относительно деятельности Президента РФ В.В. Путина. Цель информационного воздействия заключается в формировании у электората негативного представления о лидере страны, о проводимой им политике, которая, по утверждению первого секретаря Саратовского обкома КПРФ, направлена на то, чтобы остаться у власти, на рост благосостояния отдельных категорий лиц (олигархов), а вовсе не на улучшение жизни рядовых граждан. Информационные материалы наполнены фактами, которые «подтверждают» выбранную гипотезу.

7. «Общий вагон («вместе со всеми») – нагнетание желаемой реакции внушением мысли о ее общепризнанности и разумности. При использовании данного приема осуществляется подбор суждений, высказываний, фраз, требующих единообразия в поведении, создающих впечатление, будто так делают все. Сообщение, например, может начинаться словами: «Все нормальные люди понимают, что...» или «ни один здравомыслящий человек не станет возражать, что...» и т.п. Посредством «общей платформы» у человека вызывается чувство уверенности в том, что большинство членов группы принимает конкретные ценности, идеи, программы, разделяет предлагаемую точку зрения.

Многочисленные приемы управления общественным мнением совершенствуются и развиваются в рамках рекламной и пропагандистской деятельности, работы специалистов по связям с общественностью, кампаний по формированию имиджа. Однако в условиях конкурентной борьбы, на фоне стремительного развития системы массовых коммуникаций, с учетом особенностей формирования и функционирования общественного мнения, в том числе и в этих новых условиях, субъектам политического поля необходимо искать качественно новые подходы к организации своего существования в современном информационном пространстве.

Библиографический список

1. *Науменко, Т. В.* Социология массовой коммуникации : учеб. пособие [Текст] / Т. В. Науменко. – СПб., 2005.
2. *Грачев, Г. В.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита [Текст] / Г. В. Грачев. – Волгоград, 2004.
3. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология [Текст] / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999.
4. *Уэбстер, Ф.* Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер ; под ред. Е. Л. Вартановой ; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной. – М., 2004.
5. *Матвеева, Л. В.* Психологические аспекты медиакommunikации [Текст] / Л. В. Матвеева // Информация. Дипломатия. Психология. – М., 2002.

6. Кошелюк, М. PR как деятельность по управлению социальными контекстами / М. Кошелюк // www.princippr.ru/pub/prcon.html

7. Копичникова, А. П. Манипулирование мнением и поведением российского электората (политологический анализ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук / А. П. Копичникова. – М., 2005.

8. Овчинникова, М. А. Связи с общественностью как технологии президентской власти в США [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. А. Овчинникова. – М., 2002.

Э.А. Сергеева,

аспирант Мурманского государственного

педагогического университета,

начальник организационного отдела филиала ФГОУ ВПО

«Северо-Западная академия государственной службы»

в г. Мурманске

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В ходе коллективной деятельности и межчеловеческой коммуникации индивид стремится к познанию реальности, обладанию осмысленной картиной происходящего. Он пытается рационально и эмоционально воссоединить элементы своего социального и индивидуального опыта, ищет ответы на вопросы бытия, потому что в них оправдывается и его собственная жизнь. Но на пути к познанию индивид встречается со множеством помех, имеющих отношение к самой работе сознания. Давление на индивидуальное и массовое сознание, манипулирование сознанием почитается основным и фундаментальным для идеологии [1, с. 4–6].

Идеология обладала и обладает высокой социально-политической значимостью. Сколько бы ни писали в разные годы о «конце идеологии», история XX в. в целом свидетельствует о фантастическом росте ее эффективности и влияния, особенно в сочетании с воздействием современных средств массовой коммуникации. Кроме того, «социологизация» в понимании идеологии, видимо, была вызвана сочетанием исторических случайностей в теоретической судьбе этой проблематики.

Основа исходного анализа – марксовское понимание идеологии. Под какой же общей категорией проходит у К. Маркса всякое размышление об идеологии?

Для пояснения и уточнения термина «идеология» у К. Маркса почти всегда присутствует слово «иллюзия». В большинстве марксовских текстов «иллюзия» имеет своими контрагентами понятия «реальность» или «действительность», причем в постоянном и определенном отношении – реальность,

порождающая иллюзию о себе самой. Иначе – реальность, включающая в себя ею же порожденную иллюзию о самой себе. Или: идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включенное в нее [2, с. 61].

Итак, идеология – самообман, иллюзия, порождаемая в человеческом процессе, а не преднамеренная ложь и не «ложное сознание». Применительно к текстам «Немецкой идеологии» с этим сложно согласиться, поскольку К. Маркс постоянно использует понятие «идеологические иллюзии», имеющее в качестве противовеса слово «реальность».

Теоретически обоснованное отображение социальной реальности согласно марксизму подменялось предположением, что идеология классовых обществ была ненаучной, то есть выражала интересы господствующих классов. В XX в. эта гипотеза была модифицирована: провозглашалась смена частной и ложной (буржуазной) идеологии идеологией научной (коммунистической), выражающей гармонию интересов социальных слоев на экономическом базисе общественной собственности.

Научность этой идеологии оказалась иллюзорной и даже фальсифицированной. Но в данном случае интересен другой вопрос: можно ли очистить общественное сознание от идеологии, полностью деидеологизировать его? Иными словами, можно ли провозгласить и фактически положить конец идеологии?

Отношения между людьми, основанные на логике, сами собой создают некое прозрачное пространство сознания. В нем действуют простые и четкие жизненные ориентиры. С момента исчезновения идеологии из мышления и деятельности людей будут изжиты всякие идеологические моменты. Если это так, то нет нужды в идеологическом или идейном осмыслении путей развития общества. Гипотеза деидеологизации общественного сознания содержит этот, не всегда ясно высказываемый и четко проговариваемый, мотив. Но он явственно звучит в коммерциализации образования и культуры, в отсутствии для нашей страны какой-либо общественной программы или «картины», позволяющей хотя бы «оживить» ценностные ориентации людей.

В идеологическом вакууме «поселились» разнообразные мифы: политические, экономические, культурные. Они не придали сознанию общества ни стройности, ни перспективы, а ценностные ориентации людей не нашли опоры и сами утратили смысл.

Социологическое наследие К. Мангейма отмечается схожестью его взглядов с тем, что писал об идеологии К. Маркс. Такая связь действительно может быть прослежена.

Работа К. Мангейма «Идеология и утопия», где развернуто проанализирован феномен идеологии, представляет особый интерес. Тоталитарный строй поддерживался всепроникающей индоктринизацией масс. Общество пережило длительный период нарастающей идеологизации [3, с. 462–463]. Вместе с тем в общественной практике складывалось крайне упрощенное представление о возможностях воздействия на умы людей. Предполагалось, что достаточно обратиться к человеку с набором логических доводов, чтобы превратить его в своего единомышленника. Если даже этого не происходило, то рождалось подозрение,

будто те, что не в состоянии воспринять очевидные и непогрешимые истины, имеют некий изъян в собственном сознании. Критический настрой мысли, присущий творческому человеку, потребность вступить в дискуссию оценивались как проявление инакомыслия. Податливое, конформистское сознание, напротив, идеализировалось. Производство социальных мифов было поставлено на поток.

В такой системе представлений и в самой социальной практике игнорировался феномен сознания, его многомерность, сложность. Не принималось в расчет и то обстоятельство, что мышление человека, по существу, вырастает из всей психологической структуры личности. Человек действует эффективно только тогда, когда каждый шаг его действия апробирован личным разумом, освящен его чувствами, вызван к жизни его персональной волей. Личность не может действовать, если в ее сознании не выстроилась относительно целостная картина мира.

Научный анализ К. Мангейма особенно актуален в свете многих проблем, которые волнуют сегодня общество. Оно никогда не вырвется из оков идеологических постулатов, идеологических сетей, если не будет решать свои проблемы в одномерном направлении мысли. Но все богатство и многообразие совокупного духовного опыта не может вылиться в нечто одномерное, ибо само по себе это исключает идею многообразия. В целом ход рассуждений К. Мангейма, его общие теоретические посылки, прогностический пафос не утратили своего значения.

К. Мангейм делает акцент на функциональном значении идеологии. По его мнению, идеология – совокупность хотя и искаженного знания о действительности, но имеющего целью сохранить существующий порядок вещей [3, с. 460]. Идеология вводит в повседневное сознание людей идею времени, стратегический прогноз, задает образную или понятийную панораму целей, вместе с тем разворачивает поле смыслов, притязаний, надежд. Это поле открыто для сознательной и рациональной проработки, оно может быть структурировано, в нем могут быть определены возможные модификации существующих культурных стандартов, точки схода различных общественных интересов, «узлы» возможных социальных конфликтов.

Наличие этой идейной проекции социального процесса является условием нормального напряжения, наполненности, ориентированности человеческого сознания. Культурная функция идеологии не в том, что она – логос, а в том, что она – топос, образ, идея человеческого сознания, выходящего за рамки узко понятого настоящего, натуралистически представленной реальности. Идеология стимулирует проективную работу сознания общества, сознания людей.

Общество создает идеологию, чтобы задать направленность и пространство разворачиванию сознания. Оно создает науку, чтобы специализировать и наращивать познавательную деятельность, и именно в этом видит ее социальную задачу.

Невозможно говорить об идеологии, сознании общества и индивида без понятия «отчуждение». Отчуждение, по К. Марксу, означает, что человек в своем освоении мира не узнает себя самого как первоисточника, как творца, а

мир кажется ему чужим, посторонним по отношению к нему. Они, как предметы, ему противостоят, хотя могли бы быть созданы им самим. Отчуждение означает восприятие мира (и себя самого) пассивно, разорвано, в отрыве субъекта от объекта.

Понятие «отчуждение» было введено в философию Г.В.Ф. Гегелем. Для него история человека была одновременно и историей человеческого отчуждения. Для К. Маркса, как и для Г.В.Ф. Гегеля, понятие «отчуждение» базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование отделено (отчуждено) от его сущности, что человек в наличной действительности представляет собой вовсе не то, что он есть в потенции, то есть он является собой не того, кем он может и должен стать.

Понятие «превращенной формы» дает ключ к анализу сознания на различных его уровнях. Применяя данный термин, К. Маркс сумел поставить явления общественного (и индивидуального) сознания в систему социальной деятельности. Это понятие позволяет вывести духовные, идеологические образования из их материально-социальной основы, а не сводить их к ней, ложно предполагая зеркальное отображение общественных структур в идеологических, культурных, выявить постоянно меняющееся отношение между автоматическим и сознательным в общественном поведении и действии, проникнуть в особенности функционирования личностных структур, складывающихся из ассимиляции индивидом общественных культурных систем.

В свете идеологических отношений К. Маркс интерпретировал превращенную форму как ложное сознание, то есть не как субъективное индивидуальное заблуждение, а как общественно необходимую видимость отношений, воспроизводящуюся в представлениях их агентов. Именно превращенные формы действительных отношений являются содержанием мотивов, побуждений к действию непосредственных агентов общественных отношений [4, с. 94].

В рамках понимания сознания в качестве главного отличительного признака человека именно в идеологической нормативности больше всего проявляется собственно человеческий способ существования живого. Если естествознание в своей субъективности нейтрально, а политика и право сугубо прагматичны, то идеология изначально предвзята, будучи безусловным оправданием существования одной жизни за счет другой.

Что касается влияния идеологии, то негативна не сама по себе идеология – без нее нет и быть не может ни общества, ни человека; индивид – существо социальное и политическое, поскольку живет в обществе и оценивает общество и его явления. Другое дело – какова эта идеология, каков ее характер. А они могут быть различны: демократические, авторитарно-тоталитаристские, неразвито-обывденные, интеллектуально-теоретические, объективистские или субъективистские, монистические или плюралистские и т.п. Возможно достижение идеологией степени максимально объективного отражения социальной действительности и почти полное слияние интересов субъекта объективного знания с интересами субъекта идеологии.

В концепции К. Мангейма, как и других представителей деидеологизации, много верного. Однако их стремление вообще перечеркнуть идеологическое

сознание как необходимую сферу общественной жизни выглядит неубедительно. Наличие идеологий (классовых, государственных, национальных) – это реальность, с которой следует считаться. Дело, по-видимому, не в ликвидации идеологии как таковой, а в создании условий, при которых она не выходила бы за пределы своего прямого предназначения и сферы действия.

Таким образом, идеология есть такое отношение, когда сущность и явление меняются местами; когда явление выставляется за сущность, а сущность выдается за явление. В этом и заключается идеологический подход. Значит, все, что производное, должно рассматриваться как производное, а все исходное – как исходное.

Кроме того, идеология – не выдумка, не заблуждение индивидов или отдельного общества. Она является исторически необходимой формой развития; через идеологическую форму нужно пройти. Не следует новую форму идеологии рассматривать как случайную. В противном случае это будет идеологическое отношение к идеологии, а не научный взгляд на нее.

Понимание, осознание, познание чего-то – это не вневременной и внепространственный акт. Сам процесс понимания, познания, истины – исторический процесс. А значит, здесь соединяются две вещи воедино: с одной стороны, реальное существование развития, которое приобретает идеологическую форму с необходимостью, и, с другой стороны, осознание этого процесса.

Если бытие действительно определяет сознание, если сознание определяет форму, то содержание должно проделать определенное развитие, прежде чем достигнет осознания своей формы. Значит, идеологическая форма является исторически неизбежной. Весь исторический характер развития общества является идеологическим, потому что его собственный закон, действующий в самом этом обществе, в соотношении моментов общества, выступает на различных ступенях своего развития, только в виде явлений, в форме проявлений.

Библиографический список

1. *Дилигенский, Г. Г.* Марксизм и проблемы массового сознания [Текст] / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1983. – № 11. – С. 3–15.
2. *Баллаев, А. Б.* Метод «преобразующей критики» в «Немецкой идеологии» [Текст] / А. Б. Баллаев // Читая Маркса. – М., 2004.
3. *Мангейм, К.* Идеология и утопия: Диагноз нашего времени [Текст] / К. Мангейм. – М., 1994.
4. *Бухаров, А. С.* Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера [Текст] / А. С. Бухаров. – М., 2002.

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

С.Н. Ермоченко,

*начальник кафедры подготовки и призыва граждан
на военную службу Военного института повышения квалификации
специалистов мобилизационных органов
Вооруженных Сил Российской Федерации (ВИПКСМО ВС РФ),
соискатель Саратовского государственного
технического университета*

ВЛИЯНИЕ ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Теоретическое осмысление природы такого феномена как война, выявление ее нравственных и культурных составляющих, определение роли армии в общественных процессах в мирное время занимают важное место в современной научной литературе. Существует множество подходов к анализу вопросов подготовки государства и граждан к войне и последствий войны – социологический, антропологический, политологический, психологический, однако во всех подобных исследованиях отсутствует общеметодологический подход. Еще более сложным оказывается определение понятия «воинская культура».

В научной литературе достаточно широко представлены историко-археологические исследования военных традиций различных народов, включающие в воинскую культуру разнообразные составляющие, от материальных (определенные типы вооружения, обмундирование и пр.), до духовных (идеологические основания войны, принципы доблести, верности, благородства, распространенные в конкретной культуре) [1, с. 86–89]. Условно в воинской культуре можно выделить материальную и духовную части. К материальным элементам воинской культуры относятся Боевое знамя воинской части; военная форма; ордена, другие награды и геральдические знаки; места военных захоронений и памятники воинам. Духовные компоненты воинской культуры включают в себя воинские ритуалы (ритуалы присяги или награждения, а также ритуалы воинских дисциплин, порядка и быта); воинские традиции (межличностные взаимоотношения, отношение к государству, врагу, мирным гражданам и т.д.);

мировоззренческие установки (представления о чести, доблести, верности, самопожертвовании, гуманизме), уровень эрудиции у офицеров; принципы профессионализма (степень овладения военной специальностью).

Особенность воинской культуры заключается в том, что и материальные и духовные компоненты неразрывно связаны между собой. Рассуждая о Боевом знамени или военной форме, невозможно оставить без внимания вопросы воинской чести и доблести, профессиональной подготовки и т.д. Материальные ценности воинской культуры являются воплощением духовных принципов служения Отечеству. Чем очевидней эта связь в обществе, тем более востребованы и престижны материальные символы воинской культуры. Если существуют проявления неуважения к таким символам воинской культуры, как памятники, воинские захоронения, то это говорит о том, что духовные принципы доблести и служения народу и государству потеряли ценность и значимость в данной культуре.

Синтез разнообразных компонентов российской воинской культуры (и материальных, и духовных) свидетельствует о том, что в основе воинской культуры лежит базовое понятие – «патриотизм». Все воинские ритуалы призваны вызывать именно патриотические чувства; без определенного уровня патриотизма невозможна и профессиональная мотивация военнослужащего; патриотические предопределяют такие культурные феномены, как историческая память, культурная идентичность.

В толковом словаре В.И. Даля слово «патриот» означает «любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник» [2, с. 58]. По мнению историка Н.М. Карамзина, патриотизм выступает высшей формой самосознания человека, патриотические чувства – это «любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и поэтому не все люди имеют его» [3, с. 389–392].

Идея понимания патриотизма в личном плане получила свое теоретическое развитие у Г.П. Флоровского. Он рассматривал его как культурное творчество и национальное напряжение собственных сил. Именно этот личностный акт, а не голая военная мощь создает, по мнению Флоровского, величие России, формирует «праведную и благословенную любовь» к Родине [4, с. 157–174]. Патриотизм можно определить как духовно-творческий акт возвышения личности, обладающей важнейшими нравственными качествами, до осознания ее нераздельности, единства с Отечеством как высшей ценностью, необходимости служения ему, своему народу.

По мнению Л.П. Карсавина, наиболее ярким и стойким носителем любви к Отечеству, истинного патриотизма является армия. Патриотическая направленность армии определяется ее «народною природой» [5, с. 34–45]. И.А. Ильин, отождествляя главное предназначение армии с высшим патриотическим долгом, с идеей наиболее самоотверженного и последовательного служения великой России, писал, что «русская армия всегда была школой патриотической верности», она является «нашей силой, нашей надеждой, основой нашего национального существования» [6, с. 36–37]. Армия невозможна без патриотизма и жертвенности. У современных исследователей, например у В.И. Лутовино-

ва, патриотизм понимается как «одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, которая является важнейшим духовным достоянием личности» [7, с. 59].

Патриотические чувства нельзя рассматривать в качестве априорных констант культуры, патриотизм прививается и воспитывается через разветвленную сеть образовательных институтов и общественных организаций. Основным институтом, обеспечивающим организацию и функционирование всей системы патриотического воспитания, является государство. Создание такой системы предполагает консолидацию деятельности органов власти всех уровней, научных и образовательных учреждений, ветеранских, молодежных, других общественных и религиозных организаций, творческих союзов для решения широкого комплекса проблем патриотического воспитания на основе программных проектов и единой государственной политики в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации [8].

Для развития патриотического воспитания в масштабах государства с 2001 г. в России были сформулированы и реализованы две государственные программы по патриотическому воспитанию граждан: государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 г.г.» и государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 г.г.» [9, 10]. Патриотическое воспитание оказалось в эпицентре ряда проблем, затрагивающих интересы больших слоев общества (прохождение военной службы по призыву и по контракту, переподготовка воинов запаса, деятельность военных кафедр в вузах, проведение занятий по основам военной службы в образовательных учреждениях и др.).

Патриотическое воспитание можно определить как многоплановую, систематическую, целенаправленную и скоординированную деятельность государственных органов, общественных объединений и организаций по формированию у молодежи высокого патриотического сознания, возвышенного чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины [11, с. 24]. В подобной трактовке патриотическое воспитание оказывается тесно связано с военно-патриотическим воспитанием, которое мы предлагаем понимать как составную часть патриотического воспитания, его высшую форму, ориентированную на формирование у молодежи высокого патриотического сознания, идей служения Отечеству, способности к его вооруженной защите, привитие гордости за русское оружие, любви к русской военной истории, военной службе и военной форме одежды, сохранение и приумножение славных воинских традиций. Целью военно-патриотического воспитания в таком случае является развитие у молодежи гражданственности, чувства патриотизма как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей, формирование у нее профессионально значимых качеств, умений и готовности к их активному проявлению в различных сферах жизни общества, в процессе военной и других, связанных с ней, видов государственной службы, верности конституционному долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности [12, с. 16].

Для достижения этой цели требуется выполнение следующих основных задач:

- проведение научно обоснованной управленческой и организаторской деятельности по созданию условий для эффективного военно-патриотического воспитания молодежи;

- утверждение в сознании и чувствах молодежи патриотических ценностей, взглядов и убеждений, уважения к культурному и историческому прошлому России, к традициям, повышение престижа государственной гражданской и военной службы;

- организация новой эффективной системы военно-патриотического воспитания, обеспечивающей оптимальные условия развития у молодежи верности Отечеству, готовности к достойному служению обществу и государству, честному выполнению долга и служебных обязанностей;

- создание механизма, обеспечивающего эффективное функционирование системы военно-патриотического воспитания молодежи, в том числе проходящей службу в рядах Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, учащейся в образовательных учреждениях.

В содержании военно-патриотического воспитания условно можно выделить два основных, тесно взаимосвязанных компонента. Первый характеризуется более широкой социокультурной направленностью. Он основывается на таких элементах, как позитивные мировоззренческие взгляды и принципы, взгляды на основные культурные, социальные, исторические, нравственные, политические, военные и другие проблемы, важнейшие духовно-нравственные, деятельностные качества (любовь к Родине, уважение к законности, ответственность за выполнение конституционных обязанностей и обеспечение безопасности его граждан и другие) [13, с. 64].

Сегодня возрастает значение второго, более специфического компонента содержания военно-патриотического воспитания. Это предполагает его более глубокую и последовательную дифференциацию, основательную и всестороннюю разработку в соответствии с теми конкретными задачами (прежде всего практического характера), которые возлагаются на гражданина, защитника Отечества [14, с. 80].

Среди основополагающих принципов патриотического воспитания, представляющих собой исходные руководящие положения при осуществлении практической деятельности в этой сфере, выделяются следующие:

- научность, гуманизм, демократизм, приоритетность исторического, культурного наследия России, ее духовных ценностей и традиций;

- системность, преемственность и непрерывность в развитии молодежи с учетом особенностей ее различных категорий; многообразие форм, методов и средств, используемых в целях обеспечения эффективности воспитания;

- его направленность на развитие возможностей, способностей и качеств каждой личности на основе индивидуального подхода, тесная и неразрывная связь с другими видами воспитания.

Реализация принципов данной модели военно-патриотического воспитания требует решения многочисленных социальных, экономических и культурных

проблем. Сегодня, как показывают исследования [15, с. 67–93], в российском обществе отсутствует общенациональная идея патриотизма. И в средствах массовой информации и на уровне обыденного сознания патриотические чувства тесно связаны с национальными, религиозными, субкультурными особенностями, что усиливает дифференциацию в обществе. Кроме того, существенные отличия в материальном положении представителей разных социальных и профессиональных групп лишь подчеркивают мировоззренческую конфронтацию внутри общества. Материальное и духовное противостояние социальных групп не может способствовать эффективной реализации программы военно-патриотического воспитания, так как его принципы опираются прежде всего на идею Служения Родине, а не на идею защиты определенной конфессии, этнической или социальной группы.

Преодоление культурной разобщенности и непонимания является сложным и многогранным процессом, в котором система военно-патриотического воспитания может сыграть важную роль. Ведь идея достойного служения Отечеству (как военного, так и мирного) вполне соотносится с востребованными в современной культуре концепциями индивидуального развития, карьерного и материального роста. В связи с этим основной задачей на данном этапе развития военно-патриотического воспитания мы считаем консолидацию имеющих в российском гражданском обществе и государственных институтах ресурсов воспитания. Сегодня это – вопрос будущего всего российского общества, его целостности, материального благополучия и духовного роста.

Только комплексный подход к проблеме эффективного осуществления военно-патриотического воспитания молодежи позволит трансформировать понятие «патриотизм» из формального лозунга в основополагающую и востребованную идею современной культурной жизни.

Библиографический список

1. Дугин, А. *Философия Войны* [Текст] / А. Дугин. – М., 2004.
2. Даль, В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка* [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М., 2003. – Т. 3.
3. Карамзин, Н. М. *Избранное* [Текст] / Н. М. Карамзин. – Л., 1990.
4. Флоровский, Г. П. *О патриотизме праведном и греховном* [Текст] / Г. П. Флоровский // Параллели. – 1991. – № 2.
5. Карсавин, Л. П. *Армия и революция* [Текст] / Л. П. Карсавин // Евразийская хроника. – 1927. – Вып. 9.
6. Ильин, И. А. *Спутник Русского Христианского Националиста* [Текст] / И. А. Ильин. – Женева, 1937.
7. Лутовинов, В. И. *Развитие патриотизма в России 21 века* [Текст] / В. И. Лутовинов, И. И. Мельниченко. – М., 2004.
8. *Концепция национальной безопасности Российской Федерации* [Текст]. – М., 2005.
9. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» // <http://www.businesspravo.ru>
10. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.» // <http://www.businesspravo.ru>
11. *Патриотически ориентированное образование: методология, теория, практика* [Текст]. – М. ; Волгоград, 2005.

12. Итоги выполнения государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» [Текст] // Патриот Отечества. – 2006. – № 4.
13. Патриотическое воспитание молодежи [Текст] : методический сборник. – Великий Новгород, 2004.
14. Сборник нормативных правовых документов и материалов по патриотическому воспитанию и подготовке обучающихся к военной службе [Текст]. – М., 2000.
15. Бойков, В. Э. Народ и власть: результаты социологического мониторинга 1999–2006 гг. [Текст] / В. Э. Бойков. – М., 2007.

А.А. Фурс,

*соискатель Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ДИНАМИКА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЦЕРКВИ РЕФОРМАЦИИ В РОССИИ: ЭТАПЫ И ФАКТОРЫ

Динамика институционализации церкви, последовавшей учению Реформации, прослеживается в процессах ее возникновения и интегральной эволюции как религиозного института. В ходе такого становления концептуально менялась ее роль, масштабы и влияние на общественное сознание.

На протяжении развития лютеранства в России церковь переживала серьезные изменения, трансформировались и традиции, и опыт, и сама религиозная организация. Менялся социальный состав верующих, возникали и распадались различные новообразования внутри церкви в целом, постоянно кипели внутренние столкновения, за вероисповедной и культовой формой которых скрывалась борьба социальных и национальных общностей по поводу реализации присущих им интересов.

Для России как многонационального государства протестантизм на протяжении многих веков являлся традиционной религией. Основная ветвь протестантизма – лютеранство, возникшее в Европе в результате реформационного движения XVI в., по количеству верующих было в Российском государстве наиболее многочисленной организацией протестантского направления. Так, в начале XX в. протестантизм исповедовали 5,2% населения страны [1, с. 12].

Согласно Своду законов Российской империи лютеранство являлось в России терпимой конфессией и никогда не находилось на одном уровне с государственной религией – православием, следовательно, и не могло играть той главенствующей роли, которая была отведена Православной церкви. Однако государство всячески покровительствовало Евангелическо-лютеранской церкви – лютеранство имело самостоятельную церковную организацию, пользовалось рядом льгот и привилегий. Общие законоположения о протестантизме в России в

соответствии со Сводом законов (1896, т. 11, ст. 1, 2) провозглашали полную свободу исповедания протестантской веры и совершения богослужений. Кроме того, Свод законов Российской империи определял обязанности пасторов (т. 11, ст. 257–385, 432–465) и кюстеров (т. 11, ст. 505), предписывал порядок проведения лютеранского богослужения (т. 11, ст. 257–266, 787–797), а также предусматривал внутреннее строение церкви, устройство и управление протестантских общин и т.д.

Причины более чем лояльного отношения к Евангелическо-лютеранской церкви со стороны царского правительства были следующими:

исторически сложившееся широкое распространение данной религии в определенных областях России – Прибалтике, Финляндии и других;

принадлежность некоторых российских царей и членов их семей до перехода в православие к протестантизму;

отсутствие у Евангелическо-лютеранской церкви ярко выраженного стремления к миссионерству в России и желания выйти из-под влияния государства в отличие от некоторых других конфессий.

Все это и обусловило в целом привилегированное положение Лютеранской церкви в Российской империи, несмотря на различия в основных положениях вероисповедания и религиозной догматики между официальной государственной религией (православием) и лютеранством.

В рассматриваемый период Евангелическо-лютеранская церковь оформилась как система учреждений и совокупность профессионалов – служителей этой церкви. Лютеранство обладало одним важнейшим качеством – его верноподданническая позиция в отношении властей, связанная с проповедью непротивления и полного подчинения, как нельзя лучше подходила для государства, одной из главных забот которого было добиться подчинения со стороны всех слоев общества.

Об успешной институционализации и интеграции Евангелическо-лютеранской церкви в российском обществе свидетельствует ряд фактов. В ведении церкви по всей стране находились десятки благотворительных организаций: евангелические больницы, евангелические детские приюты, кассы для бедных, евангелические попечительства о бедных женщинах и детях. Лютеранские пасторы внесли значительный вклад в развитие духовной культуры российского народа. Многие священнослужители являлись образованными людьми своего времени, писателями, поэтами, переводчиками, врачами. Представители лютеранского вероисповедания играли значительную роль в управлении страной. В 1853 г. число лютеран в Государственном совете достигало более 16% (9 из 55), в Сенате около 11% (12 из 113), в Комитете министров более 11% (2 из 18), в губернаторском корпусе около 19% (9 из 48) [2, с. 130, 135, 138, 152].

Процесс формирования единой Евангелическо-лютеранской церкви в России завершился во второй половине XIX в., к этому же периоду относится процесс централизации церкви. Он выражается в том, что церковь как орган управления имеет относительную самостоятельность и является обладательницей особых интересов по отношению к верующим. Одной из важнейших целей церковной организации становится поддержание и воспроизводство це-

лостности и устойчивости самого института церкви. В ходе этого процесса активизируется деятельность органов управления по введению предписаний, требующих безусловного подчинения аппарату церкви, усиливается особый метод идеологической деятельности – нормативно-правовая регламентация, связанная с разработкой определенных идейных обоснований и созданием структур организационной деятельности, направленных на пропаганду этих идей, их реализацию.

Постоянно увеличивающееся число церковных общин и прихожан в них привело к созданию за вторую половину XIX в. семидесяти новых лютеранских приходов в двух консисториальных округах России. Число лютеран в них возросло в 1862–1917 гг. в 2,8 раза. Повсеместно строились новые кирхи, открывались церковные школы и училища.

К 1917 г. Евангелическо-лютеранская церковь в России включала пять консисториальных округов, два из которых находились в России (Петербургский и Московский) и три в Прибалтике (Эстляндский, Курляндский и Лифляндский). В стране насчитывалось 3674 тыс. лютеран. Из них в коренной России проживало 1249 тыс. человек, остальные – в Прибалтике. Пять консисториальных округов состояли из 539 церковных приходов, 202 из которых находились на территории собственно России [3, с. 97–98]. К этому времени в стране имелось 1828 евангелическо-лютеранских церквей и молельных домов, из них 1173 – в России и 655 – в Прибалтике. Преобладающее количество церквей были каменными, более половины из них находились в сельской местности.

По национальному составу на 1917 г. 72,5% лютеран в российских консисториальных округах были немцами, остальные 27,5% – представителями других национальностей (латыши, эстонцы, финны, шведы, армяне, русские). В 1914 г. в должности состояло 198 лютеранских пасторов (114 пасторов и 5 кандидатов в Петербургском округе и 76 пасторов и 3 кандидата в Московском консисториальном округе), к 1918 г. число ординированных пасторов достигло 209 [3, с. 97–98].

Приведенные факты и цифры бесспорно свидетельствуют о том, что Евангелическо-лютеранская церковь как социальный институт российского общества до революции 1917 г. занимала одну из ведущих ролей в системе религиозных организаций, пользовалась покровительством государства и авторитетом общества.

Характеристика современной религиозной ситуации в России предполагает осмысление роли, тенденций и перспектив развития различных религиозных конфессий и деноминаций. Известно, что протестантизм – традиционная для нашей страны религия. Современные исследователи отмечают важность протестантизма, и в частности лютеранства, для нашей страны, объясняющуюся по меньшей мере тремя обстоятельствами.

Во-первых, по разным оценкам, в конце 90-х годов XX в. в Российской Федерации и странах Содружества Независимых Государств проживало 265 тыс. лютеран, большей частью прихожан Евангелическо-лютеранской церкви в России и других государствах и Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии на территории России [4]. Лютеране находятся на втором по численности месте среди

всех протестантских направлений, их число только в России оценивается, по различным данным, от 85 до 170 тыс. человек. По данным за 2000 г., прихожанами Евангелическо-лютеранской церкви в России и других государствах СНГ числились 70 тыс. человек, прихожанами Церкви Ингрии – 15 тыс. человек, еще 5 тыс. человек являлись реформатами [5, с. 5].

Во-вторых, в Российской Федерации существуют регионы компактного проживания лютеран, например Карелия или Ленинградская область. Но помимо указанных регионов, лютеране проживают практически во всех субъектах РФ.

В-третьих, распад СССР привел к тому, что немалая часть протестантов оказалась вне России (например, в бывших советских республиках – на Украине, в Белоруссии, в Молдавии). Ряд государств ближнего (Латвия, Литва, Эстония) и дальнего (Германия, США) зарубежья, население которых в значительной части исповедует протестантизм, являются важными партнерами современной России.

Перечисленные геополитические обстоятельства заставляют Россию внимательно относиться к протестантизму, в том числе и при принятии решений по внутри- и внешнеполитическим вопросам.

В настоящее время в мире наблюдается процесс возрождения протестантизма как формы духовной жизни определенной части населения, его менталитета, образа мыслей и действий, что заметно и в общественно-политической жизни Российской Федерации. В России оживилась деятельность протестантских священнослужителей и богословов, в различных уголках страны создаются новые религиозные общины, формируются общественные объединения, благотворительные, просветительские, культурные общества, исследовательские и научные центры, религиозные миссии, которые выражают интересы протестантов, и в частности лютеран. В Российской Федерации несколько лет назад создан просветительский фонд «Лютеранское культурное наследие», лютеране принимают непосредственное участие в культурной и политической жизни страны.

Закрепленные законодательно отделение церкви от государства, равенство религиозных организаций, религиозная терпимость благоприятны для возрождения церкви. Переход от атеистических взглядов, насаждавшихся в СССР десятилетиями, к реальному осуществлению свободы вероисповедания дает лютеранству определенные перспективы. Социологические опросы доказывают, что в настоящее время церкви различных традиционных конфессий в глазах россиян имеют гораздо больший авторитет, чем многие другие социальные институты, существующие в обществе.

В философско-религиоведческом ракурсе основная цель лютеранства сегодня заключается в возрождении религиозного самосознания исконных евангелических этнических групп на территории России. Однако вследствие неоднородности этнического и конфессионального состава населения справиться с этой задачей будет не просто. Население евангелическо-лютеранского вероисповедания в современной Российской Федерации заметно уменьшилось в связи с происходящими в стране этническими процессами, увеличением числа смешанных браков, образованием самостоятельных суверенных государств Балтии, Украины, Белоруссии, Молдавии и эмиграцией немецкого населения.

Лютеранство – не господствующая конфессия в России, поэтому ему необходимо строить свое существование на основе взаимодействия с главенствующей в стране церковью – Русской православной. В отчетном докладе епископа, профессора, доктора теологии Г. Кречмара на II Генеральном Синоде ЕЛЦРДГ в мае 1999 г. говорилось: «Официальные взаимоотношения между нашими церквями десять лет назад были теплее. Но и сегодня наше общение можно назвать корректным и доверительным» [6, с. 51].

Сегодня взаимоотношения между церковью и государством развиваются и находятся еще в стадии становления. Скорее всего, реализация на практике Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятого Государственной Думой 19 сентября 1997 г., вскроет все его недостатки и потребует внесения в него необходимых изменений.

С учетом изложенного основные этапы развития институтов лютеранской конфессии представляются следующим образом. Первым можно назвать этап появления протестантской религиозной общины в доимператорской России, когда мысль Реформации только проникла и стала обретать некий силуэт на поле российской общественности того времени. О втором этапе можно говорить как о времени становления протестантской церковной организации при поддержке российских императоров и различных слоев общества; на данном этапе Лютеранская церковь становится конфессией, имеющей официальную государственную поддержку. Третьим является этап выживания Лютеранской церкви в советский период, который предполагал полное уничтожение религиозной мысли, как таковой, на пространстве новообразованного атеистического государства.

Заключительный четвертый этап связан с возрождением Лютеранской церкви как представительницы исторического, традиционного, можно сказать, классического протестантизма в новой России. Данное возрождение идет ныне вкупе с восстановлением всех сфер религиозной жизни в России, когда, наряду с реставрацией традиционных конфессий как духовных и социальных институтов общества, идет возвращение к истокам общечеловеческой этики, морали, нравственности и духовности.

В процессе динамики институционализации церкви на выявленных этапах проявилось воздействие нескольких факторов. Первым является фактор появления и расселения европейских иноземцев, исповедовавших лютеранское вероучение, в соответствии с чем можно говорить о формировании протестантских этнокультурных групп в России. Вторым фактором можно считать участие Евангелическо-лютеранской церкви в определенный период в становлении и развитии российской государственности и культуры. Третьим является фактор сложившихся добрососедских отношений между Православной и Лютеранской церквями, проявлявшийся в течение веков на всех уровнях взаимодействия российского общества. Четвертый фактор определяется как исторически обоснованное и сложившееся взаимодействие Лютеранской церкви с государственной властью России.

Выделение этих этапов и факторов свидетельствует о сложности современной ситуации, а также об исторически обусловленной значимости Лютеранской церкви и ее религиозно-богословской мысли для развития духовной куль-

туры России. В то же время выделенные этапы и факторы позволяют акцентировать внимание на перспективах развития института лютеранства в современных российских условиях. Представляется, что прежде всего в данном направлении необходим обдуманый подход в разрешении всех возникающих трудностей и в выявлении лютеранской идентичности как в социальном, так и в философско-религиозном аспекте.

Библиографический список

1. *Gabriel, A.* Geschichte der Kirche Osteuropas im 20. Jahrhundert [Текст] / A. Gabriel. – Ferdinand Schoening. Paderborn. – München ; Wien ; Zürich, 1992.
2. *Зайончковский, П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. [Текст] / П. А. Зайончковский. – М., 1978.
3. *Meyer, Th.* Luthers Erbe in Russland [Текст] / Th. Meyer. – М., 1918.
4. Lutherische Weltinformation. – 1998. – № 1.
5. *Тульский, М.* Старые протестанты и новые секты [Текст] / М. Тульский // НГ – религии : прилож. к «Независимой газете». – 2000. – 14 марта.
6. Евангелическо-Лютеранская Церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии [Текст]. – СПб., 1994–1999.

И.А. Путятин,

соискатель Саратовского государственного
технического университета

СТАНОВЛЕНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕССЫ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1990–2002 ГГ.)

С о дня введения в действие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» 1 августа 2007 г. исполнилось 17 лет [1]. Именно он предопределил процессы развития отечественных СМИ на непродолжительный, но очень бурный период – начало 90-х годов прошлого века. Закон заложил первый камень в фундамент правовых отношений и новых механизмов взаимодействия власти и СМИ. Появление союзного, а потом и российского (Закон РФ «О средствах массовой информации» [2]) законов о печати и средствах массовой информации дало доселе небывалую для страны и ее регионов возможность реализовать на деле принцип гласности, продекларированный еще в середине 1980-х годов инициаторами перестройки.

Пресса составляет ядро журналистики как системы средств массовой информации. Каждое издание имеет собственную целевую аудиторию в соответствии с профессиональным назначением, возрастом, наклонностями, предпочтениями, социальным происхождением и другими социально-политическими

и демографическими признаками. В период 1990–2002 гг. средства массовой информации стали функционировать в качественно иных условиях. Именно за 12 лет существенно изменилась юридическая база их деятельности, а также экономическое и социально-политическое состояние страны и региона.

Если к концу 1989 г. в Саратовской области выходило около 70 наименований газет и журналов, подавляющую часть которых составляли так называемые «районки» (ставшие несколько позже газетами администраций муниципальных образований области) и «многотиражки» (газеты предприятий и высших учебных заведений), то уже в 1990 г. число периодических печатных изданий возросло почти до 90. Рост произошел в первую очередь за счет изданий, появившихся в Саратове, где до этого выходили только ежедневная газета «Коммунист», еженедельники «Заря молодежи», «Новости киноэкрана», «Версия» (областное УВД), «Реклама недели», «Орбита», публиковавшая программы телевидения и радио, и журналы «Степные просторы» и «Волга» (литературно-художественный), не считая двух партийно-просветительских журналов небольшого объема («Пропагандист» и «Блокнот агитатора»), выпускаемых идеологическим отделом обкома КПСС.

Осенью 1990 г. в Саратовском облисполкоме впервые была введена должность инструктора по работе СМИ, в обязанности которого входила подготовка документов на регистрацию СМИ, взаимодействие (в рамках закона о печати) с редакциями зарегистрированных изданий, отслеживание выполнения редакциями ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 21 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». За период с 10 сентября 1990 г. по 15 января 1992 г. (время, когда СМИ на территории области регистрировались облисполкомом) было зарегистрировано 54 СМИ. Возникновение многих из них стало отражением происходящих процессов в обществе.

«Своеобразным рубежом для саратовской прессы стали события октября 1993 года, когда в области были распущены органы представительной власти и начался почти двухлетний, вплоть до избрания новых депутатских органов, период монопольного правления власти исполнительной. Это было время фактического передела информационного пространства в пользу чиновников администраций» [3, с. 1, 3].

С середины 1990-х годов начинается довольно активный процесс появления новых печатных изданий, большинство из которых благополучно просуществовали до конца 2002 г. Замедление роста количества изданий отмечается только в 1997 г., когда в политической жизни региона наступило временное затишье между выборами. В целом же выборные процессы оказывали и оказывают стимулирующее воздействие на расширение информационного пространства.

Особое место в это же время начинают занимать региональные вкладки в центральные издания, такие как «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Известия», «Труд-7», «Мир новостей», «Парламентская газета», «За рулем», «Антенна», «Новая газета», «Автомир». Большинство из них прочно закрепились на саратовском рынке периодической печати, что дало повод местным аналитикам говорить о грозящей региону опасности газетной экспансии [4, с. 1–3].

Однако на деле только «доживший» до 2003 г. «МК в Саратове» и просуществовавшие всего несколько лет «Известия Поволжья» и «Новая газета в Саратове» были независимы от местного «официоза». И все же область, как и другие регионы, не избежала прихода первых в российской провинции медиа-бизнес-проектов. Для Саратова это было появление двух еженедельных газет: «Местное время» (впоследствии – «Жизнь») и «Саратовский Арбат». В очень короткое время тираж этих изданий достиг 40–50 тысяч экземпляров, превратив их таким образом в самокупаемые, коммерчески успешные проекты. Прочие саратовские газеты по-прежнему не могли похвалиться высокими тиражами. Так, финансово поддерживаемые правительством ежедневные «Саратовские вести» и «Саратов – столица Поволжья» не переступили предела в 20 тысяч экземпляров. Отдельные издания имеют тираж в 10 тысяч, но большинство еженедельников не дотягивают до 5 тысяч. Только «Московский комсомолец» в Саратове» издается тиражом около 50 тысяч и имеет хорошо налаженную сеть распространения.

«За 1990–2002 годы в Саратовской области выходило с разной долей периодичности и длительностью существования около 450 наименований газет и журналов» [5, с. 12]. По мнению Д. Чернышевского, жизнь некоторых изданий ограничивалась несколькими номерами, других – одним-двумя годами, но в любом случае причина прекращения выхода была одна – отсутствие материальных средств и невозможность угодить за непрерывным ростом тарифов на полиграфические услуги и бумагу. Особенно это касалось проектов, связанных с изданием газет культурной направленности, для молодежи и детей, а также узкотематических. При всех проблемах стабильно выходили только печатные издания, поддерживаемые бюджетом (газеты администраций области, городов и районов), отраслевые (как стали называться бывшие «многотиражки»), а также издания, имеющие богатых спонсоров или учредителей.

По количеству названий газет и журналов, выходивших с разной долей периодичности в 1990–2002 гг., на первом месте – общественно-политические издания, к которым следует прибавить близкие им по тематике муниципальные, отраслевые и вузовские газеты. На втором месте – специализированные издания (тематические, по экономике, медицине, праву, компьютерным технологиям, физкультуре и спорту). На третьем – издания политических партий и общественных организаций. На четвертом – издания, связанные с духовной жизнью (образование, наука, литература и искусство, для детей и молодежи, отдых). На пятом – издания национальных и конфессиональных образований (табл. 1).

Наличие всего 26 изданий, имеющих сугубо партийную принадлежность, на первый взгляд, свидетельствует о политической индифферентности саратовских средств массовой информации, хотя сама эта цифра, в сопоставлении с прессой соседних регионов, достаточно весома. Причина политизированности саратовской периодики напрямую связана с политизированностью самой региональной жизни, что, в свою очередь, вытекает из нерешенности множества социально-экономических проблем области: отсталые промышленность и сельское хозяйство, полуразрушенное ЖКХ, долги региона, бедственное положение работников бюджетных отраслей и т.д.

Таблица 1

**Тематико-содержательная направленность
печатных СМИ Саратовской области
в 1990–2002 гг.**

Виды изданий	Количество наименований, шт.
Общественно-политические	203
В том числе:	
собственно общественно-политические	116
муниципальные	38
отраслевые	37
вузовские	12
Специализированные	133
В том числе:	
тематические	32
экономика и бизнес	21
медицина и здоровье	15
право	14
издания для молодежи	12
издания для детей	11
физическая культура и спорт	10
компьютерные технологии	8
информационные издания	8
дайджесты	2
Политических партий и общественных организаций	49
В том числе:	
издания политических партий	26
издания общественных организаций	23
Издания, связанные с духовной жизнью	44
В том числе:	
литература и искусство	16
культура и развлечения	15
образование и наука	13
Национальных образований и конфессий	16

Неудивительно, что в условиях стагнирующей в середине 1990-х годов саратовской экономики печатные издания, связанные с бизнесом и финансами, количественно составляли всего 4,7%. После нескольких неудачных попыток еще в первой половине 1990-х годов (газеты «Биржевые вести», «Бизнес-новости», «Финансовый мир») это направление в саратовской периодике практически исчезло, оставшись в отдельных газетных и журнальных рубриках. Поскольку экономическое положение определяет уровень существования всего того, что относится к духовной сфере, то не следует удивляться бедности саратовской прессы, пишущей на эти темы. Так, в 2002 г. почти полностью отсутствовали периодические издания по культуре, литературе и искусству, кроме рекламно-информационного дайджеста «Рампа» (табл. 2).

«Всего в области в полной зависимости от бюджета в течение 1990–2002 гг. находились 56 изданий: вышеупомянутые ежедневные и муниципальные газеты, газеты районных администраций Саратова, мэрии Саратова, отдельных министерств Правительства области» [4, с. 1–3].

Таблица 2

**Тематико-содержательная направленность СМИ
в 1990–2002 гг.**

Сфера	Количество, %
Образование и наука	2,9
Культура и развитие	3,4
Культура и искусство	3,6
Издания общественных организаций	5,2
Издания политических партий	5,8
Дайджесты	0,4
Компьютерные издания	1,8
Физкультура и спорт	2,2
Издания для детей	2,5
Издания для молодежи	2,7
Право	3,1
Медицина и здоровье	3,4
Экономика и бизнес	4,7
Тематические	7,2
Вузовские	2,7
Отраслевые	8,3
Муниципальные	8,5
Собственно общественно-политические	26,1
Издания национальных образований и конфессий	3,6

Еще более значительным событием для области стало появление Интернет-газет. Впервые такая газета стала выпускаться независимым Поволжским информационным агентством И. Малякина, созданным в начале 1990-х годов на средства гранта Фонда Сороса. Большой известностью пользовалась Интернет-газета «TERRAPIA». В августе 2000 г. появляется Интернет-газета Правительства Саратовской области «Новости Саратовской губернии».

Как отмечает О.В. Данова, количественный и содержательный анализ периодических печатных изданий, выходивших на территории Саратовской области в 1990–2002 гг., позволяет сделать следующие выводы:

1. За 12 лет произошел количественный рост наименований издаваемых газет и журналов – с 68 до 223. Однако с учетом того, что в этот же период число учреждаемых изданий достигло почти 450.

2. Основная тенденция, повлиявшая на тематико-содержательную характеристику периодических изданий, выразилась в преобладании в газетах и журналах политической составляющей.

3. Тяжелое финансовое положение саратовских СМИ, отсутствие при слабой экономике серьезных рекламодателей [5, с. 12].

Очевидно, что пресса Саратовской области в рассматриваемый период развивалась в соответствии с тенденциями, обусловленными экономическими и социально-политическими процессами, происходившими как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Библиографический список

1. Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» [Текст]. – М., 1990.
2. Закон РФ «О средствах массовой информации» [Текст]. – М., 1992.
3. Санберг, Ю. Обретения и потери саратовской прессы [Текст] / Ю. Санберг // Саратовские вести. – 1994. – 27 июля.
4. Чернышевский, Д. Сохранит ли губерния информационную независимость? [Текст] / Д. Чернышевский // Саратовские вести. – 2001. – 14 дек.
5. Данова, О. В. Социальная ответственность средств массовой информации в современном российском обществе [Текст] / О. В. Данова. – Саратов, 2004.

К.П. Лекомцев,

соискатель Саратовского юридического института МВД России

ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

В любом обществе определенные группы населения имеют лучший доступ к знаниям, власти и экономическим ресурсам, чем другие. Поскольку люди не равны по природе, всегда находятся основания для конфликта внутреннего и внешнего. В связи с этим возникает необходимость в построении моделей, учитывающих данное обстоятельство.

Теории, которые предполагают, что общество состоит из индивидов и групп с разнообразными и часто противоположными интересами, в центр модели ставят социальный конфликт [1, с. 72]. Так, согласно Дж. Спенсеру, общество – сверхорганический агрегат, развивающийся по законам эволюции. Эволюция происходит в борьбе за существование между обществом и окружающей средой и между различными обществами. В этой борьбе страх перед живыми и мертвыми выливается в конфликт. Страх перед живыми порождает политические действия, выражающиеся в милитаризме и порождающие социальную организацию и государство; страх перед мертвыми – религию как основу культуры. Социальная политика призвана исходить из эмпирического изучения социально-культурного контекста явлений. Ее значение состоит в том, чтобы дать естественный ход процессу эволюции, освободив его от произвола отдельных индивидов и групп. Исходя из этого, Дж. Спенсер сформулировал закон «равной свободы». Главная задача государства – обеспечение соблюдения закона равной свободы [2, с. 345–378].

Г. Зиммель настаивал на противоположности законов природы и общества, так как «жизнь» понималась им как процесс «творческого становления», неисчерпаемый рациональными средствами и постигаемый интуитивно. «Переживание жизни» объективизируется в многообразных формах культуры. «Трагедия жизни» – противоречие между творчеством и застывшими формами куль-

туры. В центре внимания социальной концепции находятся человеческие взаимодействия, опосредованные формами обобществления (культурой). К проявлениям человеческого взаимодействия относятся подчинение и господство, специализация и дифференциация функций в процессе деятельности, явления конфликта и соперничества, образование партий и т.д. Следовательно, общество есть система отношений, способная обуславливать обязанности индивидов. Процессам ассоциации противостоят процессы диссоциации, выливающиеся в конфликт. Высшей формой конфликта является конфликт между творчеством и культурой, обуславливающий обязанности и ограничение свободы индивида в ассоциации [3].

Структуралисты, изучающие социальные конфликты, объясняют, почему и в какой степени существуют эти нарушения равновесия, и конструируют теории, в соответствии с которыми данные нарушения равновесия вызываются «неравенством», порождаемым конфликтами, а не «различиями», основанными на согласии. При объяснении конфликтов подчеркивается, что послушание индивидов достигается путем принуждения при их молчаливом согласии, и часто утверждается, что подчинение и бессилие являются неизбежными следствиями принципов организации общества, в котором нет отношений равноправия.

Для теорий конфликтов характерно предположение, что в обществе существует некая константа власти. Это означает, что если некоторые группы обладают непомерно большой властью и привилегиями, то интересы остальных граждан пропорционально уменьшаются. Средствами, используемыми для достижения этого, могут быть физическая сила, а в современных промышленно развитых обществах ее во все большей степени заменяет убеждение, что решение проблемы может быть достигнуто мирным путем – посредством передачи надлежащих ценностей и установления соответствующих норм поведения. Основная масса членов общества обнаруживает, что их согласие «сфабриковано» господствующими группами. Неформальные механизмы социального контроля, включенные в систему господствующих ценностей, могут навязываться через семью или социальную группу, медико-социальную систему. Более формальные санкции – закон, полиция, тюрьмы – приводятся в действие, если неформальные механизмы не обеспечивают согласия. Представление о конфликтном характере социальных взаимодействий ставит проблему устойчивости социального функционирования общества.

Существует несколько подходов к определению принципов устойчивого функционирования общества. Первый подобный подход – выделение в обществе важных, значимых подсистем, несущих самостоятельную функциональную нагрузку, и установление между ними стабилизирующей зависимости. В результате «укрупняется» ракурс исследования, происходит отвлечение от более мелких компонентов, что позволяет свести анализ устойчивости и изменчивости общества к проблеме зависимости, взаимовлияния не множества элементов, а только нескольких подсистем. У данного подхода имеется солидная исследовательская традиция.

В настоящее время ученые воздерживаются от однозначных оценок главенствующей роли той или иной социальной подсистемы, но сохранился сам

подход, позволяющий интерпретировать функционирование системы посредством логики – взаимовлиянием и взаимозависимостью его подсистем. В какой-то мере этому способствует выделение в рамках социологии отраслевых дисциплин (политическая, экономическая социология, социология культуры, религии, образования, медицины, семьи и т.д.). Занимаясь изучением своего сегмента социальной реальности, исследователи неизбежно вынуждены определять место и роль этого сегмента в обществе, его влияние на другие социальные подсистемы.

Другим важнейшим направлением и исследовательским подходом является развитие конфликтологической теории, в которой конфликт представлен как универсальный механизм социального прогресса и регулирования. Видными представителями этой теории являются Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Болдинг [4, с. 456–501; 5, с. 34–78; 6].

Социальный термин «конфликт», употребляемый как онтологическая категория, косвенно указывает на идеальность, субъективность любого знания о мире. Человек, употребляя такого рода понятие в ходе построения картины мира, хорошо понимает, что конфликт является одновременно и категорией социума, – и уже не рассматривает мир как нечто чуждое ему самому, постороннее.

Люди, ради обретения преимуществ и выгод совместного существования, должны приспосабливаться друг к другу. Но их собственная эгоистическая природа, личные интересы и другие факторы вынуждают оказывать друг на друга давление и всячески усложнять контакты. Идеология, страсти и эмоции, искажающие интеллектуальную деятельность и способность понимания, амбиции, статусы и другие социальные явления делают жизнь индивида ареной конфликтов и противоречий. Нехватка работы, благ и продуктов создает у индивида настрой «на борьбу за место под солнцем», против всяческих конкурентов. Возникают первые субъективные признаки конфликта – напряженность, вражда, возможность угрозы и насилия.

Конечно, «война всех против всех» (Т. Гоббс) невозможна, иначе общество давно бы уже погибло [7]. Но конфликтность – функциональное и сущностное состояние общества. Конфликтность по природе самого субъекта, как и противоположные тенденции, выражает наличие у него потребностей. Потребности в зависимости от конкретных условий выступают позитивной или негативной силой. Негативность же служит основой конфликта. Катастрофы, конфликты и негативные явления жизни имеют одновременно и позитивную функцию. Они заставляют человека обращать пристальное внимание на перспективы развития, будущее, заставляют связывать с будущим многие свои интересы, раскрывать через это свою «подлинность».

Сформулированные соображения о принципах анализа природы конфликта, и в частности девиантного поведения субъектов, закономерно подводят к необходимости более четкого определения предмета исследования, а также к обзору истории его изучения в отечественной юридической науке.

Истоки современного понимания влияния социально-экономических явлений, процессов и институтов на криминальный в своей основе феномен – рост

преступности заложены в социальных причинах девиантного поведения. Социальная патология — это, в сущности, не что иное, как широкий круг девиантных состояний, в этиологии которых ведущую роль играли, как справедливо полагали, социальные факторы. Речь идет о проституции, сексуальных отклонениях, преступлениях на сексуальной почве и т.п. [8, с. 109–116].

Очевидная успешность приложения идеи социальной патологии к социальным феноменам быстро привела к ее расширенному пониманию, и в предмет юриспруденции стали включать изучение других социальных явлений, таких, как бродяжничество, проституция, наркомания, то есть виды социального поведения, которые в современном понимании относятся к категории девиантности. Поскольку при их интерпретации представители юридических наук опирались на биомедицинскую модель болезни, в соответствующих объяснительных теоретических построениях ведущее место отводилось конституционально-генетическим факторам. Это привело к развитию новой науки — так называемой «евгеники», которая пользовалась некоторое время особой популярностью.

Преступность всегда считалась самым опасным видом «социальной патологии». Неудивительно, что из всего репертуара девиантного поведения преступность была наиболее изучаемым объектом юристов, социологов, психологов, представителей естественных наук (биологическое, клиническое направления в криминологии). Российская социологическая мысль XIX — начала XX в. была представлена блестящей плеядой ученых — по преимуществу специалистов в области уголовного права, в недрах которого вызревала социология управления девиантным поведением и социального контроля как наука о преступности. К сожалению, истории российской дореволюционной криминологии не повезло, быть может, больше, чем другим областям «девиантологии». Из обзоров можно назвать лишь работы Л.О. Иванова и Л.В. Ильиной [9] и некоторые лаконичные реминисценции.

Как отмечалось, во многих странах, включая Россию, учение о преступности как сложном социальном феномене вызревало в недрах науки уголовного права. Идею о «криминологическом» расширении рамок уголовного права впервые в России выдвинули М.В. Духовский и И.Я. Фойницкий. Оба автора исходили из того, что, согласно данным уголовной статистики, источник преступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе, поэтому нельзя исходить из «свободной воли» преступника (постулат классической школы уголовного права), рассчитывать на наказание как единственное (главное) средство контроля над преступностью; и вообще необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного (догматического) уголовного права. И хотя далеко не все российские криминалисты («классики») были согласны с этими положениями «социологов», впоследствии уже стало невозможным (просто неприличным) не включать в курсы уголовного права разделы, посвященные индивидуальным, экономическим, социальным и даже космическим факторам преступности (М.Н. Гернет, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, М.П. Чубинский и др.).

Правовая школа управления девиантным поведением и социального контроля своей важнейшей задачей считала исследование взаимосвязей между со-

циальными, экономическими процессами, социально-демографическими и психологическими характеристиками преступников, пространственно-временным распределением преступлений и преступностью как общественным феноменом. Труды прогрессивных российских юристов конца XIX – начала XX в. в значительной мере заложили основы формирования в стране социологии девиантного поведения.

Современная Россия являет собой идеальную совокупность всех девиантогенных факторов (состояние аномии, резкая социальная дифференциация и поляризация, социальная дезорганизация, «смена вех» в идеологии и т.п.). В этих тяжелых для страны условиях исследование различных форм девиантного поведения приобретает особенную теоретическую и прикладную значимость [10].

К сожалению, объективный социальный заказ не совпадает с реальной востребованностью: ни властные структуры, ни руководители науки, ни ведомства или же коммерческие структуры не предъявляют спрос на девиантологические исследования и не очень охотно реагируют на соответствующие предложения. В современных условиях это означает отток молодых талантливых специалистов из сферы научных исследований.

Наиболее перспективными представляются следующие направления научно-исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере: создание в регионах и в России в целом системы мониторинга девиантного поведения; сравнительные, компаративистские исследования с зарубежными партнерами по актуальным проблемам социальных девиаций (насилие, наркотизация населения, его виктимность, подростково-молодежная делинквентность и др.); анализ девиантного поведения как протестной реакции в условиях социального конфликта; изучение действующих форм социального контроля с точки зрения их адекватности природе, генезису, закономерностям девиантного поведения; исследование позитивного девиантного поведения как возможной альтернативы негативным его проявлениям (проблема канализирования социального недовольства и протеста).

Как структурную часть, элемент социологического знания социологию девиантного поведения и социального контроля ожидают, по-видимому, новации, связанные с эволюцией общесоциологических теорий и методологии.

У аномативного поведения, при всей его, казалось бы, асоциальной, негативистской направленности, имеются свои социальные плюсы. Его эксцессы предостерегают общественную систему, указывают на недопустимость расслабленности, заставляют ее пребывать в состоянии рабочего напряжения, предпринимать превентивные меры, думать о будущем, то есть препятствуют ее закреплению. В высшей степени это относится к той роли, которую играют во всем этом преступления. «Преступность, – писал Дюркгейм, – не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения. Там, где существуют преступления, коллективные чувства обладают достаточной гибкостью для того, чтобы принять новую форму, и преступление подчас помогает определить, какую именно форму примут эти чувства. Действительно, сколь часто преступление

является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит» [11, с. 43].

То, что преступления необходимы и полезны цивилизованному обществу, Дюркгейм доказывает при помощи еще одного аргумента. Он предлагает вообразить идеальное общество. Пусть это будет общество святых, некий образцовый монастырь, где полностью отсутствуют какие бы то ни было преступления в собственном смысле этого слова. Идиллическая жизнь этого монастыря не способна длиться долго. Незначительные моральные проступки его обитателей начали бы вызывать у остальных точно такое же негодование, какое вызывают в обычном обществе уголовные преступления. И мера суровости наказаний за проступки оказалась бы примерно такой же, как если бы это были настоящие преступления.

Библиографический список

1. Социология: основы общей теории [Текст]. – М., 2003.
2. Спенсер, Дж. Основания социологии [Текст] / Дж. Спенсер // История теоретической социологии. – М., 1997. – Т. 1.
3. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры [Текст] / Г. Зиммель. – М., 1981.
4. Дарендорф, Р. Социальные классы и классовые конфликты в индустриальном обществе [Текст] / Р. Дарендорф // Современная западная социология. – М., 1990.
5. Болдинг, К. Общая теория систем – скелет науки [Текст] / К. Болдинг // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
6. Козер, Л. Основы конфликтологии [Текст] / Л. Козер. – СПб., 1999.
7. Волков, Ю. Г. Социология [Текст] / Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. – М., 1998.
8. Гилинский, Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля [Текст] / Я. И. Гилинский // Социология в России. – М., 1996.
9. Иванов, Л. О. Пути и судьбы отечественной криминологии [Текст] / Л. О. Иванов, Л. В. Ильина. – М., 1991.
10. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля [Текст] / ИС РАН. – М., 1992.
11. Дюркгейм, Э. Норма и патология [Текст] / Э. Дюркгейм // Социология преступности. – М., 1966.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.В. Сударева,

*специалист комитета социальной защиты населения г. Саратова,
соискатель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ: МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ

Социальная защита населения является одним из важнейших звеньев в системе управления обществом. Вместе с тем она оказывает влияние на самочувствие общества и происходящие в нем экономические и политические процессы. В России это понятие получило широкое распространение в связи с переименованием системы органов социального обеспечения в систему органов социальной защиты населения (1992 г.).

Сегодня указанный феномен не имеет четко обозначенных рамок, границ и объема содержания. Его теоретическая разработка осуществляется различными науками. В результате этого не только неоправданно сужается само понятие социальной защиты, но и наблюдается фрагментарный подход к ее практической организации. Отказ от выработки универсального определения ведет к несогласованности законодательных актов. Его содержание в нормативных актах Российской Федерации не раскрыто, не изложены положения об организации и осуществлении социальной защиты. Действующее законодательство в данной сфере продолжает оставаться сложным и противоречивым.

Предполагается, что к социальной защите причастны государство и органы местного самоуправления, учреждения и общественные организации, которые действуют в сфере создания благоприятной для человека окружающей среды, охраны материнства и детства, оказания помощи семье, охраны здоровья граждан, профессиональной подготовки граждан, обеспечения занятости населения, охраны труда, регулирования заработной платы и доходов населения, обеспечения граждан жильем, регулирования права собственности граждан, материального обслуживания и обеспечения нетрудоспособных и других нуждающихся в социальной поддержке граждан [1, с. 58].

Социальная защита является практической деятельностью по реализации основных направлений социальной политики. Категория «социальная защита», как и подавляющее большинство понятий социально-гуманитарного профиля, трактуется в науке весьма разнообразно. Предлагаемые учеными определения отличаются и содержанием, и широтой (многие авторы изначально дают широкое и узкое толкование).

Социальная защита населения включает законодательное закрепление минимальных гарантий, предоставляемых государством любому гражданину, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, независимо от его трудового стажа, размера страховых взносов и т.д. В Концепции развития системы социального обслуживания населения Саратовской области дано следующее определение: «Социальная защита представляет собой комплекс дополнительных мероприятий по материальной помощи наименее защищенным группам населения, а также по предотвращению развала системы социальной защиты, сохранению уровня социального обслуживания. Этот комплекс мер осуществляется как за счет федерального и местного бюджетов, так и за счет специально создаваемых фондов социальной поддержки населения» [2].

П.П. Глущенко, проведя анализ документов, дающих определение социальной защиты, пришел к мнению, что более точной является дефиниция, приведенная в ст. 1 Закона Ленинградской области «О социальной защите населения Ленинградской области». В нем сказано: «Социальная защита населения представляет собой комплекс мер в сфере денежного и натурального обеспечения, услуг и льгот, направленных на социальную поддержку нуждающихся граждан, создание условий для их самореализации и самообеспечения за счет федерального, областного, районного, городского бюджетов, а также за счет фондов социальной поддержки населения, других источников сверх традиционно реализуемых системой социального обеспечения» [3, с. 20–22].

Очевидно, что в основу системы социальной защиты положен дифференцированный подход, гарантирующий поддержание социально приемлемого уровня жизни для нетрудоспособных и малоимущих слоев населения, а экономически активному населению создающий условия для общественно полезной деятельности. Социальная защита населения может рассматриваться как совокупность социально-экономических мероприятий, проводимых государством и направленных на обеспечение нетрудоспособных граждан РФ трудовыми пенсиями по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет, социальными пенсиями, пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, на содержание детей, по безработице, на погребение, оказание адресной помощи малоимущим слоям населения, помощи гражданам, попавшим в экстремальные ситуации, в том числе беженцам и переселенцам, на санаторно-курортное лечение, содержание в домах престарелых и инвалидов, обеспечение инвалидов транспортными средствами, протезно-ортопедическими изделиями, профессиональное обучение и переобучение инвалидов, их трудоустройство, на создание комплекса новых социальных служб – центров социального обслуживания населения, социальную помощь на дому, социальные приюты для детей, социальные гостиницы [4, с. 3].

Социальная защита определяется через социальные, экономические, правовые и прочие гарантии. В узком смысле имеется в виду социальная политика государства, стремящегося административными мерами обеспечить удовлетворительное положение тем группам населения, которые находятся в особо сложном материальном положении и не способны без внешней поддержки улучшить его [5, с. 8]. Понятие социальной защиты как направление социальной политики государства встречается чаще и обычно приводится в словарях и энциклопедиях. В словаре социального управления социальная защита определена как важная функция государства по обеспечению основных социальных прав человека на основе международных и национальных норм [6, с. 208]. Социальная защита ассоциируется с деятельностью государства по обеспечению процесса формирования и развития полноценной личности, по выявлению и нейтрализации негативных факторов, воздействующих на личность, на создание условий для самоопределения и утверждения в жизни, либо рассматривается как совокупность законодательно закрепленных экономических и правовых гарантий, обеспечивающих соблюдение важнейших социальных прав граждан и достижение социально приемлемого уровня жизни.

В.И. Жуков дает такое определение: «Социальная защита – совокупность принципов, правил, методов, законодательно закрепленных экономических, правовых, социальных гарантий, обеспечивающих соблюдение важнейших социальных прав, мероприятий и учреждений, обеспечивающих их осуществление, по предоставлению минимально достаточных условий жизни, удовлетворению потребностей, поддержанию жизнеобеспечения и деятельности, существования различных социальных групп» [7, с. 26].

Есть мнение, что социальная защита – система общественных отношений. В широком смысле под социальной защитой понимается система социальных отношений, при которых индивид способен самостоятельно позаботиться о себе, создать условия для жизнедеятельности и духовного развития. Данное значение практически совпадает с представлением о разветвленной системе гарантий прав человека. Социальная защита понимается и как общественный механизм, целевая комплексная система, «одно из главных условий реальности правового статуса личности в государстве» [8, с. 123].

Рядом исследователей социальная защита описывается в терминах «система приоритетов и механизмов», «система социальных отношений» [9, с. 12], «система мероприятий и учреждений, гарантий» [10, с. 14], «охранительные меры и правовые гарантии», «гарантии и институты».

В исследованиях дается обоснование социальной защиты как одной из важнейших функций государства. При этом социальная защита подразделяется на общую и специальную. Под общей понимается деятельность по обеспечению основных социальных и иных прав граждан, а под специальной – специальная регулятивная система стабилизации личности, социальной группы, нуждающихся в силу тех или иных особенностей в особом социальном попечении. К таким отнесены, например, военнослужащие. Их социальная защита – это совокупность социальных механизмов, направленных на устранение или сведение до минимума дискомфорта по поводу их положения в обществе, социальной организации, обеспечивающая полноценное включение личности военно-

служащего и его семьи в социальную деятельность, поддержание их высокого социального статуса [11, с. 26].

Таким образом, понятие социальной защиты населения на данном этапе является скорее понятием собирательным, используемым практиками, учеными, политиками. При этом его содержание отражает самые разные стороны социальной политики государства.

Назначение системы социальной защиты состоит в том, чтобы посредством нормативно-правовых, экономических, финансовых, социально-психологических и организационно-технических средств осуществлять поддержку и помощь нуждающимся группам населения и отдельным людям.

Право граждан России на социальную защиту закреплено в ст. 7 Конституции РФ [12], которая провозгласила, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Каждый имеет право на социальную защиту. Конституция РФ возлагает обязанность на государство создавать все необходимые условия для осуществления этого права.

Конституция РФ не только провозглашает право граждан на социальную защиту, но и четко определяет пути его реализации. Прежде всего это государственное страхование работающих, создание других фондов, являющихся источниками финансирования социальной защиты населения, а также принятие федеральных законов, гарантирующих реализацию этих прав (ст. 39).

В первоочередном порядке в социальной защите в Российской Федерации нуждаются граждане пожилого возраста, особенно одинокие и одиноко проживающие; инвалиды Великой Отечественной войны и семьи погибших военнослужащих; инвалиды, в том числе с детства, и дети-инвалиды; инвалиды из числа воинов-интернационалистов; граждане, пострадавшие от последствий аварии на Чернобыльской АЭС и радиоактивных выбросов в других местах; безработные; вынужденные беженцы и переселенцы; дети – круглые сироты; дети с девиантным поведением; семьи, в которых проживают дети-инвалиды, дети – круглые сироты, алкоголики и наркоманы; малообеспеченные, многодетные семьи; одинокие матери; молодые, студенческие семьи; граждане, инфицированные ВИЧ и больные СПИД; лица с ограниченными возможностями; граждане, не имеющие определенного местожительства.

Социальная защита может пониматься как политика государства, направленная на обеспечение социальных, экономических, политических и других прав и гарантий человека независимо от его пола, национальности, возраста, места жительства и других обстоятельств. Социальная защита подразумевает целенаправленные действия, а также использование средств государства и общества, обеспечивающих индивиду, социальной группе, в целом населению комплексное, разностороннее решение различных проблем, обусловленных социальными рисками, которые могут привести или уже привели к полной или частичной потере указанными субъектами возможностей реализации прав, свобод и законных интересов, экономической самостоятельности и социального благополучия, а также их оптимального развития, восстановления или приобретения.

Таким образом, под социальной защитой следует понимать систему мер по

обеспечению свободного развития личности, созданию условий для достойной жизни и труда, а также поддержку и защиту населения от социальных рисков. Обязанностью государства является создание законодательной базы, регулирующей предоставление конкретных видов социальной защиты населения. Создание эффективной системы социальной защиты является неотъемлемым условием развития всякого общества, особенно в условиях рыночных отношений, выступает необходимой платой общества и бизнеса за социальный мир, стабильность социальной системы и возможность нормальной хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. *Шайхатдинов, В. Ш.* Право социального обеспечения Российской Федерации [Текст] : учеб. пособие / В. Ш. Шайхатдинов. – Екатеринбург, 1996. – Вып. 1.
2. Постановление Правительства Саратовской области от 25 мая 2004 г. № 125-П «О концепции развития системы социального обслуживания населения Саратовской области до 2010 года» [Текст] // СЗСО. – 2004. – № 5. – Ст. 351.
3. *Глуценко, П. П.* Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика) [Текст] / П. П. Глуценко. – СПб., 1998.
4. *Савинов, А. Н.* Организация работы органов социальной защиты [Текст] : учеб. пособие для студентов учреждений сред. проф. образования / А. Н. Савинов, Т. Ф. Зарембо. – М., 2001.
5. *Сулейманова, Г. В.* Право социального обеспечения [Текст] : учеб. пособие / Г. В. Сулейманова. – Ростов н/Д, 2003.
6. Социальное управление [Текст] : словарь / под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. – М., 2001.
7. Социальная защита населения [Текст] : учеб.-практ. пособие / под ред. В. И. Жукова. – М., 2000.
8. Социальная работа [Текст] : словарь-справочник / под ред. В. И. Филоненко ; сост. Е. П. Агапов, В. И. Акопов, В. Д. Альперович, А. О. Бухановский и др. – М., 1998.
9. *Федорова, И. Ф.* Развитие социальной защиты в условиях развития экономики [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук / И. Ф. Федорова. – Иркутск, 2000.
10. *Ромашов, О. В.* Социология труда [Текст] : учеб. пособие / О. В. Ромашов. – М., 2002.
11. *Коровников, А. В.* Социальная защита военнослужащих [Текст] / А. В. Коровников. – М., 1995.
12. Конституция РФ [Текст]. – М., 1993.

Е.Ю. Янович,

*ст. преподаватель Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституция РФ закрепляет право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право на благоприятную окружающую среду. Как справедливо отмечает В.И. Ткаченко, физическое и моральное здоровье

населения является залогом существования российского общества и функционирования его систем [1, с. 357]. Под здоровьем принято понимать нормальную деятельность организма, его физическое и психическое благополучие. Здоровье населения представляет собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное физическое и психическое здоровье множества граждан в масштабах региона, области и т.д. [2].

К сожалению, в последнее десятилетие здоровье населения в России значительно ухудшилось. К числу факторов ухудшения ситуации в области охраны здоровья населения ученые относят существенное ухудшение социально-экономической ситуации в стране, падение уровня жизни больших слоев населения и, как следствие, социально-психологический стресс, провоцирующий сердечно-сосудистые заболевания, неврозы, психические расстройства [3, с. 100]. Существенную негативную роль играет также злоупотребление алкоголем.

В сложившейся ситуации особенно актуальна проблема уголовно-правового регулирования охраны здоровья населения.

В Уголовном кодексе РФ [4] данным преступлениям посвящена гл. 25, которая включает два самостоятельных вида преступлений: преступления против здоровья населения (ст. 228–238) и преступления против общественной нравственности (ст. 239–245). Специфика преступлений, рассмотренных в данной главе, состоит в том, что их совершение влечет причинение вреда здоровью не конкретному лицу, а здоровью многих лиц.

Преступления против здоровья населения и общественной нравственности – умышленные или неосторожные общественно опасные деяния, причиняющие вред (или создающие угрозу причинения вреда) здоровью населения или общественной нравственности.

В науке существуют различные классификации данных преступлений. Так, В.И. Ткаченко следует за классификацией, предложенной в гл. 25 УК РФ [1]. Профессор В.И. Комиссаров, исходя из норм УК РФ, подразделяет указанные преступления на три группы:

1) преступления против здоровья населения, сопряженные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 228–234);

2) иные преступления против здоровья населения (ст. 235–239);

3) преступления против общественной нравственности (ст. 240–245) [2].

В.А. Петров также придерживается схожей классификации [5].

Ряд авторов, в частности, Б.В. Яценко, не подразделяют преступления, предусмотренные гл. 25, на отдельные группы [6].

На наш взгляд, следует согласиться с классификацией, предложенной В.С. Комиссаровым, так как она наиболее точно подчеркивает специфику отдельных преступлений, предусмотренных гл. 25 УК РФ.

В законодательстве зарубежных стран по-разному регламентируется ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Так, в Уголовном кодексе Украины в разделе 2 закреплена ответственность за преступления, связанные с врачебной деятельностью (незаконная лечебная деятельность, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране жизни

и здоровья детей, нарушение прав пациента, незаконное проведение опытов над людьми, насильственное донорство и др.). В УК Республики Армения данным преступлениям посвящена гл. 26, включающая преступления, по конструкции составов схожие с рассмотренными в УК РФ. В УК Республики Таджикистан закреплено большое число составов подобных преступлений. Данные преступления предусмотрены самостоятельной гл. 22 «Преступления против здоровья населения».

УК Республики Казахстан в гл. 10 «Преступления против здоровья населения и нравственности» практически полностью воспроизводится содержание гл. 25 УК РФ, однако незаконная медицинская и фармацевтическая деятельность не образует отдельного состава преступления, а включена в ст. 266 «Незаконная медицинская и фармацевтическая деятельность и незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ». Кроме того, выделена ст. 275¹ «Незаконное изъятие органов и тканей трупа человека», не характерная для российского законодательства.

В уголовных кодексах стран Балтии самостоятельных глав о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности не существует. Обширную систему норм о соответствующих преступлениях предусматривает Уголовный кодекс Республики Беларусь. В нем отдельные главы посвящены преступлениям против здоровья населения (16 статей) и преступлениям против общественного порядка и общественной нравственности (10 статей).

В уголовном законодательстве других европейских стран ответственность за соответствующие группы преступлений регулируется по-разному. Так, нормы о преступлениях против общественной нравственности в Уголовном кодексе ФРГ сосредоточены в разделах «Преступные деяния, затрагивающие религию и мировоззрение» и «Преступные деяния против полового самоопределения». Ответственность за незаконный оборот наркотических средств регламентируется специальным законом. Аналогичным образом решаются вопросы ответственности и по уголовному законодательству Швейцарии.

В Уголовном кодексе Польши соответствующие нормы предусматриваются в главе о преступлениях против свободы совести и вероисповедания, против сексуальной свободы и нравственности и о преступлениях против публичного порядка.

Обширную систему норм, касающихся рассматриваемых преступлений, предусматривают уголовные кодексы Голландии и Испании. Раздел XIV УК Голландии посвящен нормам о преступлениях против общественной нравственности. В Кодексе Испании выделена специальная глава «О преступлениях, связанных с занятием проституцией» (4 статьи), а в разделе «О преступлениях против коллективной безопасности» – специальная глава «О преступлениях против общественного здоровья» (20 статей).

На основе сравнительного анализа зарубежного уголовного законодательства можно сделать вывод о том, что структура гл. 25 УК РФ достаточно полно отражает специфику данного вида преступлений. Однако, руководствуясь опытом ряда государств, следовало бы разграничить в отдельных главах УК РФ

преступления против здоровья населения и преступления против общественной нравственности. Такое разграничение обусловлено прежде всего различными непосредственными объектами данных преступлений – здоровье населения и общественная нравственность. Кроме того, в ст. 235–245 УК РФ выделяются дополнительные непосредственные объекты посягательства: отношения в сфере охраны окружающей среды, торговли, работ и оказания услуг, обеспечивающих права потребителей, конституционные права граждан, отношения в области содержания животных.

Объективно данные преступления чаще всего совершаются путем активных действий. Однако ряд преступлений, например нарушение санитарно-эпидемиологических правил и сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, могут совершаться путем как действия, так и бездействия.

Особенностью норм гл. 25 УК РФ является то, что большинство из них носят бланкетный характер и отсылают к изучению соответствующих нормативно-правовых актов, в частности Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан, федеральных законов «О защите прав потребителей», «О техническом регулировании», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «О лицензировании отдельных видов деятельности» и других.

Субъективно преступления против здоровья населения и общественной нравственности совершаются, как правило, умышленно, реже – по неосторожности. Ряд статей в качестве признака субъективной стороны преступлений указывают или подразумевают наличие специальной цели, например цели сбыта, а ст. 245 УК РФ указывает на хулиганские или корыстные побуждения.

Субъектом анализируемых преступлений является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 226 и 229 может быть лицо, достигшее возраста 14 лет. Для ряда преступлений, например предусмотренных ч. 5 ст. 228, ст. 233, ч. 4 ст. 234 УК, характерен специальный субъект.

Большая часть преступлений, описанных в гл. 25, имеет формальный состав, некоторые, например относящиеся к ст. 236 УК, материальный состав.

По данным информационного центра МВД по Саратовской области, в за 2002 г. было зарегистрировано 16 преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Из них закончено расследованием 13. В 2003 г. зарегистрировано одно преступление по ст. 235 УК РФ «Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью», которое не было направлено в суд, и 280 преступлений по ст. 238 УК РФ, из которых завершено расследованием 271. В 2004 г. количество преступлений по ст. 238 УК РФ составило уже 361, из них окончено расследованием 360. В 2005 г. зарегистрировано 333 преступления по ст. 235 УК РФ, окончено расследованием 330. В 2006 г. было возбуждено одно уголовное дело по признакам деяния, предусмотренного ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Всего в 2002–2006 гг. выявлено 1313 лиц, совершивших преступления против здоровья населения.

Анализ статистических данных показал, что количество совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, имеет тенденцию к росту, что представляет серьезную угрозу здоровью российских граждан.

По данным Управления судебного департамента в Саратовской области, в 2003 г. районными судами области осуждены по ч. 1 ст. 238 УК РФ 153 человека, из них 30 назначено наказание в виде штрафа, 122 условно приговорены к лишению свободы. По ст. 236 УК РФ осужден один человек. За 2004 г. по данной статье осуждены 300 человек, из них 109 назначен штраф, 187 – условное лишение свободы. 24 уголовных дела прекращены в связи с примирением сторон, 66 – в связи с деятельным раскаянием. Кроме того, в 2004 г. по ст. 236 УК осужден один человек, а по ст. 237 УК «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей» – два человека. В 2005 г. по ч. 1 ст. 238 УК РФ осуждено 290 человек, по ч. 2 ст. 238 УК РФ – 4 человека, из них 44 назначено наказание в виде штрафа, 195 осуждены условно. 16 дел прекращено в связи с примирением с потерпевшим, 26 – в связи с деятельным раскаянием. В 2006 г. по ст. 237 УК РФ осужден один человек, по ч. 1 ст. 238 УК РФ – 335 человек, по ч. 2 ст. 238 УК – 13 человек, из них 144 приговорены к штрафу, 193 осуждены условно, 53 освобождены от отбывания наказания по амнистии, три уголовных дела прекращены за примирением с потерпевшим, семь – в связи с деятельным раскаянием.

Из анализа приведенных данных можно сделать вывод, что преступления против здоровья населения занимают сравнительно небольшое место среди преступлений других видов, прежде всего преступлений против собственности и связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Достаточно распространенным на практике преступлением данного вида является производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Кроме того, данные преступления характеризуются высоким уровнем латентности. В силу различных причин, в частности ввиду недоверия населения к правоохранительным органам, количество реально совершенных преступлений, предусмотренных гл. 25 УК РФ, значительно превышает статистические данные.

Библиографический список

1. Уголовное право РФ. Особенная часть [Текст] : учебник / под ред. А. И. Рарога. – М., 2005.
2. Курс уголовного права. Особенная часть [Текст] : в 4 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – М., 2002. – Т. 4.
3. *Иванов, В. Н.* Проблемы охраны здоровья населения России [Текст] / В. Н. Иванов, А. В. Суворов // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 3.
4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 декабря 2007 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Уголовное право. Особенная часть [Текст] : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. – М., 2005.
6. Уголовное право России. Части общая и особенная [Текст] : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана, А. В. Журавлева, А. В. Наумова и др. – М., 2003.

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ РАБОТНИКАМИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В последнее время проблема коррупции – все более актуальная и обсуждаемая тема в нашей стране. Это явление становится серьезным препятствием на пути здорового развития общества не только в России. Тем не менее ни одно законодательство мира не содержит понятия «коррупция» как конкретного состава преступления. Конвенция ООН 2003 г. против коррупции [1, с. 17–40] лишь определяет под этим понятием все виды корыстных преступлений по службе, одними из которых являются взяточничество и иные должностные преступления.

В российском уголовном законодательстве должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [2, ст. 285].

В теории уголовного законодательства данным лицом считается специальный субъект преступления. Отнесение того или иного субъекта к числу должностных лиц иногда резко меняет общественную опасность преступления и его квалификацию. В качестве такого субъекта могут рассматриваться работники здравоохранения, имеющие по закону определенные права, обязанности и полномочия. Таким образом, медицинские, фармацевтические, санитарные работники, занимающие определенные руководящие должности и выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции (главный врач, заместитель главного врача, заведующий отделом или отделением, лабораторией, главная / старшая медицинская сестра, дежурный врач и т.д.) считаются должностными лицами.

Так, И.Ф. Огарков настаивал на привлечении врачей к уголовной ответственности при несоблюдении ими необходимой осторожности во время осуществления профессиональной деятельности, а также невыполнении или недобросовестном отношении к этим обязанностям по ст. 172 УК РСФСР 1960 г. Ученый полагал, что «этот вид профессионального преступления относится, как и в других профессиях, к должностному преступлению, связанному с халатным выполнением должностным лицом своих обязанностей» [3, с. 89].

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» [4]

сказано, что работники государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, исполняющие в них профессиональные или технические обязанности, которые не относятся к организационно-распорядительным или административно-хозяйственным функциям, не являются субъектами должностного преступления.

В этом ракурсе необходимо пересмотреть ряд норм уголовного законодательства, установить конкретные критерии оценки деяния и привлечения к ответственности в связи с тем, что по современному законодательству медицинского работника, занимающегося профессиональной деятельностью, привлечь к ответственности за взяточничество невозможно, так как по указанному составу наказание предусмотрено лишь для должностных лиц. В результате субъектами должностных преступлений могут стать только те работники учреждений здравоохранения, которые совершают преступные действия, связанные непосредственно с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий. В данном случае ответственность наступит за нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285 прим УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285 прим 2 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ).

Одним из примеров привлечения медицинского работника к уголовной ответственности за указанные преступления является уголовное дело, возбужденное в 2004 г. в отношении начальника медицинского пункта – врача воинской части П. Его действия заключались в незаконной организации и пособничестве военнотружующим в уклонении от исполнения обязанностей военной службы. Судом было достоверно установлено, что досрочное увольнение рядовых Г., Ч., Б., и М. произошло в результате незаконных действий должностного лица – начальника медицинского пункта воинской части капитана П., предоставившего оформленные в отношении каждого из указанных лиц заведомо фиктивные свидетельства о болезни с заключением военно-врачебной комиссии об их ограниченной годности к военной службе. При этом П., являясь должностным лицом, совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, повлекшие существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, поэтому содеянное им суд обоснованно квалифицировал по ст. 286 и 290 УК РФ [5].

В 2007 г. на территории Тульской области было возбуждено уголовное дело по ст. 163 УК РФ в отношении двух врачей психиатрической больницы, которые вымогали 30 тыс. руб. за изменение заключения судебно-психиатрической экспертизы (программа НТВ «Вести ЧП» от 19 декабря 2007 г.).

В августе 2007 г. в отношении главного врача муниципального медицинского учреждения Н. возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Обвиняемая, являясь должностным лицом, используя свое служебное положение, действуя из корыстной заинтересованности, совершила хищение чужого имущества путем присвоения денежных средств.

Почву для роста количества должностных злоупотреблений и коррупцион-

ных преступлений в сфере здравоохранения создает дефицит финансирования системы здравоохранения. Так, Верховный Суд РФ признал правильным осуждение врача-хирурга Ф. за совершение служебных подлогов из корыстных побуждений, получение взятки, а также выдачу фиктивных листов нетрудоспособности [6, с. 17, 24]. Встречаются случаи взяточничества не только за установление инвалидности, за освобождение от призыва в армию, за выдачу листа нетрудоспособности, но и за сокрытие нарушений предпринимателями санитарно-эпидемиологических правил [7, с. 48].

Немало злоупотреблений служебным положением отдельных чиновников от медицины совершается на фармацевтическом рынке, при обороте наркотических и сильнодействующих веществ, а также в системе обязательного медицинского страхования, которое в соответствии со ст. 10 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан является одним из главных источников финансирования охраны здоровья населения [8, с. 47]. Участились случаи нецелевого использования средств территориальных фондов ОМС, не связанных с лечением граждан, приобретения медицинской техники и лекарств по завышенным ценам.

Отсутствие стандартизации медицинских услуг, несовершенство законодательной базы и неисполнение действующих правовых норм являются серьезными недостатками системы здравоохранения в целом.

В последнее время в указанной системе, по данным ГУВД Саратовской области, наблюдается увеличение количества нарушений уголовного законодательства. Например, на территории Саратовской области в среднем ежегодно совершается около 100 преступлений коррупционной направленности. В 2004 г. сотрудниками ОБЭП выявлено 86 преступлений. В этом же году за десять месяцев было выявлено 25 случаев взяточничества со стороны медицинских работников. В 2005 г. число преступлений увеличилось до 88. В течение нескольких месяцев 2007 г. на территории Саратовской области выявлено 67 преступлений, в 2006 г. – 52.

Исследования, проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Индем», свидетельствуют о том, что большинство респондентов (81%) считают коррупцию препятствием в развитии системы здравоохранения, ее доступности и качества [9, с. 365]. Отсутствие конкретных современных мер борьбы с коррупцией в сфере здравоохранения, разрозненные функции контролирующих органов и безнаказанность «недобросовестных медицинских работников» из-за противоречивости российского законодательства сегодня создают реальную угрозу нормальному функционированию в России лечебных и иных медицинских учреждений, а также и напрямую влияют на качество оказываемой медицинской помощи населению.

В связи с этим меры, предлагаемые для предупреждения коррупционной преступности, должны учитывать особенности системы здравоохранения, существующей в той или иной стране. Целесообразно в России для предупреждения коррупции в системе здравоохранения органам государственного управления и руководящим органам здравоохранения регулярно публиковать в СМИ текущую информацию о бюджетах сферы здравоохранения и эффективности работы на уровне всей страны, региональном, местном и уровне собственно

медицинских учреждений. Государственные ведомства, больницы, организации медицинского страхования и иные учреждения, работающие со средствами, направляемыми в сферу здравоохранения, должны стать объектами независимых аудиторских проверок.

Необходимо обязать руководящие органы здравоохранения нести ответственность за обеспечение доступа общественности к публикуемой информации не только о тендерах, включая данные об их организации, но также о сроках и условиях их проведения, процессах оценки предложений и принятия окончательных решений. Особое внимание при этом требуется уделить вопросу об ответственности за сокрытие указанной информации. Важно прилагать максимальные усилия для внедрения национальных систем оценки побочных эффектов лекарственных средств. Для этого целесообразно создать открытую базу данных результатов клинических испытаний всех лекарственных препаратов, проводимых фармацевтическими компаниями.

Следует развивать сотрудничество различных правоохранительных структур и ведомств. Например, активное взаимодействие органов внутренних дел и таможенной службы позволит ограничить массовый ввоз фальсифицированной лекарственной продукции, торговля которой приносит огромные доходы. Так, по оценкам экспертов, на отечественном фармацевтическом рынке ежегодно обращается 7–12% поддельных лекарственных препаратов [10]. В результате предпринимаемых действий возможно сокращение доли указанной продукции на потребительском рынке, что в свою очередь снизит риск для жизни и здоровья граждан.

Государственная политика в области здравоохранения, расходы в этой сфере должны быть открыты для общественного и парламентского контроля. Кроме того, информация обо всех стадиях формирования, исполнения, предоставления отчетности по бюджету должна быть доступна гражданскому обществу.

В целях обеспечения предоставления необходимых медицинских услуг населению правительство обязано постоянно вести мониторинг платежных механизмов независимо от того, основаны ли они на оплате из расчета оказанных услуг, окладах, количестве обслуженных пациентов или на каких-либо иных принципах. Врачи, средний медперсонал и иные медицинские работники, получая вознаграждение, соответствующее их образованию, квалификации и подготовке, будут более заинтересованы в эффективности и качестве своей деятельности. Органам, отвечающим за выдачу медицинских лицензий, необходимо разработать и постоянно совершенствовать четкие правила, определяющие действия врачей в случае возникновения конфликта интересов, в частности касающегося отношений с производителями лекарственных средств и медицинского оборудования.

Следует наладить надлежащий контроль со стороны руководителей учреждений здравоохранения за подбором медицинского персонала, отвечающего за работу с лекарственными средствами, особенно с сильнодействующими, ограниченными в обороте препаратами.

В подразделениях правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и мошенничеством в целях выявления фактов коррупции и проведения соответствующих превентивных мер в сфере здравоохранения должны быть подобра-

ны высококвалифицированные кадры, прошедшие подготовку в области медицинского права и хорошо знакомые со структурой и организацией деятельности российской системы здравоохранения в целом и в частности. Подготовленные правоохранительные работники должны получать все необходимые ресурсы. Осуществляемая ими работа должна опираться на дееспособную и независимую судебную систему.

Исполнение перечисленных условий в комплексе создаст возможность эффективно выявлять и предупреждать коррупцию в сфере здравоохранения.

Библиографический список

1. Конвенция ООН против коррупции. Принята 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН [Текст] // Российская юстиция. – 2004. – № 4.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 февраля 2007 г.) [Текст] // Российская газета. – № 113–115, 118.
3. Огарков, И. Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них [Текст] / И. Ф. Огарков. – Л., 1966.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» [Текст] // Российская газета. – 2000. – 23 февр.
5. Обзор судебной практики за третий квартал 2004 года: Определение № 1– 03/04 по делу Петрова // www.supscourt.ru
6. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 1998 г. [Текст]. – М., 1999.
7. Акопов, В. Право в медицине [Текст] / В. Акопов, Е. Маслов. – М., 2000.
8. Мельникова, Л. С. Система обязательного медицинского страхования в сфере здравоохранения [Текст] / Л. С. Мельникова // Здравоохранение. – 2000. – № 4.
9. Акопов, В. И. Медицинское право [Текст] / В. И. Акопов. – М., 2004.
10. Чапкевич, Л. Контрафактная и фальсифицированная продукция [Текст] / Л. Чапкевич // Право и экономика. – 2005. – № 6.

А.А. Сливчиков,

ст. преподаватель Читинского института (филиала)

Байкальского государственного университета экономики и права

К ВОПРОСУ

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРОКУРОРА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Н а протяжении ряда десятилетий не теряет актуальности вопрос о реформировании органов прокуратуры в целом и участия прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса в частности. Свидетельством тому являются споры о необходимости прокурору одновременно надзирать за следствием и при этом осуществлять уголовное преследование (возбуждать уголов-

ное дело, проводить по нему отдельные следственные действия или же расследовать его в полном объеме).

В настоящее время основные направления уголовно-процессуальной деятельности прокурора сформулированы в действующем уголовно-процессуальном законе и после внесения в него изменений остались прежними. Так, согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ [1] прокурор выступает в качестве должностного лица, осуществляющего от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Однако если согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием следует понимать процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, то термин «прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия» ни в УПК РФ, ни в Законе о прокуратуре не раскрыт.

Необходимо отметить, что ч. 1 ст. 37 и п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ остались несогласованными. Так, если в ч. 1 ст. 37 УПК РФ рамки надзора прокурора ограничены процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, то новая редакция п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ утверждает право прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных ими в ходе дознания или предварительного следствия. Необходимо согласиться с точкой зрения тех авторов, которые под надзором прокурора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования понимают деятельность прокурора по выявлению фактов нарушений закона при принятии следователем (дознавателем) решений, проведении ими следственных и иных процессуальных действий, реагированию на них, а также по профилактике этих нарушений.

Сегодня прокурор в полном объеме продолжает осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания. Этот вывод можно сделать на основании того, что все его полномочия по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания новым законом не только сохранены, но и расширены.

С целью укрепления независимости и процессуальной самостоятельности следователя, повышения уровня его ответственности за исполнение своих функциональных обязанностей, оперативности в раскрытии преступлений (в 2006 г. зарегистрировано 3,8 млн преступлений, из них правоохранительными органами раскрыто только каждое второе преступление [2]) значительная часть полномочий прокурора после внесения изменений в УПК РФ отнесена к компетенции руководителя следственного органа.

Если ранее руководитель следственного органа мог отменить лишь необоснованное постановление следователя о приостановлении предварительного следствия, а об отмене иных незаконных или необоснованных постановлений ходатайствовать перед прокурором, то теперь он может отменить любое незаконное или необоснованное постановление его подчиненного. Кроме того, к руководителю следственного органа отошли следующие полномочия: давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продле-

нии, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; разрешать отводы, заявленные следователю, а также его самоотводы; отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ. Так же, как и прокурор, руководитель следственного органа теперь уполномочен возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве предварительного расследования.

Таким образом, со всей определенностью можно констатировать тот факт, что теперь следователь в достаточной степени независим от прокурора и более самостоятелен. Вопрос в том, насколько повысится ответственность следователя, станет ли он более успешно решать свои функциональные обязанности, и в связи с этим повысится ли уровень качества проводимого им расследования. Кроме того, станет ли надзор прокурора за следователем более эффективным и достаточно ли у прокурора возможностей для того, чтобы делать это оперативно?

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия. Информацию о нарушениях требований закона при производстве следственных действий прокурор мог получить из сведений, которые содержатся в жалобах и заявлениях участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Согласно ч. 1 ст. 24 УПК РФ прокурор рассматривает жалобу в течение трех суток со дня ее получения. Законодатель не указывает, каким образом прокурор будет проверять жалобу. Если до вступления в законную силу Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ он мог проверить само уголовное дело и отдельные материалы, несмотря на то что данное полномочие не было прямо сформулировано в УПК РФ, то согласно новой редакции ст. 39 УПК РФ этим полномочием обладает только руководитель следственного органа. На данный пробел немедленно отреагировал Генеральный прокурор РФ и в пункте 1.14 приказа от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» предписал подчиненным прокурорам при рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства в случае необходимости истребовать уголовные дела и материалы доследственных проверок [3, с. 52].

Безусловно, выявлению прокурором нарушений закона будет способствовать получение от следователя соответствующих копий процессуальных документов. Среди них копии постановлений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовных дел. В связи с этим Генеральный прокурор РФ в указанном приказе требует завести в прокуратурах книги учета копий постановлений и материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, о возбуждении уголовного дела и материалов к ним, поступивших из следственных органов (п. 1.3) [3, с. 48].

Согласно ч. 9 ст. 172 УПК РФ следователь обязан направить прокурору копии постановлений о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 9 ст. 208 УПК РФ), о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 1

ст. 213 УПК РФ), а также о приостановлении предварительного следствия (ч. 2 ст. 208 УПК РФ), сообщить о задержании подозреваемых (ч. 3 ст. 92 УПК РФ), уведомить о каждом случае производства без судебного решения осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, личного обыска, наложения ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ [4].

Ранее информацию о нарушениях закона прокурор получал непосредственно из докладов следователя, из материалов надзорного производства, а также в результате личного участия в производстве следственных действий. С принятием действующих поправок получить ее от следователя может только руководитель следственного органа. И только он может непосредственно влиять на следователя в целях направления хода расследования и устранения выявленных нарушений. Прокурор же влиять на следователя с целью устранения допущенных им нарушений закона может только через руководителя следственного органа (п. 3 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 39 УПК РФ), что приведет к значительным временным издержкам.

Кроме того, УПК РФ в данном случае не предусматривает приостановления исполнения решений следователем. Ставить вопрос об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений прокурор также вправе только через руководителя следственного органа (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Таким образом, наиболее действенным средством выявления нарушений федерального законодательства является ознакомление прокурора со всеми материалами уголовного дела только лишь по окончании предварительного следствия, когда оно поступит к нему вместе с обвинительным заключением (п. 14 ч. 2 ст. 37, ст. 221 УПК РФ).

Реформированным УПК РФ сокращена компетенция прокурора, предусмотренная ст. 221 УПК РФ «Решение прокурора по уголовному делу». Прокурор при принятии решения по поступившему к нему уголовному делу лишен права прекращать уголовное дело либо уголовное преследование, изменять объем обвинения либо квалификацию действий обвиняемого по уголовному закону о менее тяжком преступлении, дополнять или сокращать список лиц, вызываемых в суд. Законодатель предоставил прокурору право изложить свои письменные указания по данным вопросам при возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, что представляется не совсем верным, поскольку на это потребуются увеличение времени для окончания предварительного следствия.

Обращает на себя внимание значительное сокращение полномочий прокурора по непосредственной реализации им уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Так, прокурор лишен права возбуждать уголовное дело, отказывать в его возбуждении, давать согласие на возбуждение уголовного дела, принимать уголовное дело к своему производству, участвовать лично в производстве предварительного расследования и проводить лично следственные и иные процессуальные действия, давать следователю письменные указания за исключением случая, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства о произ-

водстве процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, продлевать срок предварительного следствия, давать следователю поручения.

По мнению А. Халиулина, главным изменением, введенным поправками в УПК РФ, является разделение полномочий по надзору за исполнением законов и по руководству предварительным следствием [5, с. 15]. Руководство предварительным следствием как направление деятельности прокурора ни ныне действующим УПК РФ, ни Законом о прокуратуре не предусмотрено. У ученых и практиков нет единого мнения по поводу того, что следует понимать под процессуальным руководством прокурора, а также о необходимости сохранения за прокурором процессуального руководства следователем. Одним из аргументов противников наделения прокурора процессуальным руководством следствием было то, что это не может способствовать в полной мере принятию прокурором объективных решений [6, с. 30].

Трудно однозначно утверждать, что те полномочия, которые отошли к руководителю следственного органа, можно отнести к полномочиям по руководству предварительным следствием. Например, А.А. Тушев такие «отошедшие» от прокурора полномочия, как разрешение отводов, заявленных следователю, а также его самоотводов, продление сроков предварительного расследования, дача согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайств в случаях, предусмотренных УПК РФ, относит как к полномочиям по надзору, так и по руководству процессуальной деятельностью следователя; отмена незаконных и необоснованных постановлений следователя – к полномочиям по руководству предварительным следствием лишь с точки зрения правильного направления предварительного следствия. И только полномочие по отстранению следователя от дальнейшего производства расследования им отнесено исключительно к полномочию по руководству предварительным следствием [7, с. 46, 50, 121, 143, 145].

Таким образом, надзорная функция прокурора относительно следователя ослаблена, и прокурорская деятельность в данном направлении фактически сведена к минимуму. В конечном счете это может привести к распылению имеющихся сил и средств и к негативным последствиям в оперативно-следственной работе. Кроме того, самостоятельность следственного органа не исключает возможность злоупотребления им своими полномочиями, сокрытия негативных явлений в производстве по уголовным делам, поскольку вся его деятельность замыкается в пределах только этого органа. Предполагаемое улучшение раскрываемости совершенных преступлений, исходя из имеющегося опыта, довольно сомнительно. Более того, рассмотренные изменения могут привести к излишней волоките в решении вероятных противоречий между прокурором и следственным органом в урегулировании спорных вопросов, возникших в ходе производства по делу.

Нельзя исключить то, что мотивированное постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных им нарушений уголовного законодательства может быть оставлено без внимания. Консолида-

ция же действий прокурора и следственного органа, тесная связь между ними, безусловно, исключит возможность подобных проявлений, сконцентрирует силы и средства, сосредоточив их на приоритетных направлениях предварительного следствия, что приведет к более качественным изменениям в конечном результате их деятельности.

Поскольку прокурор в своей функциональной деятельности представляет государство, просматривается необходимость расширить его процессуальное влияние на производство предварительного расследования всех органов дознания и предварительного следствия. Это будет способствовать усилению защиты законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства и государства, что особенно важно в условиях развивающейся рыночной экономики и частной собственности, когда достаточно ярко проявили себя коррупция, организованная преступность и их негативные последствия.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 июля 2007 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Чайка, Ю. И. Доклад Генерального прокурора РФ Чайки Ю.И. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания [Текст] / Ю. И. Чайка // ПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [Текст] // Законность. – 2007. – № 11.
4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (в ред. от 6 декабря 2007 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2955.
5. Халиулин, А. Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Текст] / А. Г. Халиулин // Законность. – 2007. – № 9.
6. Дубринный, В. А. Процессуальное руководство прокурора следователем [Текст] / В. А. Дубринный // Вестник СГАП. – 2000. – № 2.
7. Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации [Текст] / А. А. Тушев. – СПб., 2005.

Е.В. Мишина,

адъюнкт Саратовского юридического института МВД России

ДОГОВОР ЛИЗИНГА: ТРУДНОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Актуальность развития лизинга в России, включая формирование лизингового рынка, обусловлена прежде всего неблагоприятным состоянием парка оборудования: значителен удельный вес морально устаревшего оборудования, низка эффективность его использования, слаба обеспеченность запасными частями. Одним из вариантов решения этих проблем может быть лизинг.

Как справедливо утверждает И.М. Абдульмянов в своем исследовании, «при активном внедрении лизинг, в силу присущих ему возможностей, может быть мощным импульсом технического перевооружения производства, структурной перестройки российской экономики, насыщения рынка высококачественными товарами» [1].

В современных условиях лизинговый бизнес – один из сложнейших видов предпринимательской деятельности, в котором задействованы арендные отношения, элементы кредитного финансирования под залог, расчеты по долговым обязательствам и другие финансовые механизмы. Лизинговую компанию отличает большое количество аналитических служб, сильное маркетинговое и юридическое обеспечение; существенным для нее является постоянное взаимодействие с банковскими учреждениями, страховыми компаниями и региональными властными структурами.

Вопросы определения правовой природы и правовой квалификации договора лизинга получили довольно широкое освещение в отечественной юридической литературе последних лет. По указанной проблематике высказываются различные суждения. С точки зрения Ю.С. Харитоновой, «в результате анализа лизинга возник широкий спектр концепций, теорий, мнений и о юридической природе, и о правовом регулировании лизинга» [2, с. 5].

При этом ни одно из существующих объяснений правовой природы договора лизинга не отображает в полной мере все аспекты данного правового явления. Наглядно иллюстрирует неоднозначность понимания сущности лизинга, в частности среди представителей российской юриспруденции, определение лизинга, которое находим в одной из работ, посвященных исследованию его правовой природы: «По своей природе лизинг – нетрадиционная форма финансирования, в которой задействованы арендные отношения, элементы кредитного финансирования под залог, расчеты по долговым обязательствам и прочие финансовые механизмы» [3, с. 145]. Подобные определения, к сожалению, не только не служат разъяснению правовой природы лизинга, но и запутывают данный вопрос еще больше.

Обращаясь к российской правовой литературе, приходится констатировать отсутствие единого, четко сформулированного понятия договора лизинга.

По определению Европейской федерации национальных ассоциаций по лизингу оборудования, «лизинг – это договор аренды завода, промышленных товаров, оборудования, недвижимости для использования их в производственных целях арендатором, в то время как товары покупаются арендодателем, и он сохраняет за собой право собственности (на весь период лизингового договора)» [4, с. 4]. В работах российских юристов в основном встречается употребление терминов «лизинг» и «финансовый лизинг» в качестве синонимов [5, 6].

Рассматривая правовую природу договора лизинга, необходимо принимать во внимание следующий факт. Если речь идет о такой сложной договорной конструкции, как лизинг, то усложняется и задача выявления его типических черт, возрастает количество нюансов, которые следует принимать во внимание при квалификации. В частности, при разрешении споров, связанных со сдачей

имущества в лизинг, возникает проблема отграничения финансовой аренды от условной купли-продажи и аренды с выкупом.

Проблема квалификации договора лизинга особенно актуальна для российской правовой действительности, когда норм ГК РФ о финансовой аренде (лизинге) оказывается, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы получить полное представление о юридических характеристиках данного договора. В свою очередь, правильное понимание юридической природы договора лизинга дает возможность обозначить четкие критерии юридической квалификации, которые, будучи использованы практиками, позволят отнести договор, обозначенный как лизинг, к той или иной из существующих договорных конструкций.

Таким образом, определение правовой сущности договора лизинга имеет большое практическое значение.

В российской юриспруденции основные теоретические разногласия сводятся к спору о том, является ли договор лизинга двух- или трехсторонней сделкой. Мнения разделились следующим образом: часть юристов отстаивают точку зрения на договор лизинга как разновидность договора аренды [7, 8], другие же обосновывают трехсторонний характер договора лизинга и предлагают выделять его в самостоятельный договорный тип [2, 9, 10].

В литературе также можно встретить взгляд на лизинг как на комплекс имущественных отношений (эта позиция представлена в основном экономистами). Так, Е. Чекарева рассматривает лизинг как «комплекс имущественных отношений, связанных с передачей имущества во временное пользование на основе его приобретения и последующей сдачи в долгосрочную аренду». В то же время автор признает, что «передача имущества во временное пользование представляет собой основу лизинга» [11, с. 19].

Появление точки зрения на лизинг как на комплекс имущественных отношений обусловлено в первую очередь тесной связью договора лизинга с договором купли-продажи. Некоторые исследователи данной тематики отмечают, что договор купли-продажи и договор лизинга «тесно между собой связаны и составляют лизинг в широком смысле слова» [12, с. 66]. Ряд авторов характеризуют лизинг как комплекс имущественных отношений на основании того, что «лизинговые отношения оформляются как минимум двумя договорами; в лизинговой сделке присутствуют прямые и косвенные участники; в реализации лизинговой сделки косвенные участники – коммерческие банки, инвестиционные фонды, кредитующие лизингодателя, выступающие гарантами сделок страховые компании, посредники, лизинговые брокеры – играют огромную роль» [3, с. 45].

С учетом изложенного относительно правовой природы лизинга в целом можно сделать вывод, что договор (финансовой аренды) лизинга – это отдельный вид договора аренды, обладающий квалифицирующими признаками и представляющий собой совокупность двух самостоятельных договоров – договора лизинга и договора купли-продажи в пользу третьего лица.

Во второй части Гражданского кодекса РФ регулируются отношения, связанные с одним из самых проблематичных правовых институтов – финансовой арендой. Не перечисляя проблем, с которыми сталкиваются юристы-практики по большей части из-за противоречий правовых норм ГК РФ и Федерального

закона «О финансовой аренде (лизинге)» [13], стоит поднять другой, не менее важный вопрос о влиянии международной практики арендных отношений на хозяйственный оборот в России.

Россия стала четвертой страной в мире, присоединившейся к Оттавской конвенции 1988 г. [14, 15], регулирующей отношения сторон в сделках международного финансового лизинга. Присоединение к данному международному акту многими российскими специалистами расценивалось как возможность обеспечить приток иностранных инвестиций в экономику страны, но полученный результат оказался несколько иным. Российским предпринимателям при работе с иностранными партнерами удобнее заключить урегулированное международным законодательством соглашение купли-продажи и аренды, чем международную лизинговую сделку.

Ни российский ГК, ни положения актов международного права не дают оснований для того, чтобы рассматривать переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю как необходимый признак договора лизинга. Так, нормы Оттавской конвенции о финансовом лизинге прямо указывают на то, что Конвенция «подлежит применению независимо от того, предоставлено ли лизингополучателю право купить арендованное оборудование».

Положения Конвенции не соответствуют законодательству об аренде многих стран, противоречат международным соглашениям в этой сфере, поэтому страны с развитой рыночной экономикой ее не ратифицировали (только Франция и Италия подписали соглашения с некоторыми оговорками). Подписание данной Конвенции, напротив, дистанцировало Россию от мирового экономического сообщества.

Во многих странах специального законодательства о лизинге не существует. Предпочтение отдается арендным отношениям, а лизинг считается одной из разновидностей аренды. В России же лизинговые отношения регулируются ГК РФ, Законом «О финансовой аренде (лизинге)», а также противоречащим им указанным международным актом, отрицательно воспринятым зарубежными странами.

В сложившейся ситуации считаем, что необходимо рассмотрение вопроса о принятии унифицированных правил ведения на международном уровне именно арендных отношений, в рамках которых могут остаться отношения лизинговые. К примеру, возможен один из вариантов достижения полной окупаемости объекта лизинга, если в договоре предусмотреть отчуждение объекта лизинга лизингодателем либо лизингополучателем по указанию лизингодателя по истечении базового срока найма. В случае же, если вырученные от продажи имущества средства окажутся ниже его остаточной стоимости, данный недостаток будет компенсироваться лизингополучателем; и наоборот – в части, превышающей остаточную стоимость имущества, сумма, вырученная от продажи, будет распределяться поровну между лизингодателем и лизингополучателем.

С учетом изложенной характеристики правовой природы лизинга в целом справедливым представляется замечание Л.Ю. Василевской, что «арендные правоотношения также непосредственно включаются в лизинговый процесс в качестве обязательного элемента, который, естественно, не может с необходимой полнотой охарактеризовать более сложное по своей гражданско-правовой природе яв-

ление – лизинг. Например, по договору лизинга лизингополучатель рассчитывается с лизингодателем на принципах не аренды, а кредитной сделки: при случайной гибели объекта не по вине сторон он возмещает всю сумму лизинговых платежей, предусмотренных по договору, то есть возвращает как бы долг (стоимость полученного имущества) с процентами за пользование кредитом» [16, с. 117].

По мнению указанного автора, «ни один из отдельно взятых традиционных гражданско-правовых договоров не отражает адекватно всего содержания лизинговых правоотношений. Лишь связь договора лизинга с куплей-продажей выступает как наиболее сильная. Эти два договора образуют «скелет» лизинговых отношений и заключаются во всех случаях» [16, с. 121]. Присоединяясь к мнению Л.Ю. Василевской, добавим, что, поскольку правовая классификация договора лизинга в рамках существующих гражданско-правовых конструкций представляет практическую необходимость, можно говорить о данном договоре как о специфическом виде аренды.

Библиографический список

1. Абдульмянов, И. М. Правовая природа лизинга [Текст] / И. М. Абдульмянов // Право и политика. – 2006. – № 6.
2. Харитонова, Ю. С. Юридическая природа договора финансовой аренды (лизинга) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. С. Харитонова. – М., 2001.
3. Травина, О. В. Правовая природа договора лизинга (в сравнении с законодательством ФРГ) [Текст] / О. В. Травина // Закон и право. – 2000. – № 9.
4. Смирнов, А. Л. Лизинговые операции [Текст] / А. Л. Смирнов. – М., 1995.
5. Актуальные проблемы гражданского права [Текст] : сб. статей / под ред. О. Ю. Шилохвоста. – М., 2006. – Вып. 10.
6. Кузнецов, Н. В. Ответственность за неисполнение и ненадлежащее исполнение лизинговых обязательств [Текст] / Н. В. Кузнецов // Журнал российского права. – 2001. – № 3.
7. Иванов, А. А. Договор финансовой аренды (лизинга) [Текст] : учеб.-практ. пособие / А. А. Иванов. – М., 2001.
8. Кабатова, Е. В. Лизинг: правовое регулирование, практика [Текст] / Е. В. Кабатова. – М., 1998.
9. Решетник, И. А. Гражданско-правовое регулирование лизинга в Российской Федерации [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Решетник. – Пермь, 1998.
10. Коннова, Т. А. Договор финансовой аренды (лизинга) [Текст] / Т. А. Коннова // Законодательство. – 1998. – № 9.
11. Чекмарева, Е. Экономическая сущность лизинга [Текст] / Е. Чекмарева // Хозяйство и право. – 1994. – № 4.
12. Мусин, В. А. Правоотношение и ответственность сторон при лизинговой форме фрахтования судов [Текст] / В. А. Мусин, В. И. Нефедов, Т. А. Фадеева // Проблемы ответственности в международном морском праве : сб. науч. трудов. – Л., 1983.
13. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [Текст] // СЗ РФ. – 1998. – № 44. – Ст. 5394.
14. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге от 28 мая 1988 г. [Текст] // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 9.
15. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 16-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге» [Текст] // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 787.
16. Василевская, Л. Ю. Лизинг в Германии и России: опыт сравнительного правового исследования [Текст] / Л. Ю. Василевская. – М., 2002.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Е.С. Долгов,

соискатель Волгоградского государственного университета

КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ

Очевидно, что без риска было бы невозможно творчество, инновационная деятельность, получение прибыли, а следовательно, и вообще экономическое развитие. Однако конкретное рискованное предприятие может грозить и убытками, а в более широком социальном плане можно говорить о том, что ошибки человека в хозяйственной деятельности порождают все новые и новые угрозы для его существования. Другими словами, в экономической сфере нет выбора – рисковать или нет. Но чем больше мы рискуем, тем больше подвергаемся опасности отрицательных последствий своей деятельности.

На субъектном уровне можно говорить об амбивалентном отношении к неопределенности и риску. В случае конкретного выбора всегда идет внутренняя борьба между «да» и «нет», одновременно связанная с желанием добиться успеха и страхом потерпеть неудачу, с правом на свободный выбор и ответственностью за него. Однако эта амбивалентность проявляется даже тогда, когда она недостаточно осознана. Так, в одном из исследований было установлено, что люди, демонстрирующие неприятие неопределенности при опросах, в процессе принятия реальных решений стремились к ней или, по крайней мере, выказывали к неопределенности нейтральное отношение [1, с. 28].

Следует полагать, что «априорное отрицательное» отношение к неопределенности имеет место тогда, когда о ней говорят абстрактно, ее степень не уточняется и она воспринимается как полная неопределенность. Полная же неопределенность не позволяет субъекту обосновать рискованный выбор, что приводит к колебаниям, сопровождающимся астеническими психическими состояниями. Длительные периоды нахождения в состоянии неопределенности могут приводить к распаду личности, психическим заболеваниям и даже суицидам.

С другой стороны, оптимальной стратегией поведения является свободный выбор, поэтому субъект стремится к созданию и сохранению условий для такого выбора, а следовательно, и к сохранению неопределенности [2, с. 18]. В связи с этим можно утверждать, что риск является сущностной характеристикой человеческого поведения. Можно также сделать вывод и о том, что свобода вообще и экономическая свобода в частности находятся где-то между полюсами принуждения и анархии. Наконец, с точки зрения положительного отношения к риску нельзя сбрасывать со счетов присутствующий в нем игровой компонент, связанный с азартом, а физиологически – с потребностью в повышенном содержании адреналина в крови.

Таким образом, неопределенность и риск могут иметь как позитивное, так и негативное значение – все дело заключается в их мере. Однако, поскольку экономические ситуации в этом отношении чрезвычайно многообразны, а «золотая середина» мер является лишь идеалом, имеется амбивалентное отношение к риску.

Возможен психологический парадокс, когда «человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех» [3, с. 74].

Экономические риски весьма разнообразны на региональном уровне и, можно без преувеличения сказать, вездесущи, что в значительной мере затрудняет их классификацию и типологию. В связи с этим не существует и двух одинаковых мнений по этому поводу. Кроме того, особенностью классификаций рисков в экономической литературе является то, что в этих классификациях уже традиционно опасности и риски не отличаются друг от друга. Например, выделяются риски внешние (не связанные с предприятием) и внутренние (обусловленные действиями предприятия), чистые (простые, статические, несущие только потери в связи с воздействием внешних обстоятельств) и спекулятивные (коммерческие, динамические, связанные с колебаниями различных рыночных параметров и могущие привести как к потерям, так и к прибыли) и т.п. Использование подобных оснований для классификации «увеличивает» количество рисков, как минимум, вдвое.

Конечно, и такие точки зрения на сущность и виды рисков имеют право на существование, тем более что различение риска и опасности на практике не является столь однозначным. Например, возможные неурожаи в результате плохих погодных условий или падеж скота в результате эпидемии следует расценивать скорее как опасность. Однако эти же события можно перевести и в плоскость рисков, если рассматривать их с точки зрения ошибочности инвестиций.

Ориентируясь на категорию экономического поведения, можно классифицировать риски как разновидности действий экономических субъектов в основных фазах воспроизводственного цикла и выделить обменные, дистрибутивные (распределительные), производственные и потребительские риски. В связи с уже устоявшейся традицией будут указываться лишь негативные последствия

рисков, хотя большинство из этих рисков могут (а с точки зрения субъектов, и должны) привести и к последствиям «со знаком плюс».

Наиболее важным элементом экономического обмена является коммерция (торговля). Коммерческие сделки представляют собой арену взаимодействия двух главных «персонажей» – продавца и покупателя. В процессе обмена продавец стремится покрыть свои издержки за счет покупателя. В свою очередь, покупатель стремится снизить свои издержки за счет продавца. Очевидно, что уже сами эти интересы, противоположные по знаку экономической выгоды, имманентно подразумевают риск.

Экономический риск возникает в различных условиях, которые часто определяют его содержание. Одной из важных характеристик среды возникновения риска является степень его социальной обусловленности. По этому основанию можно выделить институционализированные и неинституционализированные риски, а также их различные промежуточные варианты.

Риск может быть институционализирован как на макроэкономическом уровне (конкурентные рынки товаров, рабочей силы, инвестиций) и являться основой построения различных экономических систем, так и на уровне поведения отдельных профессиональных групп и экономических организаций (например, субкультуры опасных профессий).

Институционализация риска ограничивает свободу действий экономических субъектов, однако социально-экономические нормы ориентируют их поведение в наиболее значимых для общества ситуациях. Для большинства же случаев принятия решений рискованный выбор может вынуждаться такими факторами, как личностные диспозиции, ожидания других экономических субъектов, параметры ситуации (наличие различного рода угроз, отсутствие ресурсов, времени и рядом других).

Экономический риск может рассматриваться и с точки зрения степени свободы поведения его субъектов. В этом смысле можно говорить о добровольности и недобровольности риска. Например, риск в распределительной или обменной фазе в большинстве случаев является добровольным. В процессе же труда преобладает недобровольный риск. Это связано с тем, что, с одной стороны, работники поставлены в достаточно жесткие рамки трудового процесса. С другой – тем, что инициативных работников сравнительно немного, зато практически каждый работник сталкивается с проблемными ситуациями, подвергается воздействию опасностей производства. Человек, хотя и добровольно избравший какую-либо опасную профессию, объективно вынужден рисковать, подчиняясь ее требованиям. И даже если индивид осознал, что риск, на который он идет, слишком велик, ему гораздо труднее уйти с такой работы, чем перестать заниматься аналогичным хобби, поскольку работа связана для него с его образованием, квалификацией, материальным и социальным положением, со сложившейся «жизненной инфраструктурой». В целом же недобровольность риска возрастает по мере увеличения институционализированности экономического поведения.

Конечно, между добровольным и недобровольным риском не существует жестких границ. Так, человек, изначально рисковавший добровольно (например, на бирже или в казино), впоследствии может приобрести «вкус к риску»,

потребность в преодолении риска, и поэтому будет рисковать уже вынужденно. Или человек, вынужденно попавший в трудную экономическую ситуацию, может действовать творчески, проявлять разумную инициативу.

Наличие или отсутствие аналогов решений при возникновении рискованной ситуации позволяет рассматривать обычные и необычные риски. Например, большая часть потребительского поведения является обычной, рутинной, и даже если субъектам приходится принимать трудные решения, стратегии для их принятия уже существуют. Практически то же и с трудовыми рисками, поскольку они объективно обуславливаются структурой деятельности и, как правило, стандартизированы. Для рискованных ситуаций должностными инструкциями и инструкциями по мерам безопасности предусмотрены различные алгоритмы функционального поведения.

Отличительной чертой необычных экономических рисков является то, что по условиям возникновения они уникальны, не имеют аналогов, либо невозможно найти достаточного количества примеров, чтобы использовать их для правильного построения поведения. К необычным решениям относятся, например, большинство решений в сфере бизнеса, вообще инновационные и творческие решения, в результате которых могут быть созданы качественно новые материальные и духовные ценности. Следовательно, наиболее рискованной формой экономического поведения является предпринимательство, понимаемое нами как инновационная деятельность, которая реализуется в пределах различных фаз производственного цикла.

Следующим важным основанием для описания экономических рисков является их содержание. Содержание рискованных решений определяется отношением экономических субъектов к риску, которое в свою очередь зависит от оценки ими среды возникновения риска и его возможных последствий. Следует подчеркнуть, что экономический субъект может и не сформировать своего отношения к риску, то есть не осознавать его. Однако вне зависимости от этого субъект будет принимать решение, и его рискованное поведение будет иметь те же содержательные аспекты, что и осознанный риск.

Для определения видов экономического риска по их содержанию предлагается воспользоваться терминологией, используемой в работах по безопасности труда [4, с. 104–105], и выделить риск действия и риск бездействия. Под риском действия будет пониматься риск объективно вызванный, обусловленный конкретной экономической ситуацией и субъективно направленный на достижение цели этого действия. Однако, зная различия в отношении к риску экономических субъектов, в риске действия требуется выделить обоснованный и необоснованный риск.

Альтернатива с обоснованным риском представляет собой вариант экономического поведения, адекватный сложившимся обстоятельствам, то есть характеризующийся правильной оценкой ситуации, своевременно принятым решением, осуществленным с минимальными затратами с учетом интересов других экономических субъектов и возможных последствий. Необоснованный риск как разновидность экономического риска действия также субъективно направлен на достижение цели, однако в силу различных причин полностью или

частично имеет противоположные обоснованному риску качества. Такой риск в бизнесе часто называют авантюрой.

Риск бездействия существует тогда, когда экономический субъект строит свое поведение вразрез с целями деятельности. Пользуясь терминологией Т. Котарбинского [4, с. 103], такие действия можно назвать «противоуспешными». Риск бездействия связан, например, с сознательным невыполнением основных принципов владения собственностью, потребления экономических благ, правил торговли, нарушением бизнес-плана, алгоритма трудовых операций и техники безопасности, с собственным бездействием в ситуациях, когда обстановка требует принятия решений.

Таким образом, экономический риск действия может быть как обоснованным, так и необоснованным. Риск же бездействия может быть только необоснованным с точки зрения достижения целей экономической деятельности.

Экономические риски классифицируются также и по характеру их последствий. Следует считать, что именно характер возможных последствий играет решающую роль при принятии решения субъектом, определяет содержание этого решения. Принимая решение, субъект взвешивает все «за» и «против», оценивает результат своих действий как в случае успеха, так и в случае неудачи [5, с. 24–25].

С точки зрения ресурсов, которыми рискуют, выделяют материальный, трудовой, финансовый, временной и специальный виды рисков [6, с. 61–80].

Материальный риск проявляется в непредусмотренной экономии или дополнительных затратах и прямых потерях оборудования, имущества, продукции, сырья, энергии и т.д. Он измеряется в физических единицах веса, объема, площади и прочем. Трудовой риск представляет собой выигрыш или потери рабочего времени, выраженные в часах, человеко-часах, человеко-неделях.

Временной риск существует тогда, когда процесс экономической деятельности идет быстрее или медленнее, чем было намечено. Оценка таких рисков осуществляется в часах, днях, неделях опережения или запаздывания в получении намеченного результата. Материальные, трудовые и временные риски, как правило, переводятся в стоимостное выражение.

Финансовый риск — это риск прямой денежной экономии или ущерба, связанного с непредусмотренными платежами, потерей, неполучением или недополучением денежных средств и ценных бумаг. Финансовые потери могут быть безвозвратными и временными. Последние могут наступать, например, в случаях замораживания счетов, несвоевременной выдачи средств, отсрочки выплаты долгов.

Специальные риски проявляются в виде нанесения ущерба здоровью и жизни людей, окружающей среде, престижу экономического субъекта, а также в виде других неблагоприятных (гораздо реже — благоприятных) социальных и морально-психологических последствий. Чаще всего специальные риски крайне трудно оценить в количественном, и тем более в стоимостном выражении. Оценку возможности наступления и величины последствий специальных рисков производят за определенный период, охватывающий месяц, год, время существования бизнеса.

Последствия экономического риска могут быть значительными и незначительными. Значительность или незначительность последствий может рассматриваться как на индивидуальном уровне, так и на уровне коллективных экономических субъектов. Наиболее значимыми последствиями рисков для экономических субъектов может быть угроза жизни индивида или угроза существованию предприятия.

Библиографический список

1. *Наумова, Н. Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения [Текст] / Н. Ф. Наумова. – Ростов н/Д, 2004.
2. *Ковалев, А. Д.* Аномия [Текст] / А. Д. Ковалев // Современная западная социология. – М., 1990.
3. *Мизес, Л.* Индивид, рынок и правовое государство [Текст] / Л. Мизес. – СПб., 1999.
4. *Котарбинский, Т.* Трактат о хорошей работе [Текст] / Т. Котарбинский. – М., 1975.
5. *Уткин, Э. А.* Риск-менеджмент [Текст] / Э. А. Уткин. – М., 1998.
6. *Luhmann, N.* Soziologie des Risikos [Текст] / N. Luhmann. – Berlin ; N.Y., 1991.

С.А. Медведева,

*преподаватель Вольского высшего военного училища тыла
(военного института)*

ФОРМИРОВАНИЕ ОТКРЫТОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ

Традиционно в научной литературе принято рассматривать категорию «модель» как абстрактное общее описание определенных социальных явлений и процессов. В широком смысле «модель» – это теоретический аналог какого-либо объекта, социального процесса или явления, которые для того, кто осуществляет моделирование, являются оригиналом. В социологии управления принимается социологическая трактовка понятия модели. Данная категория берется за основу при раскрытии термина «модель управления».

Модель управления принято рассматривать как продукт моделирования, то есть процесса теоретического представления, в котором объект моделирования (оригинал) формулируется исходя из ряда критериев. Как правило, модель управления рассматривается в контексте динамичного развития и совершенствования. Ф. Тейлор в связи с этим доказывает, что модель управления – это не изобретение, а эволюция. Модель управления вынашивается и формируется годами, десятилетиями и даже веками. Она должна быть не «чужеродной», а только «родной», органичной и соответствующей культуре, традициям и духу народа страны, в которой данная модель прививается. При разработке моделей

управления всегда необходимо помнить, что основной целью менеджмента должно быть обеспечение максимального процветания нанимателей при одновременном и максимальном процветании всех лиц наемного труда [1, с. 224].

Таким образом, модель управления представляет собой результат моделирования системы управления определенным субъектом. Моделирование, в свою очередь, базируется на наблюдении, сборе информации о системе управления, ее анализе и использовании данных для описания, а затем и решения важной социальной или управленческой задачи. Вслед за Р. Шенноном рассмотрим модель как представление о каком-либо объекте системы управления в некоторой форме, отличной от самой целостности [2, с. 4].

В результате социального моделирования модель управления воспроизводится в символической форме, как правило, с применением социологических символов и категорий. При этом важное условие и принцип всякого социального моделирования определяется взаимосвязями оригинала (системы управления) и модели управления (упрощенного образа). Модель управления должна отражать основные типические черты оригинала (т.е. системы управления).

Итак, «модель управления» представляет собой теоретически выстроенную целостную совокупность представлений о том, как выглядит и как должна выглядеть система управления, из каких основных компонентов состоит, как она воздействует и как будет воздействовать на объект управления в ближайшей перспективе. Модель управления раскрывает, как система управления «адаптируется и как должна адаптироваться к изменениям во внешней среде, чтобы управляемая организация могла добиваться поставленных целей, устойчиво развиваться и обеспечивать свою жизнеспособность. Она включает в себя базовые принципы управления, стратегическое видение, целевые установки и задачи, совместно вырабатываемые ценности, структуру и порядок взаимодействия ее элементов, организационную культуру, аналитический мониторинг и контроль, движущие силы развития и мотивационную политику» [3, с. 7].

Основываясь на данных теоретических принципах, смоделируем классическую административную (внутриорганизационную) систему управления человеческими ресурсами методом соединения из готовых, ранее используемых компонентов, которые применяются в практике управления. Будем решать задачу описания модели управления в узком контексте и положим в основу моделирования ограниченный ракурс сущностного социального проявления данной модели. Именно социальное проявление компонентов системы управления человеческими ресурсами и связанные с ней критерии социологического анализа и оценки лягут в основу описания содержания данной модели.

Рассмотрение в модели социального проявления компонентов системы управления не исключает необходимости выявления взаимосвязи важнейших программных разделов данного вида управления, включающих стратегические и тактические компоненты. Отдел управления человеческими ресурсами в любой организации выполняет ряд важнейших тактических видов управленческой деятельности, поэтому виды управленческой деятельности отдела управления человеческими ресурсами являются важнейшими структурными тактическими компонентами модели управления.

Всякая модель управления человеческими ресурсами содержит характеристики реализации таких видов тактической управленческой деятельности, как сбор социальной информации и анализ внешней среды организации; планирование потребности в человеческих ресурсах и комплектование персонала в соответствии с потребностями организации (включая модернизацию имеющейся рабочей силы и привлечение работников из внешней социальной среды организации); оценка поведения работников; управление развитием человеческих ресурсов (включая образовательное культурно-профессиональное развитие, компенсации работникам за трудовое поведение, поддержание социального самочувствия и улучшение условий труда, установление и поддержание эффективных трудовых отношений).

В соответствии с данными методологическими подходами моделирование социальной системы управления человеческими ресурсами предполагает описание субъекта и объекта данного вида управления, специфики программы управления, особенностей отношений субординации и координации в системе управления. Следовательно, можно констатировать, что в абстрактной форме система управления человеческими ресурсами имеет две модели.

Первая – классическая административная (узкая – внутриорганизационная) модель управления персоналом, где человеческие ресурсы связываются с составом работников организации, их трудовым потенциалом. В рамках классической модели управления человеческими ресурсами преобладают формальные правила, социальные технологии и процедуры управления, внутриорганизационная замкнутость управленческих отношений.

Вторая – социальная / социально-адаптивная демократическая (широкая – внешненаправленная), социально ответственная модель управления, в которой человеческие ресурсы рассматриваются в расширительном контексте, включают в себя не только персонал (работников организации), но и население региона, где находится организация.

Классическая административная модель управления человеческими ресурсами характеризуется сосредоточением управленческих инструментов в едином кадровом центре организации. Данная модель системы управления имеет следующие сущностные признаки: «трудовые проблемы персонала решаются в рамках общего управления организации общими линейными менеджерами; внутреннее разделение управленческого труда отсутствует или допускается в незначительной степени; отсутствует профессиональная оценка персонала, а также внутренние специалисты по оценке и управлению персоналом» [4, с. 123]. Сам процесс управления человеческими ресурсами осуществляется преимущественно с помощью формальных административных методик.

Данная система управления имеет четкие признаки внутриорганизационных проявлений, управленческие отношения замкнуты в рамках совокупности состава работников организации. Управление реализуется в форме внутриорганизационных программ, проектов и планов. Реализация последних осуществляется через единую вертикаль властной координации. Решения разрабатываются в едином кадровом центре (отделе кадров). Социальные управленческие коммуникации идут преимущественно сверху вниз, наиболее активно применяют-

ся методы административного принуждения, направленные на развитие человеческих ресурсов (рассматривающихся как состав работников организации).

Данной модели присущи несколько тактических компонентов управленческой деятельности:

1. Сбор социальной информации и анализ внешней среды организации производятся в ограниченном контексте. Приоритетное направление анализа окружающей среды сосредоточено на исследовании правовых обстоятельств деятельности организации, которые рассматриваются как важнейший фактор, влияющий на все виды деятельности в области человеческих ресурсов. В качестве дополнительной компоненты внешней среды выступают уровень отечественной и международной конкуренции, демографические изменения, изменение спроса и предложения на рынке рабочей силы.

2. Планирование человеческих ресурсов включает одну составляющую – анализ труда в организации с целью определения квалификации и способностей, которые требуются на рабочих местах (микросоставляющая). Важнейшим фактором изменений в составе человеческих ресурсов (персонала) организации является планирование и прогнозирование общего социально-экономического развития организации. Основная деятельность направлена на модернизацию имеющейся рабочей силы; работники из внешней социальной среды организации привлекаются по мере объективной необходимости.

3. Качество поведения работников определяется, как правило, в форме экономической оценки производительности труда работника, преимущественно применяются количественные расчетные показатели, проводится формальная аттестация персонала. «Одним из традиционных способов оценки персонала является регулярная аттестация персонала, которая представляет собой процесс оценки эффективности выполнения сотрудником своих должностных обязанностей, осуществляемая его непосредственным руководителем» [5, с. 61]. На основе аттестации строятся экономические стратегии мотивации труда работников.

4. Управление развитием человеческих ресурсов происходит преимущественно в форме разработки и реализации образовательных профессиональных проектов развития человеческого капитала работников организации, совершенствования карьерных возможностей работников, модернизации системы профессионального резервирования рабочей силы персонала.

В научной литературе широко представлена критика классической модели управления человеческими ресурсами. Авторы указывают, что данная модель может быть эффективной только в стабильных условиях функционирования организации, где управление человеческими ресурсами не направлено на обеспечение развития организации, а ориентируется прежде всего на выявление внутриорганизационной потребности в персонале, определение внутриорганизационной потребности в повышении квалификации персонала, оценку состояния уровня кадрового потенциала и выработку регулирующих воздействий широкого круга. Как верно отмечает Н. Ерохина, классическая модель управления персоналом не нацелена на достижение инновационного прогресса организации. Она концентрируется на повторяющемся обеспечении управленчес-

ких действий, связанных с принятием мер по вознаграждениям, продвижениям, наказаниям, увольнению, планированию персональных перемещений, планированию кадрового резерва, выработке способов мотивации и стимулирования труда.

В современных условиях формируется новая социальная модель управления человеческими ресурсами. В источниках встречаются различные попытки терминологически определить сущностную характеристику данной модели. П. Друкер называет ее социально адаптивной [6], Ю. Барышников – широкой и мягкой [3], Т. Баландина – социально ответственной и демократической моделью управления [7].

В рамках социальной модели управления человеческие ресурсы организации рассматриваются в расширительном контексте, когда они включают в себя не только персонал (работников организации), но и население региона, где находится организация. Население является потенциальным носителем человеческого капитала организации и представляет собой постоянный фактор социально-экономического развития организации.

В рамках социальной модели управления человеческими ресурсами преобладают неформальные правила, социальные технологии и процедуры управления, при этом управленческие процессы направлены прежде всего на внешние факторы развития человеческих ресурсов, создание условий открытого и постоянного их обновления за счет внешней социальной среды организации, мотивирование работников к постоянному совершенствованию, образовательному развитию и саморазвитию, инновационной трудовой деятельности.

В новых условиях взаимоотношения «начальника» и «подчиненных» не замыкаются рамками внутриорганизационных отношений, они выходят далеко за формат непосредственных трудовых отношений внутри организации. Руководитель направляет свои усилия не только на поиск специалистов во внешней социальной среде организации, но и на их подготовку, организацию целевого развития потенциального человеческого капитала, создание условий раскрепощения и творческого поиска как на рабочем месте, так и вне его.

В рамках социальной модели управления человеческими ресурсами расширяется состав субъектов управления, наделяются управленческими полномочиями внешние социальные структуры, организации открывают относительно самостоятельные образовательные, здравоохранительные, спортивные подразделения, структуры культуры и социального досуга. Последние рассматриваются как подразделения социальной системы управления человеческими ресурсами и наделяются широким кругом управленческих полномочий.

Данная модель обладает следующими тактическими характеристиками компонентов управленческой деятельности:

1. Сбор социальной информации и анализ внешней и внутренней среды организации осуществляются в расширительном контексте. Важнейшее направление исследования внешней среды организации связано с оценкой социокультурной динамики развития населения региона, где находится предприятие. Население и его образовательное развитие рассматриваются как важнейший фактор развития организации, инновационный человеческий ресурс социально-

экономического накопления. Результативность управления человеческими ресурсами, как правило, связывают с динамикой привлечения новых сотрудников из внешней социальной среды, стратегия развития организации во многом зависит от процессов накопления человеческого капитала вновь поступающих сотрудников.

Теоретики и практики отмечают, что в условиях формирования новой социальной модели управления человеческими ресурсами организация должна направлять целенаправленные усилия на развитие инновационного потенциального капитала во внешней социальной среде. Ей надлежит создавать «широкую сеть по привлечению потенциальных работников с тем, чтобы обеспечить полноценный и беспристрастный поиск кандидатов. После того как они будут найдены, необходимо произвести отбор» [8, с. 172].

2. Планирование человеческих ресурсов включает две составляющие: планирование и прогнозирование краткосрочных и долгосрочных изменений в человеческих ресурсах во внешней социальной среде организации (макросреда) и внутриорганизационный анализ потребностей и возможностей труда (микросреда). В рамках реализации данных направлений управленческой деятельности выявляются тенденции развития человеческих ресурсов во внешней и внутренней социальной среде организации, определяется социокультурная динамика изменений профессиональной квалификации и способностей потенциальных и реально задействованных человеческих ресурсов, накопленного и потенциального человеческого капитала. Данный компонент модели представляет собой основу для последующих блоков социальной модели управления человеческими ресурсами.

3. Оценка поведения работников осуществляется, как правило, в социально-экономической форме, преимущественно применяются социальные методы оценки, предусматривается создание постоянно действующего комплексного механизма социальной оценки организационного поведения работников. Данная оценка преимущественно направлена на обеспечение упреждающего обновления не только человеческих ресурсов, задействованных в трудовой деятельности организации, но и совершенствования организационной культуры работников, модернизации социально-трудовых отношений в коллективах организации.

Н. Ерохина справедливо утверждает, что обновление социальной модели управления персоналом предусматривает новую систему оценки персонала. Новая оценка персонала определяет социальный анализ и проектирование трудового поведения работников организации, разработку прогнозов и упредительное совершенствование работников, системы социально-управленческих отношений. «Через оценку персонала управляющие должны стремиться ускорить изменения и использовать открывающиеся при этом возможности развития организации, совершенствования системы управления организации. В условиях роста неопределенности главной причиной и фактором изменений является человек, работник организации. При этом развитие как персонала, так и социально-управленческих отношений в целом зависят и определяются целый комплекс факторов внешней социальной среды организации» [9, с. 65].

4. Управление развитием человеческих ресурсов осуществляется преимущественно в форме разработки и реализации социально-культурных и образовательных профессиональных программ развития человеческого капитала как работников организации, так и потенциальных носителей человеческого капитала, находящихся во внешней социальной среде организации. Важнейшим компонентом данного комплекса социальной модели управления является социальный механизм инновационного развития человеческих ресурсов, создание условий осуществления культурной, оздоровительной, образовательной и инновационной деятельности как непосредственно работников организации, так и акторов внешней социальной среды организации.

Новый социальный механизм призван не только формировать инновационное и функциональное обеспечение эффективного возмещения морального износа накопленных организацией человеческих ресурсов, но и обеспечивать внедрение новых социальных инноваций в целях динамичного социально-экономического развития организации. Данный механизм нацелен на развитие человеческих ресурсов внешней и внутренней социальной среды организации, на создание необходимых новых профессиональных знаний и обеспечение их доводки до экономически значимых нововведений.

В современных условиях растет внешняя и внутренняя неопределенность социальной среды организации. Данные процессы обусловлены, во-первых, динамичным социально-экономическим развитием общества, во-вторых, объективной недостаточностью управленческой осведомленности об изменении в компонентах внешних факторов развития организации, в-третьих, ростом параметров риска функционирования организации, увеличением инновационной значимости внешней социальной среды организации.

Новая социальная модель управления человеческими ресурсами связывает систему управления организации не только с социальными ресурсами внешней среды организации, но и с образовательным и научным комплексами общества, которые определяют динамику формирования новых научных и образовательных разработок, а также обновление качества инновационного, образовательного, профессионального накопления.

На практике постоянно растет количество организаций, трансформирующих свою систему управления человеческими ресурсами. Большинство организаций России имеют промежуточную систему управления, где наблюдается постепенный отказ от классических (административно-закрытых) черт в пользу приобретения характеристик социальной (административно-открытой) модели управления человеческими ресурсами. Данные трансформации зависят от преобладания применяемого интеллектуального труда (над физическим трудом), развития организационной культуры, уровня накопленного интеллектуального человеческого капитала.

По мере того как совокупным интеллектуальным и инновационным трудом заменяется совокупный физический труд, как растет удельный вес накопленного интеллектуального человеческого капитала организации, классическая модель постепенно вытесняется социальной моделью управления человеческими ресурсами.

Библиографический список

1. *Файоль, А.* Управление – это наука и искусство [Текст] / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. – М., 1992.
2. *Shannon, Robert E.* Systems Simulation: The Art and Science [Текст] / E. Robert Shannon. – Englewood Cliffs, N.J., 1975.
3. *Барышников, Ю. Н.* Модели управления персоналом: Зарубежный опыт и возможность его использования в России [Текст] / Ю. Н. Барышников. – М., 1998.
4. *Ерохина, Н. А.* Социальная оценка персонала в условиях совершенствования системы управления организацией [Текст] / Н. А. Ерохина // Вестник ПАГС. – 2007. – № 12.
5. *Иванов, Ю. В.* Аттестация персонала [Текст] / Ю. В. Иванов // Управление персоналом. – 2006. – № 6.
6. *Друкер, П.* Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы [Текст] / П. Друкер. – М., 1992.
7. *Баландина, Т. М.* Социальное управление развитием организационной культуры [Текст] : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Т. М. Баландина. – Саратов, 2005.
8. *Шулер, Рэндал С.* Управление человеческими ресурсами [Текст] / С. Рэндал Шулер ; под ред. М. Пула, М. Уорнера. – СПб., 2002.
9. *Ерохина, Н.* Изменение требований к социальной оценке персонала в условиях динамичного совершенствования социальных управленческих отношений [Текст] / Н. Ерохина // Конфликты и консенсусы современного российского социума / АГТУ. – Астрахань, 2007.

В.В. Мишле,

*преподаватель Саратовского государственного
социально-экономического университета*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На современном этапе развития российского социума общество и государство все в большей степени начинают ощущать нехватку квалифицированных кадров во многих отраслях производства. Отсутствие в «демократической» России продуманной политики в обучении и подготовке кадров привело к тому, что страна, находясь на социально-экономическом подъеме, не может полноценно реализовать свои потенциальные производственные возможности из-за отсутствия квалифицированных рабочих кадров и системы их подготовки. На ряде оборонных заводов, даже при наличии государственного заказа, нет квалифицированных рабочих кадров, способных их реализовать. Переизбыток малопрофессиональных юристов, бухгалтеров, экономистов, парикмахеров, представителей строительных профессий поставил российскую экономику в состояние ступора. Люди, желающие получить квалифицированную специальность токаря, слесаря, плотника, каменщика, автослесаря, шофера, строителя, не имеют возможности этого сделать из-за резкого сокращения количества действующих СПТУ, ПТУ и техникумов для подготовки специалистов по

данным специальностям (их количество, по сравнению с советским периодом, сократилось в 4 раза). Создаваемые в современный момент многочисленные курсы по различным производственно-промышленным профессиям не ставят своей целью дать поступающим качественные знания, да они и не в состоянии этого сделать, не обладая специфическим преподавательским составом и материально-технической базой. Все, что могут дать данные курсы, – это допуск к той или иной профессиональной форме деятельности. Специалист с допуском и без опыта работы, который обеспечивали советские профессиональные учебные заведения, очень часто не способен качественно выполнять работу, более того, он в большой мере подвержен производственному травматизму.

Кроме того, профессиональное ориентирование молодежи в современной России страдает из-за отсутствия продуманной политики перетока кадров из одной отрасли экономики в другую, подготовки специалистов государственно необходимых профессий, государственного регулирования рынка труда в целом. Со времен Екатерины II, когда создавались пункты приема нежеланных детей для пополнения армии и контингента крепостных, в России была налажена система профессиональной подготовки кадров по востребованным государством профессиям. Опыт царской России переняли большевики. Через систему профтехучилищ, созданных А.С. Макаренко, Советская Россия получила сотни тысяч квалифицированных рабочих по наиболее востребованным профессиям. В Советском Союзе малейшие изменения в востребованности государства на специалистов определенной специальности порождало организацию данных направлений в учебных заведениях всех уровней обучения. Космонавтика, мелиорация, сельскохозяйственное и высоконатоемкие направления экономики и хозяйствования были полностью укомплектованы кадрами благодаря системе кадрового обеспечения государственных программ. Специалистам при этом были гарантированы медицинская помощь, достойный заработок и пенсионное обеспечение, квартиры и всевозможные льготы социалистического общества.

Новая Россия за время переходного периода от социализма к капитализму в значительной степени лишилась кадрового состава производителей, большинства сфер экономики нацелено на сферу обслуживания [1].

Вдумаемся в предлагаемые на данный момент специальности: кутюрье-дизайнер, инженер ландшафтов, менеджер туристического бизнеса, парикмахер стиля гламур и африканских причесок, менеджер мусороуборочного и паркоочистительного производства. При этом обучение молодежи производственным специальностям зачастую ведется кустарным способом.

Электрики, слесари, авторемонтники, плотники, каменщики, штукатуры становятся не высококвалифицированными специалистами, а людьми, получившими навыки данной профессии в практическом применении; обучение этим специальностям переходит из разряда государственных в разряд цеховых. Россия скатывается даже не к 1914 г., а к XIV в. в Европе [2].

С другой стороны, в современной России крайне небольшой процент людей, занимающих реальные управленческие и руководящие должности, имеют специальное образование. Если ранее получение высшего образования являлось самоцелью, то на новом поступательном витке развития российского общества

оно должно стать осознанным и профильным. При современной социально-экономической обстановке идет серьезная борьба между абитуриентами за поступление на бюджетные места в учебных заведениях. При этом получаемая специальность выступает не целью, а лишь средством либо для достижения определенного социального статуса, либо для ухода от государственных повинностей, либо просто для пустой траты времени в надежде обрести выгодные связи и знакомства, которые в российском социуме традиционно играют существенную роль при продвижении по стратификационной лестнице.

Отсутствие стабильных социальных норм в отношении профессии предъявляет требования к творческой инициативе и самостоятельности индивида, вместе с тем оно является тормозом для ряда профессий, если происходит ломка определенных установок. Конфликт социальных норм усиливает социальную напряженность. Возрастающие требования к индивидуализации профессионального самоопределения не обеспечены социальными нормами и нормами ее проявления. Отсутствие общепринятых критериев в построении идеалов не создает условий для формирования такой системы ценностных ориентаций, которые обеспечивают реальность и обоснованность профессионального выбора. У человека возникает множество личностных проблем, связанных с психологическими трудностями в построении образа профессии, «примирении» этого образа на себя и осуществлении профессионального выбора.

Процесс профессионального самоопределения включает развитие самосознания, формирование системы ценностных ориентаций, моделирование своего будущего, построение эталонов в виде идеального образа профессионала. Личностное самоопределение человека происходит на основе освоения общественно выработанных представлений об идеалах, нормах поведения и деятельности.

В настоящее время социальная ориентация во многом определяет профессиональное самосознание человека, его профессиональное самоопределение и профессиональный выбор. Специфические моменты самосознания, формирование Я-концепции, включающей образ «Я-профессионала», зависят от степени согласованности идеального и реального «образа-Я» и идеального и реального образа профессии. Соотношение «Я-реального» и «Я-идеального» определяет требование человека к себе. Потребность в удовлетворении собственного «Я» (самоуважение, собственная значимость и компетентность) должна реализоваться в самоутверждении и самовыражении человека, в его стремлении проявить себя.

Не только познание, но и осуществление себя формирует самосознание человека, его внутреннее «Я», его мотивацию. Осуществление себя в профессии включает формирование образа профессии, особенно на этапе выбора сферы профессиональной деятельности.

Образ будущей профессии – достаточно сложное образование, включающее эмоциональные и когнитивные компоненты. Соответствие эмоционально-оценочных компонентов существенным содержательным компонентам профессии делает выбор обоснованным и реальным. Для обоснованности профессионального выбора необходимо также, чтобы требования со стороны профессии соответствовали возможностям человека. В противном случае в самосознании человека накапливается отрицательный жизненный опыт, формируются своеобраз-

ные способы решения встающих перед ним задач – уход от проблем, их игнорирование и т.д.

Какие же психологические механизмы задействованы в такого рода переориентациях в профессиональном самосознании? Какие изменения в общественном сознании влекут за собой изменения в индивидуальном самосознании человека? Наконец, какие типичные вопросы задает себе человек в процессе профессионального самоопределения? Конечно, во многом это зависит от возрастных и индивидуальных особенностей человека, однако можно выделить круг вопросов, связанных с социумом, с развитием общественного, массового сознания людей. Прежде всего можно обозначить проблему социального и профессионального идеала, связанную с усвоением и построением знаково-символических форм (понятий и образов) и с оценкой предметно-практической деятельности человека (процесса и результата деятельности).

Личностный смысл профессионального идеала обусловлен социальной позицией человека, его главными составляющими являются смыслообразующие мотивы, ценностные ориентации, смысловые установки.

Выбор профессионального пути связан с выбором реальных жизненных ценностей, эти ценности определяют реальную профессиональную мотивацию. Ценности осуществляют связь между когнитивными и эмоциональными составляющими профессионального самосознания через внутреннюю мотивацию. Образ профессии, как когнитивное эмоциональное образование, служит мотивирующим фактором оценки себя. В свою очередь, результат оценки мотивирует к постановке тех или иных профессиональных и жизненных целей. Таким образом, самооценка выступает как внутренний победитель, внутренняя мотивация и соотносит прошлое (опыт и знания) и будущее (цель) в настоящем (переживание «Я»).

Самооценка всегда связана с точкой отсчета, в качестве которой может выступать сравнение себя с другими, сравнение с собой («Я-идеальным», «Я-возможным», «Я-реальным») или сравнение других с собой. Выбор точки отсчета, норм самооценки оказывает существенное влияние на когнитивное образование «Я-образа». По каким параметрам идет оценка при сравнении с собой, а по каким – с другими, по каким параметрам оцениваются другие профессионалы, что «Я» выделяю и принимаю в оценке меня другими – таковы вопросы, требующие особого рассмотрения, поскольку эта избирательная особенность связана со смыслообразующими мотивами в профессиональном самоопределении.

Важнейшим смыслообразующим мотивом является мотив соответствия самому себе. Этот мотив связан с самооценочными эмоциями и обеспечивает непротиворечивость образа «Я» в целом (идеальное «Я», возможное «Я» и реальное «Я»).

Для них остается привлекательной ценностью бескорыстный мотив выбора своей прошлой профессии, когда они сопоставляют «Я» в прошлом и «Я» в настоящем.

Другим смыслообразующим мотивом является мотив самоуважения. Он выражается в самосознании, как степень достижения идеального «Я». Побуждающее действие этого мотива связано с постановкой цели в отношении выбора ценностей (мотив сохранить или изменить свое идеальное «Я»).

К смыслообразующим мотивам можно отнести и мотивы достижения успеха или избегания неудач.

Эмоциональные и когнитивные различия в способах построения разными людьми идеального образа профессионала связаны с факторами, определяющими общественное самосознание. К этим факторам прежде всего относится изменение общественных ценностных ориентаций и моральных установок. Различия в индивидуальных способах построения образа профессии определяют формирование смыслообразующих мотивов и установок в профессиональном самоопределении личности и направление развития профессионального самосознания человека [3].

В современном обществе актуально и остро встает проблема конкретной педагогической помощи людям в их профессиональном самоопределении. Задача педагога в этой ситуации состоит в том, чтобы дать человеку педагогические средства разрешения его личностных проблем, связанных с профессиональным самоопределением. Педагоги могут на основе диагностики этих педагогических проблем помочь человеку в совершении профессионального выбора или обеспечить предпосылки к совершению этого выбора в будущем.

Для решения педагогических проблем в профессиональном самоопределении личности недостаточно дать рекомендации о том, какая профессия подходит, а какая не подходит индивиду.

Педагог-консультант должен обеспечить условия, стимулирующие рост человека, в результате чего консультируемый сам мог бы взять на себя ответственность за тот или иной профессиональный выбор. Педагогическое консультирование прежде всего помогает человеку увидеть и осознать свои проблемы, стимулирует развитие личности, очерчивает зону возможных действий для разрешения проблем, высвечивает сильные и слабые стороны индивидуализации, намечает реальные шаги к успеху. Важнейшим моментом профессионального консультирования является поиск индивидуального воздействия, адекватного конкретной педагогической проблеме каждого человека. Определение «зон ближайшего профессионального развития» является педагогическим основанием для выбора способов и методов педагогического воздействия.

Прежде всего необходимо определить, насколько запрос консультируемого (т.е. то, в чем он видит свою проблему) соответствует реальной проблеме профессионального самоопределения человека, а затем подвести его к этой реальности.

Можно выделить ряд типичных педагогических проблем, связанных с профессиональным самоопределением личности. К ним в первую очередь относятся следующие: рассогласование идеального и реального образа выбираемой профессии; несоответствие представлений о своих личных ценностных ориентациях своим представлениям о ценностях, обеспечивающих успех в профессиональной деятельности в новых экономических и социальных структурах; рассогласование реальной и идеальной мотиваций профессионального выбора; неадекватная самооценка.

Решение проблем зависит от осознания и принятия данных проблем, от развития самосознания человека. Люди, стоящие на пороге профессионального выбора, обладают особым психологическим настроением к самопознанию.

В условиях профессионального консультирования, наряду с использованием классических методик, направленных на изучение личностных особенностей, интересов, склонностей и способностей, особое внимание следует уделить методикам, исследующим самосознание и самооценку человека. Знание наиболее значимых и актуальных параметров самосознания и самооценки позволяет в определенной мере определить способы психологического воздействия. Коррекция идеального образа профессии и идеального образа «Я» связана с осознанием профессиональных ценностей и образованием новых ценностных ориентаций. Коррекция реального «Я» связана с осознанием своих возможностей, с опытом новых переживаний и новых отношений человека с окружающим миром и с собой.

Использование в профессиональном консультировании методик, направленных на выявление самосознания и самооценки человека, дает не только диагностический, но и в некоторой степени психокоррекционный эффект.

В современной российской реальности у многих молодых людей стартовой может быть любая профессиональная площадка. Наличие престижной специальности вызывает реальную конкуренцию на рынке труда, преодолеть которую можно либо личными данными, либо неформальными связями. Последним в российском социуме традиционно отдается предпочтение. Ликвидировать данный диссонанс должна научно обоснованная государственная политика по кадровому обеспечению приоритетных отраслей производства на всех уровнях.

Библиографический список

1. Дмитриенко, Т. А. Образовательные технологии в системе высшей школы [Текст] / Т. А. Дмитриенко // Педагогика. – 2004. – № 2.
2. Человеческий капитал [Текст] // Российская цивилизация: пространственно-временные характеристики. – Саратов, 2001. – С. 112–128.
3. Малетин, В. В. Анализ состояния образовательной системы как необходимый шаг ее модернизации [Текст] / В. В. Малетин // Государственно-общественные отношения и взаимодействия в образовании. – Саратов, 2002. – С. 81–90.

С.А. Каретников,

*преподаватель Вольского высшего военного училища тыла
(военного института)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТИЖИТЕЛЬНОГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Стиль организационного поведения характеризуется типичными формальными и неформальными нормами, которые определены типовыми свойственными чертами трудовой деятельности работников. Он определяет ха-

ракетные поведенческие реакции отдельных групп работников на организационные воздействия (материальные и нематериальные стимулы, организационные формальные и неформальные нормы, правила, управленческие принципы, предписания и санкции).

Стиль характеризуется системными образцами социального взаимодействия работников организации, преимущественным использованием определенной стандартизированной системы приемов и методов взаимодействия управляющих и подчиненных. Тот или другой стиль определяет специфическую совокупность устойчивых признаков организационной структуры, трудовых отношений, стандартов, принципов, трудовых норм организации.

Стиль организационного поведения внешне проявляется в следующих формах: установки, ценности, предпочтения, наклонности индивидуумов, формирующиеся в сознании; их поведение в отношении физических объектов в случае неожиданных информационных и социальных контактов; поведение групп, команд и других группировок, характеризующихся общением «лицом к лицу», таких как клики или кружки друзей; поведение организационных единиц, таких как отделы, отделения, фирмы или крупные концерны; поведение взаимосвязанной группы организаций; поведение внутренней и внешней среды компании, например эволюция технологии, рынков, конкуренции, государственного регулирования [1, с. 296].

Важно заметить, что стиль организационного поведения не может упрощаться до характеристик поведения отдельного человека, он характеризует поведение отдельных групп работников организации. Конфликт между сотрудниками организации можно разрешить, распределив между ними полномочия, информацию и другие ресурсы, или за счет мер, касающихся модернизации организационного поведения.

Высший менеджмент формирует организационную культуру, и тем самым развивается культура социально-трудовых отношений, что формирует стиль организационного поведения работников, определяющий их отношение к трудовым обязанностям, управляющим, трудовой деятельности. Исследователи убедительно доказывают, что в организации всегда сталкиваются два типа отношений к работникам: инструментальное («экономический человек» – «технологический человек»), формирующее приростной стиль организационного поведения, и ценностное («социальный человек» – «этический человек»), формирующее достижительный стиль организационного поведения. «Инструментальное отношение характерно для управляющих высшего звена, а ценностное закодировано в требованиях и ожиданиях управляемого персонала. Эта двоякая система – управляющая и управляемая – имеет противоположные полюса, которые создают определенную психологическую дистанцию «мы – они» [2, с. 198]. В этом противопоставлении и заключается социально-управленческое проявление противоречия развития организационного поведения.

В современных условиях существуют две системные модели стиля организационного поведения: приростной и достижительный. Каждый стиль имеет различные внутреннюю структуру, характеристики и принципы проявления.

Приростной стиль организационного поведения проявляется у большинства

современных социальных некоммерческих организаций, а также в части коммерческих целевых организаций. И. Ансофф в связи с этим отмечает, что приростной стиль организационного поведения направлен на минимизацию отклонений от традиционного поведения как внутри организации, так и в ее отношениях с окружением [3, с. 44–48]. Изменения не приветствуются, они ограничиваются, ассимилируются или минимизируются. «Ввиду того, что социальные изменения неизбежны, организациям не удастся исключить их полностью. При приростном стиле реакция на изменения происходит постфактум: действие предпринимается, когда необходимость изменений стала явной и настоящей. Решения направлены на минимизацию изменений в сложившемся положении. Поиск альтернатив ведется последовательно, и принимается первое удовлетворительное решение» [4, с. 22].

Приростной стиль организационного поведения в современных условиях начинает давать сбой. Глубинной причиной выступает то, что для него характерна низкая степень привлечения работников к установлению целей и к выбору средств для достижения поставленных целей, господство отношений автократии (модель традиционно управляемой корпорация с централизованной структурой) [5, с. 42].

Организация, захватывая новые рыночные сегменты, создает условия развития конкурентной внешней среды, что и способствует появлению необходимости в организационном поведении нового типа, направленном на активное достижение целей на каждом рабочем месте, создание и внедрение социальных инноваций. Ю. Красновский в результате ряда эмпирических исследований доказывает, что в новых условиях появляются специализированные отделы (маркетинга, рекламы и связей с общественностью, логистики, управления персоналом, организационного развития), которые включаются в общую работу всех подразделений организации. Организационное развитие предполагает широкий спектр согласования с разными по положению работниками всех уровней и звеньев управления.

В условиях приростного стиля организационного поведения работники вынуждены «прятать» те проблемы, которые постоянно возникают на «стыках» подразделений организаций. При этом проявляется тенденция, согласно которой чем больше развивает инновационные отношения организация, тем больше подобных проблем возникает. В этой ситуации обостряется потребность в отлаживании координирующих и субординирующих компонентов организационного поведения, формирования проактивных социальных коммуникаций, демократизации управленческого взаимодействия работников.

Организации, где доминирует приростный стиль поведения, характеризуются высоким уровнем рассогласований, а модель поведения работников оказывается разобщающей, конфликтно устойчивой. У работников формируется узкофункциональное видение работы, что создает поля отторжения инновационных внедрений, разобщения организационных коммуникаций. Их результатом оказывается нарастание «несостыковок» и трудовой конфликтности.

На практике в данном случае необходима разработка проектов развития организационного поведения, внедрения мотивации достижения цели работ-

никами, оптимизации сочетания субординационных и координационных сил во времени и пространстве. Практика подтверждает, что модернизация организационного поведения связана со становлением новой достижительной организационной культуры, привлечением работников к разработке и реализации управленческих решений, приобщением к решению стратегических и тактических проблем организации и в конечном счете – формированием достижительной мотивации трудовой деятельности.

Данное теоретическое предположение подтверждается анализом ряда социологических исследований. Так, по результатам тестового опроса, проведенного П. Вейлом (в 1992 г. в США было опрошено около 500 студентов и молодых менеджеров, приблизительно в равной степени представленных мужчинами и женщинами), переход от приростного к достижительному стилю организационного поведения присущ множеству современных зарубежных организаций [6, с. 54].

Так, в рамках данного социологического исследования респонденты констатируют в целом приемлемость модели поведения в организации, где они учатся или работают. Они указывают на то, что трудовой процесс имеет существенное проявление заорганизованности. Работники все больше времени тратят на собрания и телефонные звонки. Например, 37 летний менеджер большой и процветающей компании США (респондент 1) тратит до 40% времени на различные собрания, он характеризует деятельность организации как напряженную. При этом социальная напряженность в организации постоянно возрастает. «Сегодня ни один вопрос управления не может решаться без согласования с сотрудниками того или иного подразделения организации. Все чаще мы вынуждены учитывать мнение трудового коллектива при принятии стратегических управленческих решений». Данный респондент аргументирует необходимость перехода от приростного к достижительному стилю организационного поведения работников.

Важно отметить, что обязанности, которые берут на себя работники, постоянно требуют активизации групповых, а не только индивидуальных усилий. Все чаще складываются ситуации, когда работникам необходимо каждый рабочий день осваивать новые трудовые навыки. Респондент 2: «Еще полтора года назад этих видов работ не существовало, мне постоянно приходится контактировать с коллегами, постоянно совершенствовать и создавать заново трудовые операции. Что заставляет в целом изменять стиль организационного поведения».

И в то же время результаты социологического анализа убедительно показывают, что в организациях постепенно формируется новый, достижительный стиль организационного поведения акторов. Старые стереотипы поведения работников постепенно умирают сами собой. Тенденция трансформации стиля организационного поведения наблюдается и в результате вторичного социологического анализа ряда отечественных исследований.

Приростные стереотипы поведения работников исчезают лишь тогда, когда на их место приходят новые, более прогрессивные формальные и неформальные ценности, нормы, принципы достижительного поведения. При этом поведение работников больше начинает ориентироваться на достижение не только групповых, но и общеорганизационных целей.

Появление достижительного стиля организационного поведения связано со стремлением организаций к постоянному повышению эффективности труда, в том числе за счет высокой степени привлечения работников к установлению целей и выбору средств их достижения. Данный тип организационной культуры имеет принципиально индивидуальные черты, он присущ различным организациям, при развитии в последних демократических управленческих отношений он отличается специфической структурой «перевернутой пирамиды» управления [7, с. 51].

В рамках указанного стиля организационного поведения вместо того, чтобы подавлять и минимизировать изменения, организация стремится к ним. «Вместо реакции на возникшую проблему предвосхищаются будущие возможности и опасности; вместо частных решений ведется глобальный поиск альтернативных путей действий; вместо одной генерируются многочисленные альтернативы; вместо удовлетворительности процесс принятия решений направлен на выбор лучшей из имеющихся альтернатив. Вместо того чтобы стремиться к сохранению прошлого, предпринимательская организация выступает за непрерывное изменение достигнутого состояния» [4, с. 22].

В новых условиях формируется культура достижения целей, зарождаются новые достижительные ценности, традиции, принципы трудового взаимодействия, внедряются новые достижительные методы социальной оценки трудовых результатов и отчетности. Классические ценностные приоритеты уже плохо вписываются в привычные рамки приростных приоритетов, достижения формально механистических результатов и отчетности. Получать результаты и нести ответственность в мире непрерывных, непредсказуемых изменений стало одной из самых сложных проблем, с которыми приходится сталкиваться менеджменту организационного поведения.

П. Вейл в связи с этим отмечает, что существующее положение вещей породило так называемый «великий парадокс управления», ведь менеджеру в современном мире приходится контролировать все менее управляемые ситуации. По мере утраты стабильности и предсказуемости парадокс усиливается. Преодоление данных противоречий связано с формированием достижительного организационного поведения, направленного на самоорганизацию и самоуправление отдельных трудовых групп, стремящихся к достижению общеорганизационных целей. Теперь уже невозможно просто управлять существующей организационной системой, поскольку нестабильная обстановка таит постоянную угрозу превратить любую данную структуру и исполнительскую политику в нечто несовместимое с ее требованиями и возможностями [6, с. 54].

В новых условиях модель достижительного организационного поведения гораздо более приемлема, чем модель приростного стиля организационного поведения. Достижительное организационное поведение направлено на постоянное обновление трудовой стратегии, которая должна лучше приспособить систему к условиям неопределенности социальной среды организации. Именно достижение цели трудовой группой позволяет формировать адаптивный тип группового поведения, когда трудовой коллектив несет ответственность за сознательно избранную им трудовую стратегию, критерием которой является ее направленность

на деятельность единой команды лидеров, достижение общей цели организации, способность повышать командную эффективность деятельности персонала. «Одной из главных побудительных причин работы в команде стал тот факт, что при тесной взаимозависимости подразделений современной организации выявилась бесполезность применения других стилей работы. В то же время есть много противодействующих факторов, таких как существующая система вознаграждения, оценивающая обычно личные, а не групповые достижения, желание быстрее получить результаты, стремление к лидерству» [6, с. 54]. В связи с этим формирование достижительного стиля организационного поведения предусматривает не только изменение системы управления и подготовки сотрудников организации, но и становление специфической системы материальной и нематериальной мотивации, развитие инновационной организационной культуры.

Формирование достижительного стиля организационного поведения не может осуществляться автоматически и зависит не только от управленческих предпочтений топ-менеджмента организации. Важнейшими условиями динамичного формирования достижительного стиля организационного поведения являются развитие инновационных ценностей работников организации, совершенствование демократического стиля управленческого взаимодействия работников, внедрение образовательных проектов, направленных на развитие коллективного человеческого капитала работников, целевое управленческое развитие коллективных форм сотрудничества работников, выявление блокирующих трудовую деятельность противоречий, их преодоление, профессиональная разработка планов, приемлемых способов командной трудовой деятельности.

Приростный стиль организационного поведения эффективен в современных некоммерческих организациях, а также в неприбыльных организациях, функционирующих в неконкурентных условиях. Они не стремятся к постоянному повышению эффективности труда своего функционирования и развития, не направляют свою деятельность на рост конкурентных преимуществ, поэтому организации, находящиеся в жесткой конкурентной среде, не могут ориентироваться на приростный стиль организационного поведения. Он приводит к сворачиванию процессов динамичного развития организации. В рыночных условиях такие организации в долгосрочном периоде выжить не могут.

Достижительный стиль организационного поведения проявляется у многих современных социальных коммерческих и некоммерческих организаций, которые стремятся к постоянному повышению эффективности труда, конкурентоспособности. Данные социальные организации направляют свою деятельность прежде всего на рост конкурентных преимуществ, стремятся к повышению эффективности своего функционирования и развития. Указанный стиль организационного поведения влечет за собой совершенно другое отношение к изменениям: вместо того чтобы подавлять и минимизировать изменения, современная организация стремится к инновациям.

Организации, где доминирует достижительный стиль организационного поведения, характеризуются низким уровнем рассогласований, модель поведения их сотрудников оказывается интегрирующей, социально адаптивной, сплачивающей. У работников формируется широкофункциональное видение работы –

панорамное видение всего фронта работ, что создает трудовые поля открытых коммуникаций. В результате становления достижительного организационного поведения нарастает взаимовыручка, сплочение социально-трудовых взаимодействий, взаимоподдержка, взаимостраховка в реализации совместных трудовых действий.

Групповая (командная) достижительность означает поиск новых сфер рационализации и выгодного вложения ресурсов, осуществление новых комбинаций в производстве, творчество и инициативу трудовых групп, создание постоянных инноваций, рост обоснованного социального риска. Преуспевающая компания никогда не ждет, пока внешние влияния определяют ее участь. Она направляет свою деятельность на рост конкурентных преимуществ, стремится формировать достижительный стиль организационного поведения, активизируя процессы динамичного роста инновационных накоплений.

Библиографический список

1. Сордж, Э. Организационное поведение: Управление человеческими ресурсами [Текст] / Э. Сордж ; под ред. М. Пула, М. Уорнера. – СПб., 2002.
2. Красовский, Ю. А. Человек в организационной системе. Организационное поведение [Текст] / Ю. А. Красовский. – Самара, 2006.
3. Ансофф, И. Стратегическое управление [Текст] / И. Ансофф. – М., 1999.
4. Два стиля организационного поведения: природный и предпринимательский [Текст] // Бизнес и менеджер. – М., 1992.
5. Баландина, Т. М. Формирование организационной культуры инновационного типа [Текст] / Т. М. Баландина. – Саратов, 2004.
6. Вейл, П. Искусство менеджмента [Текст] / П. Вейл. – М., 1993.
7. Акофф, Р. Планирование будущего корпорации [Текст] / Р. Акофф. – М., 1985.

Т.В. Кирюхина,

соискатель Саратовского государственного
медицинского университета

СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Стабилизация социально-экономической ситуации в современном российском обществе, после продолжительного периода реформаторских экспериментов, позволила государству начать поступательное развитие социальной сферы. Предложенные в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина национальные проекты определили основные ориентиры развития страны. Переход от неоправданно большого количества льгот к дифференцированным адресным финансовым выплатам различным группам граждан, создание системы централизованных поставок новейшего медицинского оборудова-

ния призваны решить задачу улучшения качества медицинского обслуживания в государственных и муниципальных лечебных учреждениях и тем самым приступить к исправлению кризисных явлений в области здоровья населения.

Однако существующая законодательная база не всегда отвечает требованиям, предъявляемым к ней в процессе реализации приоритетного национального проекта «Здоровье». Даже когда организация занимается коммерческой или иной деятельностью и имеет высокую прибыль, взнос ее в Фонд обязательного медицинского страхования (ОМС) все равно остается незначительным, потому что существующая в настоящее время налоговая политика позволяет уклониться от перечисления взносов в полном объеме. Таким образом, ни государственное финансирование, ни финансирование через Фонд ОМС не покрывают всех потребностей системы здравоохранения.

Внедрение социального страхования, в данном случае – ОМС как социально-экономического механизма социальной защиты населения по охране здоровья, может быть успешно осуществлено лишь при наличии соответствующих условий. Прежде всего его необходимо рассматривать как инструмент в государственной политике, способствующий решению задач, стоящих перед системой охраны здоровья по повышению уровня здоровья населения, улучшению финансирования здравоохранения и доступности квалифицированной медицинской помощи. Переход к новым экономическим отношениям меняет роль государства в области социального страхования, так как оно теперь не всегда выступает собственником средств производства и функции его в настоящее время заключаются в следующем:

государство выступает регулятором в трудовых отношениях путем принятия законодательных актов, учитывающих интересы как работников, так и работодателей и формирующих механизм социальной защиты населения по охране здоровья;

с помощью исполнительной власти государство выступает гарантом эффективности этого механизма, обеспечивает оптимальный уровень социальной защиты населения в деле охраны здоровья;

государство создает социально-экономические и правовые предпосылки для развития социальной сферы и соответствующей инфраструктуры в системе охраны здоровья граждан.

Вместе с тем все субъекты обязательного медицинского страхования имеют свои собственные интересы в этой системе, которые не могут быть реализованы ими друг без друга. Следовательно, объективно необходимо при помощи глубокого системного анализа найти точки совпадения интересов и на этой основе достичь их гармонизации.

Для реализации указанной цели следует решить следующие задачи: проанализировать отношение к обязательному медицинскому страхованию различных социальных групп населения и дать социально-экономическую характеристику потребителей медицинских услуг, проанализировать их потребности и интересы, связанные с ОМС, реальные возможности их удовлетворения.

Население является потребителем медицинских услуг, и, естественно, его состав, социально-демографические, психологические и экономические характеристики во многом определяют функции, содержание деятельности и механизм взаимодействия всех остальных субъектов обязательного медицинского страхования.

Большое значение имеют такие характеристики, как пол, возраст, семейное положение, род занятий, уровень образования и доходов тех или иных социальных групп. Следует учитывать также психографические данные: принадлежность к тому или иному социальному слою, стиль жизни, а также личностные и поведенческие качества. Без этого трудно однозначно определить степень случайности использования услуг в системе обязательного медицинского страхования, желания приобрести статус постоянного клиента в конкретной поликлинике, степень нуждаемости в услугах ОМС. Кроме того, развитая система ОМС должна направить основной поток пациентов в государственные и муниципальные медицинские учреждения, которые, работая в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье», принимают медицинские полисы и оказывают услуги на их основании.

Анализ материалов научных публикаций по вопросам использования социального маркетинга в здравоохранении показал, что данный вид управленческой деятельности применялся достаточно широко за рубежом для проведения антитабачной кампании, решения вопросов, связанных со здоровым образом жизни, рациональным питанием, борьбой за чистую экологическую обстановку, образовательной реформой, привлечением иностранных инвесторов, увеличением числа рабочих мест, а также других проблем. В таких странах, как Швеция, Канада и Австралия, социальный маркетинг используется в кампаниях против раннего старения (борьба с атеросклерозом), против курения и излишнего употребления алкоголя, в борьбе против загрязнения окружающей среды. Необходимо заметить, что эти кампании проводятся весьма успешно и дают ощутимые результаты. В развивающихся странах, таких, как Филиппины, Индонезия и Китай, социальный маркетинг используется для проведения ранней иммунизации детей до одного года против опасных вирусных инфекций, а также для планирования семьи, внедрения новых методов контрацепции, применения здоровой диеты, в Шри-Ланке – для борьбы с лепрой. Можно привести немало подобных примеров. Но, проанализировав множество источников, автор не нашел материалов, касающихся использования методов и приемов социального маркетинга в процессе глобального нововведения – внедрения в практику в той или иной стране системы социального страхования граждан. Имеются лишь отдельные материалы, касающиеся использования маркетинга в здравоохранении, в том числе в России [1–4]. Поэтому, несомненно, актуальным является вопрос разработки программы по использованию методов социального маркетинга для внедрения всеобщего государственного социального обязательного медицинского страхования в России, когда происходят демонополизация и разгосударствление в секторе здравоохранения.

Однако, чтобы войти в маркетинговый процесс, необходимо с позиций системного анализа изучить состояние самого социального явления, дать экономико-социологическую характеристику субъектов обязательного медицинского страхования, осуществить сегментацию рынка по группам потребителей медицинских услуг – главного субъекта системы здравоохранения и ОМС.

В связи с проведением в настоящее время в Российской Федерации вертикальной и горизонтальной децентрализации в отрасли здравоохранения, а также

появлением различных форм собственности возникают альтернативные государственным лечебно-профилактическим учреждениям поставщики медицинских услуг, что также требует применения принципов маркетинга для более эффективного использования имеющихся ресурсов и продажи услуг населению.

Наконец, внедрение медицинского страхования в обязательной и добровольной его формах, которое также относится к сфере услуг, требует разработки маркетинговой стратегии и подходов, причем при внедрении обязательного медицинского страхования должен использоваться социальный маркетинг с целью получения социального эффекта при учете интересов как конкретных потребителей, так и общества в целом.

Гарантированная законом бесплатная для пациента медицинская помощь создает у населения впечатление, что это – благодеяние, которое государство оказывает заболевшим. Если устранить психологический разрыв между оплатой и лечением, то спрос за качество медицинской помощи резко возрастет, вследствие чего поднимется и престиж качественного медицинского труда. Главное, чтобы основным контролером этого качества был сам пациент и его близкие.

Маркетинг, используемый в системе здравоохранения, необходимо понимать шире, а именно как концепцию влияния, как социальную технику. Таким образом, маркетинг преодолевает свой специфический сбытовой характер и может стать ключевым звеном в управлении общественным здравоохранением.

Внедрение социального страхования, в нашем случае ОМС, как социально-экономического механизма социальной защиты населения по охране здоровья может быть успешно осуществлено лишь при наличии соответствующих условий. Его необходимо расценивать в первую очередь как инструмент в государственной политике, способствующий решению основных задач системы охраны здоровья.

При планировании стратегических организационных мероприятий по социальному маркетингу ОМС важно предусмотреть следующие моменты:

- определение конкретных целей и оптимальных показателей здоровья населения;

- координацию взаимодействия всех структур, функционирующих в системе охраны здоровья;

- разработку стратегических (на 5–7 лет) и текущих планов развития здравоохранения и системы ОМС;

- утверждение программ и финансовых планов органами законодательной и исполнительной власти;

- рациональное планирование ресурсов и контроль за их эффективным и целевым использованием;

- формирование и обеспечение государственных обязательств в отношении предоставления всем категориям населения медицинской помощи на уровне базовой программы ОМС;

- мониторинг и оценку деятельности учреждений здравоохранения и подсистем муниципального здравоохранения в целом;

- мониторинг социально-экономического положения и мнений потребителей медицинских услуг.

Для обеспечения более эффективного управления сетью ЛПУ необходимо в центр деятельности органов управления поставить оценку экономической, медицинской, социальной эффективности деятельности ЛПУ, корректировку механизмов и условий, а в некоторых случаях – и поставленных ранее целей, таких, как доведение до ЛПУ показателей повышения эффективности использования ресурсов; расширение практики принятия решений о распределении ресурсов на основе результатов оценки экономической эффективности медицинской и лекарственной помощи.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд значимых выводов.

Состояние системы здравоохранения, несмотря на внедрение обязательного медицинского страхования, находится в прямой зависимости от общей социально-экономической ситуации, сложившейся в стране. На деятельность лечебно-профилактических учреждений оказывают негативное влияние макроэкономические факторы: спад производства, растущая безработица, социальная стратификация населения и другие. В этой ситуации вполне закономерным является дефицит финансовых средств, медикаментов и медицинского оборудования. Данные мониторинга оценки состояния медицинского обслуживания населения в регионе позволяют констатировать, что за последние годы произошло заметное ухудшение стабильности функционирования системы здравоохранения. В этих условиях многие главврачи (63%) вынуждены расходовать средства ОМС не только на оплату труда медперсонала, но и на другие статьи (капитальный ремонт, приобретение оборудования и т.д.).

По данным опроса населения, около половины жителей Саратовской области так или иначе оплачивают из личных сбережений потребляемые ими медицинские услуги в государственных лечебно-профилактических учреждениях. По данным опроса главных врачей, около половины медперсонала получают латентный доход от пациентов за предоставляемые услуги. Таким образом, можно констатировать факт наличия нелегального рынка платных медицинских услуг. Поэтому крайне актуальным является вопрос о необходимости изменения формы оплаты труда медицинских работников. В противном случае, если не решить данную проблему, в самой системе ОМС сформируется неформальная система оплаты труда, которая неизбежно усилит социальную незащищенность большинства населения.

До настоящего времени не отрегулирована работа с жалобами населения на качество медицинской помощи. Несмотря на то что, по результатам опроса, большая часть населения медицинской помощью не удовлетворена, эксперты из числа главных врачей свидетельствуют о крайне незначительном числе жалоб. Это связано с тем, что многие потребители медицинских услуг до сих пор не имеют полной информации о системе защиты прав пациентов.

Из-за отсутствия альтернативы декларируемое право свободного выбора пациентом врача и медучреждения, широко одобряемое и поддерживаемое главными врачами, практически нереализуемо в городах областного подчинения и сельских районах области. Медицинские учреждения в своем большинстве оказались не готовы к конкурентной борьбе за пациента. В результате дефицита финансовых средств идея конкурентной борьбы становится нереальной. До сих

пор фиксируется немало фактов, когда медицинские учреждения отказывают пациентам, имеющим страховой полис, в предоставлении медицинской помощи только из-за того, что они проживают в другом районе.

До настоящего времени остаются нерешенными вопросы во взаимоотношениях между лечебно-профилактическими учреждениями и страховыми медицинскими организациями (СМО). С одной стороны, по мнению 62% экспертов, СМО строго контролируют качество медицинской помощи, а с другой – конфликтов между страховщиками и поставщиками медицинских услуг практически не бывает. Все это происходит в условиях неудовлетворенности населения качеством медицинского обслуживания. На этом основании можно предположить, что реализация интересов медучреждений и страховых компаний осуществляется, очевидно, в некоторой степени и за счет «определенного ущемления» интересов потребителя медицинских услуг.

Необходимость практического маркетинга обусловлена тем, что он позволяет своими методами и инструментами более эффективно адаптировать систему обязательного медицинского страхования к условиям окружающей социальной среды, и прежде всего к требованиям и запросам потребителей, а в широком смысле формировать рациональные потребности у потребителей.

Библиографический список

1. Кучеренко, В. З. Принципы и логика рыночных отношений в здравоохранении [Текст] / В. З. Кучеренко // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – 1994. – № 2. – С. 22–27.
2. Корчагин, В. П. Финансовое обеспечение здравоохранения [Текст] / В. П. Корчагин. – М., 1997.
3. Лисицын, Ю. П. Страховая медицина [Текст] / Ю. П. Лисицын // Социальная гигиена и организация здравоохранения. – М., 1992. – С. 416–436.
4. Лебедев, А. А. Рыночная экономика: маркетинговые основы управления, организации и финансирования национальной системы охраны здоровья [Текст] / А. А. Лебедев. – Самара, 1996.

Дилшад Мусейб кызы Гасанова,
преподаватель Саратовского государственного
медицинского университета,
аспирант Современного гуманитарного университета (г. Москва)

РОЛЬ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ УПРАВЛЕНЧЕСКИМИ КАДРАМИ СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Внедрение инновационных методов в процессе подготовки, переподготовки и повышении квалификации управленческих кадров настоятельно требует достижения менеджерами должного уровня владения иностранными языками.

ранным языком. Современные тенденции развития экономики – глобализация и интернационализация, открытость, интерактивность и гибкость – обуславливают необходимость для руководящих кадров совместных предприятий обеспечивать личную коммуникацию со своими партнерами и конкурентами.

Неоднократно проведенными социологическими исследованиями установлено, что люди, повседневно занимающиеся управленческой деятельностью, от 50 до 90% всего своего времени затрачивают на коммуникацию. Руководитель должен быть постоянно включен в коммуникационные процессы, чтобы реализовать свои роли и задачи в межличностных отношениях, в информационном обмене с множеством людей, в процессе принятия решений, не говоря уже о чисто управленческих функциях, воплощаемых в планировании, организации, мотивации деятельности и контроле за компанией [1, с. 29].

В современных условиях особую актуальность приобретает знание иностранного языка, причем на довольно хорошем уровне. С одной стороны, знание языка влияет на эффективность развития бизнеса в компании. С другой стороны, обучение языку сотрудников совместных предприятий выполняет сразу две функции: повышение их языкового и культурного уровня и повышение материальной и карьерной мотивации.

Для успешного осуществления межкультурного и делового общения в сфере бизнеса необходимо принимать во внимание следующие возможные ситуации, связанные с употреблением иностранного языка:

1. *Непредвиденные трудности при переводе.* Чаще всего совместная компания имеет в своем штате переводчика. Не секрет, что судьба будущего контракта или дальнейшего сотрудничества напрямую зависит от адекватности (аутентичности) переводимого на переговорах текста. Этого нельзя добиться, если профессионализм переводчика оставляет желать лучшего. Повышая личный уровень или нанимая на работу высококвалифицированных менеджеров со знанием иностранного языка, руководитель обеспечивает дальнейшее существование и развитие своей компании.

2. *Языковые проблемы и экономические затраты.* Некоторые компании не имеют своего переводчика, а нанимают стороннего при необходимости. Естественно, в таком случае возникает вопрос, связанный с соблюдением режима конфиденциальности. Логичным выходом из данной ситуации является политика руководства совместного предприятия, нацеленная на повышение квалификации, в том числе и языковой, менеджеров среднего и высшего звена.

3. *Языковые особенности и управленческая этика.* Коммуникативные трудности в процессе межнациональных деловых переговоров возникают из-за того, что одной из сторон приходится общаться на неродном языке. Обращение к деловому партнеру другой культуры по правилам собственной традиции может привести к конфликту культурных норм, а значит, и к неблагоприятным последствиям для бизнеса. Менеджер, владеющий иностранным языком, как правило, имеет знания и в области культуры того народа, на языке которого он может общаться.

При управлении предприятием руководитель часто выступает не столько в качестве читателя, сколько в качестве потребителя информации. Это вызвано необходимостью переработки недостающей информации, статистики для принятия решения в проблемной ситуации. Прежде всего его знание должно обеспечить доступ к зарубежным источникам информации, без чего в настоящее время немыслима не только исследовательская, но во многих случаях и чисто практическая деятельность [2, с. 21].

В сфере делового общения, на наш взгляд, особый интерес в контексте изучения иностранного языка и освоения инокультурных норм представляют ключевые аспекты межличностного взаимодействия: зрительный контакт, расстояние между говорящими, положение частей тела, стиль сотрудничества и взаимодействия, процесс восприятия информации, слушание [3, с. 264]. Известно, что одни и те же жесты, символы, знаки в разных культурах «прочитываются» по-разному. В процессе изучения иностранного языка внимание, как правило, обращается и на такого рода моменты.

Из контекстуальных особенностей коммуникации органично вытекает значимость таких этапов делового общения, как установление первоначального контакта, прием деловых партнеров, манера ведения переговоров, культура заключения сделок и составления контрактов и даже общение между руководителем и подчиненными. Соблюдение определенной дистанции при общении, уместность и активность использования собственного языка жестов, важность зрительного контакта, национальная специфика манеры управления также являются отличительными чертами культурных и коммуникативных особенностей другой стороны [4, с. 157].

4. Языковые барьеры при принятии решения и функции управления. При проведении переговоров с иностранными инвесторами и партнерами острой проблемой является ощущение дискомфорта, вызванное языковым барьером. Руководителю зачастую приходится срочно принимать решение, и при наличии языкового барьера ему будет сложно ориентироваться в происходящем. Естественно, вероятность, что он примет правильное решение, снижается. Высокий уровень знания иностранного языка, таким образом, становится необходимым условием профессиональной управленческой деятельности руководящих кадров совместных предприятий.

С целью изучения отношения сотрудников совместных предприятий к знанию иностранного языка, возможности общаться и вести переговоры с партнерами было проведено социологическое исследование среди 30 представителей высшего, 50 – среднего и 120 – низшего звена управления в совместной компании ОАО «Нойзидлер Сыктывкар», а также и 10 представителей высшего, 26 – среднего и 60 – низшего звена в совместной компании ОАО «Коми-Арктик Ойл» (Республика Коми). ОАО «Нойзидлер Сыктывкар» – одно из устойчиво развивающихся предприятий – целлюлозно-бумажных комбинатов, входящих в международную группу «Нойзидлер». ОАО «Коми-Арктик Ойл» – нефтяная компания, работающая с большим количеством зарубежных партнеров. Всего в опросе участвовали 296 респондентов, из них 40 – из высшего, 76 – из среднего и 180 – из низшего звена. В анкетировании участвовали респондент-

ты от 23 до 55 лет. Характерный возраст для управленческих кадров высшего звена составил – 27–40, для среднего – 35–48 лет, низшее звено представлено всеми возрастными категориями.

По итогам проведенного исследования в области социально-экономической значимости знания иностранного языка среди управленческих кадров совместного предприятия получены приводимые далее результаты.

На вопрос «*Знаете ли Вы иностранный язык?*» ответили «да» 43,3% опрошенных специалистов высшего, 27,5% – среднего и 9,4% – низшего звена. Из них наибольшее количество (21,5%) составляют лица 26–37 лет; 17,1% – лица 38–50 лет; всего 5,6% – те, кому за 50 лет. Анализ показывает, что среди знающих иностранный язык преобладают более молодые специалисты. Очевидно, молодые люди более восприимчивы к изучению иностранных языков и более прагматично оценивают роль и значение иностранного языка для себя в современном обществе. Следует учитывать, что на совместных предприятиях работодатели заинтересованы в зачислении в штат молодых кадров, владеющих иностранными языками и разбирающихся в новейших информационных технологиях в своей области.

Отвечая на вопрос «*Как Вы оцениваете свой уровень знания иностранного языка?*», выбрали вариант «довольно хорошо» 15,4% из числа специалистов высшего звена, 8,3% – среднего, 1,6% – низшего звена. Возрастной срез тех, кто ответил таким образом: 9,6% – молодые специалисты; 2,7% – сотрудники среднего возраста и 3,1% – выше среднего возраста. Респонденты выразили желание повысить свой уровень знания иностранного языка, объясняя это профессиональной необходимостью.

Свой уровень знания иностранного языка посчитали «средним» 20,1% опрошенных специалистов высшего звена; 9,2% – среднего и 3,1% – низшего звена. Выбрали вариант «плохо» 1,1% респондентов из числа высшего звена, 6,5% – среднего и 15,2% – низшего звена.

Анализ показал, что самый низкий уровень знания иностранного языка у сотрудников низшего звена, особенно респондентов старше 50 лет и, напротив, очень молодых. Сотрудники старше 50 лет – опытные специалисты, но они неохотно идут на курсы повышения квалификации, редко мечтают о карьерном росте и в условиях Севера стараются продержаться на работе до пенсионного возраста.

На вопрос «*Как Вы считаете, необходимо ли знание иностранного языка для работы на совместном предприятии?*» ответили «да» 68,2% специалистов высшего звена в возрасте от 26 до 45 лет; 31,7% – среднего и 14,3% – низшего звена. В качестве важнейшего фактора называлось обстоятельство, что при приеме на работу одним из основных требований для кандидатов является знание иностранного языка.

«*Влияет ли знание иностранного языка на эффективность управления в совместных предприятиях?*» Из числа представителей высшего звена на этот вопрос ответили «да, влияет» 47,5%; из числа среднего звена ответили «влияет, но посредственно» 29,9%; из числа низшего звена ответили «мало влияет» 33,7%.

За последнее время произошли заметные изменения в сфере управления организацией компании ОАО «Нойзидлер Сыктывкар». В управленческие структуры выдвинуты молодые талантливые кадры. С целью повышения квалификации группа специалистов высшего и среднего звена прошла стажировки в Германии и Финляндии. Выросло количество специалистов, посетивших зарубежную партнерскую компанию, расширились связи между инвесторами компании и местными руководителями. В тех цехах предприятия, где управляющим стал молодой специалист с умением по-новому управлять и организовывать, производительность труда за 2004–2005 гг. увеличивалась примерно на 20% ежегодно.

Совместная компания ОАО «Коми-Арктик Ойл» тоже уделяет большое внимание повышению квалификации своих кадров. Зарубежные стажировки, курсы повышения квалификации, высокие требования к кадрам приносят свои плоды. По статистическим данным, эффективность труда повысилась на 28%. Чтобы добиться высокой производительности от управленческих кадров, требуются навыки организации производства, умение управлять делами и персоналом. Как известно, цены на нефтепродукты растут высокими темпами. Компании ищут выход на международный рынок. Необходимо быть в курсе последних новостей о конкурентах, владеть информацией, делать сравнительный анализ результатов работы профильных зарубежных компаний.

«Хотели ли бы Вы изучать второй иностранный язык?» На данный вопрос положительно ответили только 23% специалистов из высшего и 16% – из среднего звена. Респонденты низшего звена показали незаинтересованность в изучении второго иностранного языка, несмотря на то что работают на совместном предприятии. Но они признают, что для карьерного роста необходимо знание иностранного языка. Исходя из всего изложенного, можно сделать вывод, что наиболее заинтересованными в повышении уровня знания иностранного языка оказались специалисты высшего звена.

К сожалению, большинство наших управленческих кадров пока не осознают серьезности проблемы. В современном обществе знание иностранного языка для управленческих кадров совместных предприятий должно стоять на первом месте, потому что эти же кадры несут огромную ответственность за успешное развитие и конкурентоспособность своего предприятия. Для многих предприятий появилась возможность выйти на международный рынок, а знание иностранных языков облегчает этот процесс.

Ведущая роль в развитии социокультурной компетенции, и в частности межкультурной компетенции, принадлежит владению иностранным языком. Для руководящих кадров совместных предприятий оно имеет особое значение в сфере профессионально-деловой коммуникации, так как повышает шансы успешного сотрудничества с иностранными партнерами и обеспечивает непосредственное профессиональное иноязычное общение с коллегами – носителями языка. Уважение и желание сотрудничества приведут к взаимовыгодному и эффективному взаимодействию экономических партнеров.

Обострение конкурентной борьбы между компаниями заметно не только на

международном, но и на внутреннем рынке. Не только совместные компании, но и обычные предприятия, которые работают с иностранными партнерами, стремятся повысить свою конкурентоспособность путем улучшения качества кадрового потенциала. На рынке труда достойно выглядят именно те кадры, которые владеют несколькими иностранными языками. Изучение иностранного языка расширяет кругозор и эрудицию, развивает интерес к профессии, повышает культурный уровень специалистов.

Библиографический список

1. *Барышева, А.* Человеческий потенциал как основа национального экономического успеха [Текст] / А. Барышева // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 1.
2. *Зинченко, В. Г.* Межкультурная коммуникация: системный подход [Текст] / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – Н. Новгород, 2003.
3. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000.
4. *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – М., 1989.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

И.В. Денисова,

*ст. преподаватель Южно-Российского государственного
технического университета
(Новочеркасского политехнического института)*

РЕФЛЕКСИВНОЕ «Я» КАК УСЛОВИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

В теории личности существует главный вопрос: «...что такое человек? – мы хотим спросить: чем человек может стать, то есть может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь?» [1, с. 3].

Итак, человек – это процесс, точнее – процесс его поступков. Если разобратся, то вопрос: что такое человек? – не есть вопрос абстрактный или «объективный». Он родился из того, что мы думаем о себе и других, из нашего желания узнать – в связи с тем, что мы подумали и увидели, чем мы являемся и чем можем стать «действительно ли и в каких пределах мы «кузнецы самих себя, своей жизни, своей судьбы» [1, с. 43]. Познавая самих себя, мы должны добираться до «корня» своего существования, а «корнем является для человека сам человек» [2, с. 422].

Проблема человеческого «Я» подразумевает два фундаментально разных вопроса:

1. Что такое «самость»? какова вообще природа «самости», идентичности, самосознания и т.д.?

2. Кто я? каков смысл моего конкретного бытия?

Вопросы эти взаимосвязаны. Ответ на вопрос «что такое «самость»?» так или иначе соотносится с личным опытом вопрошающего, и невозможно определить собственное «Я», не соотнося его с представлением о сущности и возможностях человека вообще. Причем в обеих формулировках проблема имеет не только когнитивный, познавательный, но и экзистенциально-нормативный смысл. В первом случае в центре внимания стоят родовые возможности человека, а во втором – индивидуальные.

Вопрос «что такое «самость»?» безличен, ориентирован на объективное познание, результаты которого могут быть выражены в понятиях; это поиск общего закона, правила, нормы, на которые может с теми или иными вариациями ориентироваться каждый; это открытие себя через другого.

Вопрос «кто я?» интроспективен, субъективен, обращен внутрь личности; это не столько познание, сколько самовыражение, автокоммуникация, путь от себя к другому; он не отливается в четкие понятийные и вообще языковые формы и апеллирует не столько к разуму, сколько к непосредственному переживанию, интуитивному опыту. Его общезначимость покоится не на подчинении общим правилам, а на внутреннем сходстве, близости переживаний и ценностей всех или по крайней мере некоторых людей.

При всей условности этой оппозиции она весьма существенна. Наука, ориентированная на получение объективного знания, содержательно отвечает лишь на первый вопрос, предоставляя второй индивидуальному усмотрению. Но этот интимный, личный поиск также опирается на определенные философско-этические предпосылки, тесно связанные с нормативным миром культуры. Если древнегреческая философия устами Аристотеля вопрошает: «Что такое человек?», то веданта или дзэн-буддизм предпочитают вопрос «кто я?». А постановка вопроса во многом предопределяет и ответ.

Хотя понятие «Я» предполагает внутренне единство и тождественность личности, фактически индивид имеет множество разных «образов «Я», которые конструируются под разными углами зрения.

Любая концепция структуры «Я» выделяет в нем наряду с отражением реальных свойств «хозяина» какие-то идеальные ценностные компоненты (вспомним «эмпирическое» и «идеальное Я» Джеймса). Однако последние не представляют собой сколько-нибудь однородного явления. Моральное должествование, например, совсем не то же самое, что эгоистическое хотение, а абстрактное желание быть одновременно великим ученым, художником и всесторонне развитым спортсменом имеет мало общего с целенаправленной самореализацией, требующей от личности определенных жертв и усилий.

Переход психологии от субстанциалистской трактовки «Я» к социально-психологической предполагает более дробную классификацию «образов «Я». Так, американский психолог М. Розенберг выделяет «настоящее «Я» (каким индивид видит себя в действительности в данный момент); «динамическое «Я» (каким индивид поставил себе целью стать); «фантастическое «Я» (каким следует быть, исходя из усвоенных индивидом моральных норм и образцов); «будущее» или «возможное «Я» (тип лица, каким, как кажется индивиду, он может стать; это не обязательно положительный образ: человек может в мечтах видеть себя героем и в то же время чувствовать, что превращается в обывателя); «идеализированное «Я» (каким приятно видеть себя; этот образ может включать в себя компоненты и «настоящего», и «идеального», и «будущего «Я»); наконец, целый ряд «изображаемых Я» — образов и масок, которые индивид выставляет напоказ, чтобы скрыть за ними какие-то отрицательные или болезненные черты, слабости своего «реального «Я» [3].

Все эти образы характеризуют внутренний мир индивида и многочисленны-

ми нитями связаны с его жизненным опытом и реальным взаимодействием с другими людьми. Так, «идеальное «Я» зависит от тех норм и образцов, которые были внушены человеку в детстве: желательное (с точки зрения общества, семьи или какой-то другой социальной группы) стало желаемым для самого индивида, который не мыслит себе иного поведения, поэтому всякое уклонение от усвоенного образца вызывает у него муки совести и снижение самоуважения. «Динамическое «Я» связано с социальным положением человека: уровень притязаний личности, как и ее самооценка, всегда исходят из каких-то объективных возможностей и т.д. Однако все эти варианты «образов «Я» существуют лишь в самосознании как его собственные ипостаси и потенции.

Каков же теоретический статус «образа «Я»? Считать ли его особым психическим процессом или состоянием? Признать ли его понятием или представлением? Пока психология была асоциальной, она затруднялась ответить на эти вопросы, поскольку привычные и понятные ей инстинктивно-чувственные компоненты (самочувствие, самоощущения) органически переплетаются здесь с абстрактно-логическими (понятие «Я»), а когнитивные (познание своих качеств) – с ценностно-ориентационными (уровень притязаний, представление о смысле жизни). Социальная психология снимает эти вопросы с помощью теории социальной установки.

Всякая социальная установка содержит в себе три взаимосвязанных компонента: когнитивный (познавательный) – определенные представления и мнения об объекте; аффективный (эмоциональный) – положительные или отрицательные чувства к объекту; поведенческий – готовность к определенному образу действий в отношении объекта.

Социальные установки облегчают личности приспособление к среде (установка закрепляет то, что способствует удовлетворению потребностей субъекта), познание (установка систематизирует предшествующий опыт взаимодействия субъекта с объектом), саморегуляцию (устойчивая система социальных установок – необходимая предпосылка творческой активности личности, самовоспитания и т.п.) и психологическую защиту (наличие определенной системы установок позволяет индивиду уклониться от осознания таких аспектов действительности, которые могли бы поколебать устойчивость его личности).

Согласно разрабатываемой В.А. Ядовым диспозиционной теории личности, отдельные установки не существуют у личности сами по себе, а складываются в определенную иерархическую систему диспозиций. Первый, низший ее уровень составляют элементарные установки, которые формируются на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях. Такие установки есть не что иное, как закрепленная предшествующим опытом готовность к действию. Они лишены модальности (переживания «за» или «против») и не осознаваемы.

Второй уровень диспозиционной структуры – система социальных установок, которые обладают уже всеми тремя основными компонентами (когнитивными, эмоциональными и поведенческими) и формируются у человека на базе оценки отдельных социальных объектов и ситуаций (или их свойств).

Третий уровень – базовые социальные установки, определяющие общую направленность активности личности.

Наконец, четвертый, высший уровень мотивационной иерархии образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения, детерминированные общими социальными условиями жизни данного индивида.

Понимание «образа «Я» как социальной установки (точнее, установочной системы) позволяет представить его структуру не как случайный набор компонентов (представления о своем теле, психических свойствах, моральных качествах и т.п.), а как некоторую систему когнитивных, эмоциональных и поведенческих признаков. Старая дилемма – возникает ли «образ Я» на основе самоощущений или путем познания своих объективных особенностей (в предметной деятельности и в общении) – теряет при этом смысл. Эмоциональные и когнитивные компоненты «Я» всегда сосуществуют, но каждый из них имеет свою собственную логику развития; они взаимосвязаны, но не сводимы и не выводимы друг из друга.

Понимание «образа «Я» как установочной системы позволяет иначе, более корректно поставить проблему единства и множественности «Я». Как справедливо отмечает В.А. Ядов, когнитивные элементы всякой социальной установки «обладают свойствами дифференцированности и обобщенности, свойством транзитивности (переноса знания или основанного на знании отношения с одного компонента на другой), а главное, в этой структуре действует принцип, согласно которому знания как бы «стремятся» к логической и психологической согласованности» [4, с. 96].

Для самосознания эти моменты – транзитивность и стремление к внутренней согласованности – особенно важны. «Образ «Я» не совсем обычная установочная система. Поскольку объект и субъект установки здесь совпадают, «образ «Я» всегда индивидуален и специфичен, какими бы общими ни были его компоненты.

«Образ «Я» – одна из самых важных для личности социальных установок: люди придают разным объектам неодинаковые значения, но никому не может быть безразлично собственное «Я». Кроме того, отношение человека к любым «внешним» объектам может быть как положительным, так и отрицательным, но все люди испытывают потребность в положительном «образе «Я»: отрицательное отношение к себе, неприятие собственного «Я», каковы бы ни были его истоки и причины, всегда переживаются болезненно. Наконец, как заметил еще Юм, «образ «Я» ассоциируется с такими специфическими чувствами, как гордость или унижение, которых не вызывают другие объекты.

Понимание «образа «Я» как установочной системы позволило М. Розенбергу [3] выделить в нем несколько автономных формальных измерений, которые используются в эмпирических психологических исследованиях для сравнения уровня самосознания у разных людей или у одного и того же человека на разных стадиях его развития.

Во-первых, это степень когнитивной сложности и дифференцированности, которая измеряется числом и характером осознаваемых личностью собственных качеств: чем больше своих качеств личность осознает и чем они сложнее и обобщеннее, тем выше уровень ее самосознания.

Во-вторых, это степень отчетливости, «выпуклости» «образа «Я», его субъективной значимости для индивида. Один человек много думает о себе, анализирует свои поступки, старается целенаправленно формировать себя; у другого рефлексия неразвита, он действует, руководствуясь непосредственными побуждениями или логикой ситуации. Различны бывают и объекты рефлексии: один больше озабочен своей внешностью, другой – умственными способностями, третий – своим моральным обликом.

В-третьих, это степень внутренней цельности, последовательности «образа «Я». Поскольку человек видит себя под разными углами зрения, его самосознание всегда противоречиво. Например, «идеальное «Я» никогда не совпадает с «реальным», и это противоречие является главной движущей силой самовоспитания. Однако характер противоречий самосознания может быть разным. Одно дело – осознание расхождений в степени развития каких-либо свойств (человек знает, что у него недостаточно развиты отдельные необходимые качества и старается их развить), другое дело – если человек осознает, что присущие ему свойства в принципе несовместимы друг с другом (например, высокий уровень притязаний, желание всегда быть первым трудно сочетать с низкой оценкой своих способностей в значимой для личности сфере деятельности). Противоречивость, непоследовательность «образа «Я» вызывает внутреннюю напряженность, сомнения и колебания.

В-четвертых, это степень устойчивости, стабильности «образа «Я» во времени. У одних людей частные самооценки и общие представления о себе остаются более или менее стабильными, неизменными, у других же они весьма неустойчивы, подвержены значительным колебаниям, что не может не сказываться на поведении человека и его отношениях с окружающими.

Общим знаменателем, итоговым измерением «Я», выражающим меру принятия или неприятия индивидом самого себя, является самоуважение. Хотя понятие это (чувство собственного достоинства, самолюбие) существует в психологии довольно давно, ведущее место в исследованиях проблемы «Я» оно заняло лишь в 1960-х годах, заменив собой более широкое понятие «самооценка». Если отвлечься от терминологических частных (большинство эмпирических исследований «Я» и сейчас посвящено изучению и сопоставлению того, как люди себя оценивают), замена эта связана прежде всего с поиском устойчивого интегрирующего начала, «ядра» самосознания.

Таким образом, самость достигает своего полного развития посредством организации индивидуальных установок других в социальные или групповые установки, становясь тем самым индивидуальным отражением всеобщей систематической модели социального или группового поведения. Она как некое целое проникает в опыт (experience) индивида в терминах этих организованных групповых установок. Через свою центральную нервную систему индивид принимает их в себя точно так же, как принимает он индивидуальные установки других.

Индивид имеет множество разных «образов «Я». И все они характеризуют его внутренний мир, многочисленными нитями связаны с его жизненным опытом и реальным взаимодействием с другими людьми.

Библиографический список

1. *Грамини, А.* Избранные произведения [Текст] : в 3 т. / А. Грамини ; пер. с итал. – М., 1980. – Т. 3.
2. *Маркс, К.* Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 1.
3. *Rosenberg, M.* Society and the adolescent Self – I mage [Текст] / M. Rosenberg. – Princeton, 1965.
4. *Ядов, В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности [Текст] / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.

Д.Б. Петров,

аспирант Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

СОЦИАЛЬНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТА

Религиоведение на рубеже веков открыло для себя множество новых тем, поставленных событиями и явлениями в культурной и религиозной жизни общества: экспансия нетрадиционных религиозных культов, религиозная мимикрия, религиозный терроризм, политизация религии, необходимость секуляризации обществ и государств и т.д. За многими из этих явлений кроются процессы бессознательного характера, происходящие в психике индивидов.

Классическое религиоведение не уделяло должного внимания бессознательному характеру религий. Работая, как правило, на границе этнографии и антропологии, религиоведение все чаще обращалось к изучению примитивных форм верований, обрядов и ритуалов. Изменение акцентов в области религиоведческих исследований потребовало новых подходов к изучаемому материалу. Одним из таких плодотворных подходов стал психоанализ, оказавший сильнейшее влияние на развитие религиоведческих исследований.

Открытие бессознательного заставило во многом по-новому посмотреть на проблему религии, ее функций в современном обществе и в формировании субъективности. Однако сегодня стало очевидным, что религиоведческая проблематика в этой области основывается, как правило, на «трех китах» психоанализа: Фрейде, Юнге, Фромме. Такая ситуация негативным образом сказывается на дальнейшем развитии научного потенциала психоанализа религии. Некоторые важные в религиоведческом плане психоаналитические концепции остались неотрефлексированными научным сообществом. В частности, не произошла должным образом экстраполяция теоретических и практических выводов в область религиоведения психоаналитической концепции Жака Лакана.

С позиций современного религиоведения решающим моментом всякого анализа религии является взаимодействие личностных и социальных факторов,

поэтому представляется целесообразным обращение именно к лакановской психоаналитической концепции, где субъективное рассматривается как модальность социального, а само социальное – как модальность языка / бессознательного. Заметим, что исследование возможностей лакановской психоаналитической концепции при анализе религии только начинает восприниматься в качестве самостоятельной цели научного поиска.

В религиоведении, особенно российском, научный потенциал лакановской концепции практически не задействован, хотя понимание Другого в интерпретации Ж. Лакана в обращении на религиозную сферу в состоянии объяснить идеологическую силу религии таким образом, каким другие типы анализа, включая марксизм, сделать не способны.

При общей разработанности проблемы субъекта в лакановском ключе не поставлен вопрос о символической позиции религиозного субъекта. Недостаточное внимание уделяется исследованию границ применимости лакановского дискурса при анализе конкретных исторических религий. Не выявлена специфическая (отличительная от социального) особенность функции *отцовской метафоры* в религиозном дискурсе. Обозначенные проблемы можно объединить в одну важную, на наш взгляд, религиоведческую задачу: *исследовать смысловое поле анализа религии в структурном психоанализе Ж. Лакана*. Понятно, что эта задача может быть реализована лишь в рамках большой исследовательской работы, и данная статья имеет лишь дескриптивный характер введения.

Следуя за Фрейдом, Лакан признавал, что религиозная ситуация никогда не бывает новой, у нее всегда есть инфантильный прообраз, она является продолжением более ранней психосоматической ситуации индивида. Функция идеи Бога на более поздней стадии развития психики заключается в замещении первоначальной привязанности и вытеснении зависимости от фигур отца и матери. Однако Фрейд интерпретирует религию как иллюзию, подразумевая под этим то, что она есть специфическая реакция сложной человеческой психики на собственное бессилие. При этом и чувство бессилия, и сама реакция на него носят фантазматический характер, то есть являются симптомами травмирующего вытеснения первобытных животных импульсов – каннибализма и инцеста. Подобные вытеснения и есть материал для образования религии. Запрет на животное влечение носит социальный характер, но он (по Фрейду) не вполне рационален, что дает первобытному человеческому сознанию основание для подмены социального характера запрета на метафизический. Так, по мысли Фрейда, рождается идея сверхъестественных инстанций.

Лакан усмотрел в экспликации Фрейда опору на метафизическое допущение доисторических процессов (травм) в психике человека (вина за первое убийство отца и т.д.), в сопротивлении которым и защите от которых конституируется человеческое Я. Он строит свою концепцию субъективности в противовес поиску и описанию механизмов сопротивлений и защиты его. Создавая свою концепцию «стадии зеркала», Лакан исходит из второй топики Фрейда, дополненной дуализмом влечений к жизни и влечений к смерти, но делает акцент на работе функции *imago*: «Объект всегда есть образ (*imago*), то есть образ реаль-

ного объекта, который субъект интегрирует в себя, по механизму интроекции придавая ему статус фантазма» [1, с. 136]. Религиозный объект, исходя из этого, есть сложный образ «Другого в себе», «цепочки означающих», которая формируется в процессе онтогенеза.

Исходя из некоторых пассажей лакановской теории, можно утверждать, что предпосылки религиозной веры формируются в процессе онтогенеза, воспроизводящего все значительные стадии филогенетического развития. Уже на раннем этапе формирования родовой психики отчуждение от себя и посредническая роль Другого имеют конституирующую силу религиозного представления. Подобной позиции придерживается и отечественный философ Ю.М. Бородай, который разработал оригинальную концепцию антропогенеза на основе разнобразного материала этнографии и психоанализа.

Бородай указывает, что в условиях тупиковой антропогенетической ситуации, не оставляющей субъекту никаких других альтернатив, кроме «отказа от себя», эта возможность приобретает характер принудительности, превращаясь для каждого индивида в диктат «супер-Эго» – диктат другого в себе. В качестве «Сверх-я» и «другого в себе» для каждого выступает не столько живая конкретная личность того или иного реального сородича, но личность коллективно-обобщенная, идеальная – общезначимый ритуальный фетиш. Таким первичным «Сверх-я», очевидно, и был тотем – архаический родовой бог, которого нужно было любить больше себя самого [2, с. 166].

Символические средства фиксации этого исходного коллективного представления со временем меняются. В результате взаимодействия различных родовых групп само понятие бога рационализируется. В процессе рационализации абсолюта исходная коллективно-невротическая фиксация практически полностью утрачивает наглядно-предметный характер, порывает с фетишистскими суевериями, но при этом и отношения индивида с собственным двойником-повелителем «Сверх-я» теряют характер исходной интимности, непосредственной сопричастности. «Сверх-я» все больше выступает как холодное абстрактное должностное отношение перед коллективным Законом. Символом такого родового императива, с возникновением института отцовства, становится «отец», для ребенка это всегда первое реальное «Сверх-я».

Фрейд усматривал устойчивую константу религиозного чувства человечества в амбивалентности отцовского комплекса, тогда как Лакан указывает на причину религиозной нужды (желание Бога), существующую до образования «отцовской амбивалентности». «Отец» действительно важный объект в символике и языке религии. Но он не может играть роль того фундаментального антагонизма, которую ему приписывал Фрейд. В своей символической функции отец выступает не в физическом облике, образ которого подвергался ребенком интроекции, но как Имя Отца, символизирующего Закон. «Истинная функция Отца, – утверждает Лакан, – соединение желания и Закона». Центр символического горизонта либо «я» Отца, или законодателя, накладывается на интроецированный образ собственного тела. «Отец» как законодатель в своем предельном проявлении – это и есть Бог, абсолютная субъективность, абсолютный Другой, в говорении которого высказывание никуда не отправляет благодаря не-

расторжимой слитности означаемого и означающего. Иными словами, в условиях, когда «бог умер», субъект не имеет точки опоры для отождествления с чем-то, над ним стоящим, и вместо субъективности, или, по Фрейду, «Сверх-я», зияет дыра, расколотость в системе бессознательного. Его место занимает символ голого наслаждения. Здесь Лакан низводит теологическую проблематику до отождествления мнимости Абсолютно Другого, равного отсутствию означаемого у объекта желания [3, с. 433].

Таким образом, в становлении «человека религиозного» важен не сколько «реальный» отец, сколько функция Имени Отца: эта функция соотносит индивидуальное желание и потребности с символическими законами данного общества, данной культуры. Символическое выступает в качестве определяющего момента структуры психического не только логически, но и топологически. Выход на уровень символического и подключение к интерсубъективным механизмам культуры и языка – таково направление и онтогенетического и филогенетического развертывания человеческой психики. В этом смысле общество и культура всегда будут доминирующими силами конституирования структуры религиозной потребности субъекта.

В раннем детстве ребенок, как правило, не испытывает религиозных чувств, у него нет представлений о Боге и сверхъестественном. Ребенок знакомится с ними позднее, когда входит в символический мир культуры и языка. Почему эти довольно поздние религиозные переживания и представления не просто находят сильнейший отклик в душе ребенка, но и становятся глубоко структурированными в психике так, что некоторые исследователи находят эту укорененность устойчивой антропологической характеристикой, или фундаментальной функцией бессознательного? Почему потребность в религиозном шире идеологического поля конфессий, религиозных учений, традиций?

Исходя из теории лакановского психоанализа, можно сформулировать два ответа. Во-первых, в процессе психогенеза вырабатываются такие механизмы реакции на действительность, само функционирование которых с необходимостью требует наличия удвоенной реальности и существования высшего, перфектного объекта. Во-вторых, то, что конституируется в процессе онтогенеза – желание, тревога, недостаточность, ретроспективно принимает форму религиозного чувства и опыта.

Нужда (потребность) в религиозном «бродит» в человеке задолго до встречи с институционализированной идеей Бога, религиозными догматами и языком. Однако эта психогенетическая предрасположенность не является ни религиозным инстинктом, ни религиозной интуицией, ни фундаментальной религиозной функцией бессознательного. Проще говоря, не существует никакой линейной зависимости между религией и субъектом, связь эта всегда возникает как частный случай диалектики субъективного и социального, между *полым* субъектом и *полной* речью Другого, за которым скрывается принудительная власть языка.

Религиозность не является устойчивой антропологической характеристикой. Она есть производная от устойчивых психических констант субъекта. «Психическая материя», из которой «соткана» религиозность субъекта, в генетической психологии обозначается как «реальная функция». Фрейд обозначил ее как

«функция Реального», в лакановском дискурсе это фантазматический сценарий реальности (то есть вопреки реальности), игра (то есть процесс субъектно-объектных отношений, имеющий характер случайности) двух фундаментальных психических инстанций: воображаемого и символического. С этой функцией субъект никогда не обретает подлинного образа реального, так как сама эта функция не есть отражение реальности, но ее фантазматический сценарий. Конвенциональные значения слов становятся поверхностью речи, внутреннее содержание которой никогда не тождественно высказываниям субъекта: означающее стабильно, означаемо переменчиво. Субъект предстает как раздвоенный на «я говорящий» и «я говоримый», то есть на субъект речи и объект говорения.

Через язык, культуру для субъекта впервые возникает означающее «Бог», но дело в том, что означаемое этого «Бог» сформировано в субъекте раньше, в процессе перехода от Воображаемого к Символическому. Дальнейшее же вхождение в культуру (фиксация в Символическом) вытеснит начальный референт этого «Бог», так что само понятие начнет опосредоваться серией метафор и метонимий. В этой ситуации религиозный дискурс субъекта будет функционировать как симптом, речь верующего здесь шифрует болезненное отчуждение субъекта от самого себя как, например, в «случае Шребера» [4, с. 218]. Именно к этому частному случаю шизофрении на религиозной почве ошибочно сводил весь феномен религии Фрейд. Однако если логически продолжить теорию функции *imago*, то религиозное чувство и представления образуются не исходя из принципа реальности, как у Маркса и Фрейда (в этом случае религия действительно не более чем коллективный невроз), а вопреки ему, посредством диалектики воображаемого и символического.

Человек не адаптируется к реальности, он адаптирует ее под себя, под свою недостаточность как субъекта. Психические предпосылки религиозного чувства конституируются на уровне воображаемого, где психология и физиология еще слиты воедино. В диалектической точке перехода от воображаемого к символическому задаются условия для удвоения реальности. Воображаемая реальность (иллюзорная реальность Я) складывается в сознании субъекта таким образом, что требует наличия возвышенного, перфектного объекта, который всегда будет ощущаться как «потерянный объект», как недостающий элемент структуры реальности.

Бог, Абсолют, Брахман – это всегда недостающий перфектный объект человеческого «я» и общественного «мы», «недостающее-к-бытию». Проблематичность этого недостающего для Я и Мы объекта в том, что он принадлежит Другому. Другой же – это сфера символического, которая отождествляется Лаканом с социальным и культурным контекстом, в рамках которого происходит развитие индивида, становление его субъектом в подлинном смысле этого слова.

Символическое – это и есть непосредственно сфера бессознательного, которое является социальным по своей сути. Таким образом, социальное и религиозное в структуре субъекта функционирует как означающее и означаемое, как форма и содержание, где религиозное может пониматься как «сохраняющийся осадок» того влияния, которое оказывает на субъекта «означающий», или Другой.

Библиографический список

1. Лакан, Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я [Текст] / Ж. Лакан ; пер. с фр. О. Суслевой // Кабинет: картины мира. – СПб., 1998.
2. Бородай, Ю. М. Эротика, смерть, табу [Текст] / Ю. М. Бородай ; Русское феноменологическое общество. – М., 1996.
3. Филиппов, Л. И. Принципы и противоречия структурного психоанализа Ж. Лакана [Текст] / Л. И. Филиппов // Бессознательное: природа, функции, методы исследования : в 4 т. – Тбилиси, 1978. – Т. 1.
4. Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре Бога [Текст] / Ж. Лакан ; пер. с фр. А. К. Черноглазова // Метафизические исследования : Статус иного. – СПб., 2000. – Вып. 14.

М.В. Ковалева,

аспирант Курского государственного университета

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ ОБ ЭНТРОПИЙНЫХ ПРОЦЕССАХ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

В начале XX в. представители русской религиозной философии обратились к пониманию энтропийных процессов в сфере духовного. Общий круг проблем, обозначенных и проанализированных русскими философами, представляет собой значительный вклад в теоретическое осмысление культуры, как таковой, культурного кризиса, а также путей выхода из него.

В первой четверти XX в. окончательно сложилось особое направление русской религиозной философии. Представлено оно именами С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, В.Ф. Эрн, Г.П. Федотова и других авторов, чье творчество опиралось в основе своей на ряд подходов, разработанных В.С. Соловьевым. Некоторые позиции нарождающейся концепции культуры, впоследствии ставшие основой коллективных творческих исканий, были изложены в сборнике «Проблемы идеализма», вышедшем в 1902 г. [1, с. 367].

Историческая и культурная ситуация начала XX в. была неординарной. Она характеризовалась сверхуплотненностью событий, радикальной переорганизацией социальной и духовной жизни. Именно в этих условиях складывался интерес к культурной проблематике, и в центре отечественных гуманитарных исследований оказались проблемы соотношения человека и культуры, духа и реальности.

Обращение к пониманию сложнейших процессов в духовной сфере представителями русской религиозной мысли, на наш взгляд, актуально и сегодня. Научный интерес может представлять направленность и основные позиции

анализа энтропийных процессов в сфере духовного, обозначенные представителями русской религиозной философии с тем, чтобы показать, как данная умонастроенность определила понимание судьбы русской культуры.

В работе «Религия человекобожия в русской революции» С.Н. Булгаков отмечал, что XIX в. характеризуется атмосферой безрелигиозности. Он писал: «Россия отражает идеи и настроения века решительнее и прямолинейнее, чем Запад, отражает на себе ту мировую духовную драму богоборчества и богоотступления. Духовная борьба, составляющая основную тему и основное содержание новой истории, определяется усилиями культурного человечества устроиться без Бога навсегда» [2, с. 215]. Этот процесс автор называет трагедией, так как, «хороня Бога в своем сознании, люди вынуждаются хоронить и божественное в своей душе, а божественное есть действительная, реальная природа человеческой души» [2, с. 216]. В результате, по мнению автора, в культуре возникает такое явление, как нигилистический индивидуализм, который составляет серьезную угрозу духовной жизни.

Это явление С.Н. Булгаков называет русской драмой. Причины этой драмы автор видит в разложении личности, в «параличе» воли и нравственного чувства, всеобщем пессимизме, в отрицании религиозных ценностей, отсутствии созидательных целей, экономической нужде, а также в духовном распаде и внутреннем раздоре русского народа.

Как видно, С.Н. Булгаков связывает процессы российской жизни начала века с разрушением устоев человеческого духа и ставит вопрос: «Способна ли внутренне подгнивающая эпоха декаданса создать свое великое в культуре или она преимущественно коллекционирует и регистрирует старое?» [2, с. 223]. Философ был убежден в том, что вернуться на старые позиции невозможно, поскольку «мы отделены пропастью, мы выросли и исторически постарели, бесполезно и недостойно нам молодиться. Надо начать что-то новое, учесть исторический опыт, показать в нем самих себя и свои ошибки, ибо иначе, если мы будем видеть их только у других, на противной стороне, то мы останемся загипнотизированы своей враждой к ней и ничему не научимся. Потребно самоуглубление, самоисследование, потребно накопление духовных сил, творчество культуры. Разных сторон должно коснуться это самообновление, но если спуститься на самое дно, в глубину души, то это создание новой личности и новой жизни, новым и более сознательным религиозным самоопределением» [2, с. 228]. По сути дела, С.Н. Булгаков видит путь выхода из кризисной ситуации не в возврате к прежней, некогда стабильной ситуации, а в самообновлении для дальнейшего культурного созидания.

Особое место анализ кризиса культуры занимает и в творчестве Н.А. Бердяева. Проблеме кризиса посвящены такие его работы, как «Судьба России», «Смысл истории», «Царство духа и царство Кесаря».

В работе «Смысл истории» Н.А. Бердяев отмечал, что в нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема культуры. Автор считал, что всякая культура имеет свой расцвет, усложнение и утончение, но также и завершение, которое проявляется в иссякании творческих сил, удалении и угашении духа. Н.А. Бердяев обосновывал идею, что в культуре всегда

заложены истоки последующих преобразований – как позитивных, так и способных привести к разрушению и гибели.

По мнению философа, на известной ступени развития всякой культуры начинают обнаруживаться начала, которые подрывают ее духовные основы [3, с. 288]. Кризис культуры, с точки зрения автора, возникает, когда культура направляется к практическому осуществлению могущества, к практической организации жизни в сторону все большего ее расширения [4, с. 163]. «Цветение «наук и искусств», углубленность и утонченность мысли, высшие подъемы художественного творчества, созерцание святых и гениев – все это перестает ощущаться как подлинная, реальная «жизнь», все это уже не вдохновляет. Рождается напряженная воля к самой «жизни», к могуществу «жизни», к наслаждению «жизнью», к господству над «жизнью» [4, с. 164].

Таким образом, становится очевидным, что культура не может удерживаться на той высоте, которую она достигает в период своего цветения, ее устойчивость ограничена во времени. И далее во всяком исторически сложившемся типе культуры выявляется срыв, неотвратимый переход в такое состояние, которое не соответствует традиционному пониманию культуры: «Внутри культуры обнаруживается слишком большая воля к новой «жизни», к власти и мощи, к практике, к счастью и наслаждению, воля к могуществу, во что бы то ни стало» [4, с. 166].

Культура, полагал Н.А. Бердяев, всегда наполнена качественными, а не количественными характеристиками. Она перестает быть самоценной, когда цели ее видят исключительно в жизненной практике. Оценивая культуру как реальный общезначимый результат исторического развития, философ приходит к выводу, что «культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача» [4, с. 165].

Итак, Н.А. Бердяев выделяет следующие признаки культурного кризиса:

культура сосредотачивается на практической организации жизни, то есть «воля к жизни» становится выше «воли к культуре»;

происходит незаинтересованность людей в творчестве, познании;

количественная составляющая культуры преобладает над качественной, и культура становится бессильной в удержании своей высшей качественности.

Данные признаки обуславливают наличие, по мнению философа, социальной энтропии, в результате которой происходит рассеяние творческой энергии культуры.

В контексте проблем культурного кризиса, а также энтропийных процессов в духовной сфере обратимся к некоторым положениям, обоснованным С.Л. Франком. В работах «Духовные основы общества», «Крушение кумиров» философ отмечал столь характерное для первой четверти XX в. крушение традиционных кумиров: революции, политики, культуры прогресса, нравственности. Оценивая современную ему эпоху, С.Л. Франк следующим образом характеризовал этот исторический период: «Исключительно трагический характер современной эпохи, неслыханное обилие в ней зла и слепоты, расшатанности всех обычных норм и жизненных устоев предъявляют к человеческой душе такие непомерно тяжкие требования, с которыми она часто не в силах справиться» [5, с. 307].

Философ утверждает, что душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святыни и предать пустоте и призрачной свободе циничного неверия, либо вцепиться в обломки гибнущего старого здания жизни, с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуться в себе. По мнению С.Л. Франка, это приводит к ценностному кризису. В условиях культурного кризиса, считал С.Л. Франк, гибнут старые устои, общество начинает верить, что эти устои если не ложны, то относительно.

Человек рискует потерять разумное и живое отношение к жизни, если будет верить в прежние ценности или ограничиться их отрицанием. Можно сказать, что оценка человека кризисной эпохи, данная С.Л. Франком, удручающая. Умные и живые люди склонны подлечь и отречься от всякого духовного содержания, а честные и духовно глубокие натуры склонны глупеть и терять живое отношение к действительности [5, с. 115]. Согласно С.Л. Франку, все это – последствия духовного, религиозного, культурного кризиса, охватившего человечество на рубеже веков.

Особое внимание в работе «Крушение кумиров» уделяется мифу культуры и прогресса. С.Л. Франк видит в крушении этого кумира наиболее явный признак трагического состояния эпохи в целом, всеевропейского послевоенного духовного и общественного состояния. Как утверждает Т.Ю. Сидорина, именно эту проблему он считает центральной в оценке духовного кризиса. «Еще недавно, – писал философ, – в довоенное время, все мы верили в «культуру» и культурное развитие человечества... Нам казалось, что в мире царит прогресс, постепенное и непрерывное нравственное и умственное совершенствование человечества, неразрывно связанное с таким же совершенствованием его материальной и правовой жизни» [5, с. 308]. Судя по всему, С.Л. Франк, как и другие представители русской религиозной философии, характеризовал кризис культуры гибелью старых устоев жизни, обесцениванием и отрицанием прежних ценностей, снижением духовного развития человека.

С какими же процессами связывают культурную энтропию современные авторы? Прежде всего – с процессом маргинализации, который обретает силу вследствие выхода все большего числа людей из зоны эффективной регуляции их сознания и поведения. Далее, социально-культурная энтропия сопровождается падением эффективности процедур социализации и инкультурации людей данного общества средствами воспитания, образования, церкви, идеологии и пропаганды. Происходит деградация традиционных ценностных ориентаций. Легитимные формы достижения, например, социального статуса или доступа к социальным благам теряют свою престижность. Таким образом, социокультурная энтропия, поскольку способна разрушать культурную основу общества, является серьезным испытанием на прочность всей социокультурной системы [6, с. 565–567].

Специфика энтропии, дезорганизующей человеческую деятельность, хорошо раскрывается на основе концепции В. Библиера, в основе которой лежит идея двойственной детерминации человеческой деятельности – причинной и смысловой. Двойственность деятельности несет критику ранее сложившегося смыслового содержания культуры и стимулирует поиск путей формирования новых культурных смыслов, разошедшихся со старой детерминацией.

Культура амбивалентна, она существует как двуединый процесс, происходящий между ее полюсами. Любое сообщество несет в себе нацеленность как на развитие, так и на застой, как на повышение эффективности деятельности, так и на ее снижение. Дуальность культуры неотделима от дуальности человеческой деятельности, решений, смыслообразующих процессов, что угрожает дезорганизацией культуры. Такая угроза может быть снята активизацией взаимопроникновения разрушающих друг друга полюсов дуальной оппозиции. Это возможно через диалог между персонифицированными полюсами культуры.

Динамика мышления невозможна без диалога, который выступает как средство, без которого любая человеческая деятельность, культура могут распасться. Понять суть диалога – значит выявить его движущие силы, заставляющие человека изменять себя, общество, основы отношений, преодолевать опасный разрыв между причинной и смысловой детерминацией своей деятельности. Человек постоянно вступает в противоречие со смысловым аспектом своей деятельности. В результате двойственности деятельности, по В. Библеру, образуется зазор, лакуна, могущая привести к опасности, угрозе «логической катастрофы», то есть распаду ранее сложившегося всеобщего и связанной с ним логики.

Если логическую катастрофу в сфере культуры можно рассматривать как культурную основу социальной катастрофы, то значит, существует органическая связь логики культуры со спецификой общества. Логическая катастрофа неизбежно превращается в содержание опасных программ, но, по мнению В. Библера, приводит к поиску новой логики, нового типа разумения бытия. Тайны социальных катастроф, может быть, следовало бы искать в логических катастрофах культур [7, с. 58–70; 8].

Характеризуя общество как социально консолидированный устойчивый коллектив людей, преследующих столь же устойчивые цели и интересы, подчеркнем, что культура выступает совокупным способом реализации этих целей и интересов, что определено сложной системой «социальных конвенций», достигнутых обществом на протяжении многих поколений его интегрированного существования. Когда внутреннее организующее начало, образец, идеал изживает себя, а социальные конвенции нарушаются – наступает кризис культуры.

Проанализировав понимание кризисных процессов в социокультурной жизни представителями русской религиозной философии, подведем некоторые итоги. Отметим прежде всего, что и С.Н. Булгаков, и Н.А. Бердяев, и С.Л. Франк связывали кризис культуры с обесцениванием и отрицанием религиозных ценностей. Такие характеристики, как снижение уровня духовного развития личности, незаинтересованность человека в творчестве, познании, разрушение и гибель прежних устоев жизни преобладание количественных составляющих культуры над качественными, философы интерпретировали как показатели культурного кризиса.

Плодотворным в рассуждениях авторов, на наш взгляд, является анализ культурного кризиса в сложнейшем переплетении с экзистенциальным самоощущением человека. Русскими религиозными философами намечена важнейшая проблема понимания сущности культурного кризиса как момента переоценки ценностей, углубленного самопознания с учетом исторического опыта, в чем заложен исток последующих культурных преобразований.

Библиографический список

1. Философия культуры: становление и развитие [Текст] / под ред. М. С. Кагана. – СПб., 1998.
2. Булгаков, С. Н. Религия человекобожия в русской революции [Текст] / С. Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10.
3. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса [Текст] / Т. Ю. Сидорина. – М., 2003.
4. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев // Воля к жизни и воля к культуре. – М., 1990.
5. Франк, С. Л. Крушение кумиров [Текст] / С. Л. Франк // Сочинения. – М., 1990.
6. Культурология, XX век : словарь [Текст] / ред.-сост. А. Я. Левит. – СПб., 1997.
7. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцатый век [Текст] / В. С. Библер. – М., 1990.
8. Ахиезер, А. С. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) [Текст] / А. С. Ахиезер, М. А. Шуровский // Вопросы философии. – 2005. – № 3.

М.С. Городнёва,

аспирант Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАКСИСА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Интерес к проблеме актуализации духовно-религиозного опыта возникает в философии, религиоведении, социологии и психологии при изучении явлений внутренней духовной жизни человека, в частности при анализе феноменов сознания. Во второй половине XX в. в философии появляется интерес к духовно-экзистенциальной сфере человека, что свидетельствует о расширении проблематики современного социально-гуманитарного знания посредством внесения в рамки философского дискурса феномена духовно-религиозного опыта в качестве объекта изучения. Культурно-исторической формой выражения духовно-религиозных поисков человека является религия.

Определяя религию как феномен, следует выделить два измерения, в рамках которых сложилось историческое словоупотребление данной категории:

1) субъективно-личностное измерение, включающее в себя индивидуальную веру, тип религиозности, опыт, переживание и практику. Это сфера иррациональной личностной религиозности, которая противопоставляется безлично-рациональным системам и конструкциям теологии и науки (У. Джемс, Р. Генон, Р. Отто, В. Соловьев, С. Франк, И. Ильин, М. Элиаде, С. Хоружий);

2) внешнесоциальное измерение, в ареал которого входит религия как институциональное вероисповедание, традиционная конфессиональность, социальные институты, в связи с чем термин «религия» является собирательным

понятием, обозначающим поливариантность конкретных религиозных исторических образований и всевозможные эмпирические социальные явления, ими порожденные (К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский).

Два вектора внутри религии как феномена порождают дихотомию в явлении религиозной практики:

духовно-религиозная практика представлена экзистенциальным порывом стремления к достижению цели практики, а также к взаимодействию, диалогу с субъектом практики. Посредством внутреннего преобразования внутренней природы субъекта религиозная практика оказывает влияние как на самого субъекта, так и на его бытие в мире. Критерием духовно-религиозной практики является момент энергийного отношения с бытием;

ритуально-религиозная практика. Ритуал по своей структуре и значимости онтологичен. При этом он имеет связь с религиозной традицией. В нем субъект является активной, движущей составляющей, но ритуал значим для бытия больше, чем для субъекта.

Религиозный опыт служит фундаментальной основой феномена религии, именно он является базисным в отношении других компонентов религии, таких, как догматика и социальные институты. В основе религии как традиции лежат психические переживания или состояния, которые позднее, в рамках уже сложившейся традиции, могут квалифицироваться в качестве религиозного опыта. Религия как форма деятельности тесно связана с духовно-субъективным уровнем религиозности, который имеет в своем онтологическом истоке праксис – энергийное действие по преобразению бытия.

Категория праксиса относится ко всей сфере человеческой деятельности и мышления. Праксис в философском смысле является одним из элементов онтологической картины, олицетворяя процесс соотношения, взаимодействия сознания и бытия. Под праксисом подразумевается включенность в событие, действие, заинтересованность в результатах деятельности. Кроме того, праксис в широком смысле представляет собой ключевую компоненту для получения опыта.

При изучении феномена религиозного праксиса целесообразно применение феноменологического метода редукции Э. Гуссерля, который представляется как вариант методологии исследования глубинных основ сознания и мышления («ноэза»), а также смысла метафизических сущностей усматриваемых феноменов («ноэма»). Результатом феноменологической редукции становится выявление внутренней фундаментальной компоненты *практического субъекта* – «Я», которое выступает центровым смыслообразующим, объединяющим, конституирующим деятельность сознания элементом. В рамках единства ноэматико-ноэтического содержания сознания как единства переживания с позиций содержания и осуществления предмет обретает свою бытийную значимость.

Осуществление первого аспекта феноменологической редукции заключается в реализации принципа «эпохе», посредством которого религиозный праксис рассматривается не как один из объектов действительности в рамках пространственно-временного взаимодействия, а как *данность* сознанию, что позволяет «вынести за скобки» внешние атрибуты религиозности и обратиться к смыслу,

который вносит сознание субъекта в процессе реализации духовно-онтологической стратегии религиозного праксиса. «Всякий род предметов, которому предстоит быть объектом разумной речи, донаучного, а потом и научного познания, должен сам выявиться в познании, то есть в сознании, и, сообразно смыслу всякого познания, сделаться данностью» [1, с. 13].

Первичное взаимодействие с бытием происходит через органы чувств, что вызывает переживания как динамически интенциональные переживания. Их совокупность бесконечно разнообразна и составляет *поток* сознания. Непрерывность актов сознания во времени указывает на принадлежность их к одной личности, представляющей собой целостность. В процессе религиозного праксиса сознание проявляет себя в *интенциональной направленности* актов сознания на предмет, вследствие чего предмет не задан, но являет себя в сознании. Направленный на предмет интенциональный акт сознания наполняется бытием этого предмета.

Интенциональность сознания как инструмент познания религиозных феноменов может быть востребована в современной феноменологии религии, представляясь не как познание внешнего и поверхностного содержания объектов, а как способ существования сознания в горизонте религиозного праксиса. Опыт интенциональности означает прежде всего нацеленность, устремленность сознания и фиксацию на определенном ментальном объекте посредством удержания его в фокусе восприятия. Итогом становится постижение очевидности и ясного различения *смысловой структуры* объекта концентрации. Соответственно, деятельность сознания в процессе праксиса может рассматриваться как форма умозрения.

Фундаментальной чертой метода является наличие интенцирующего субъекта – «Я есмь», то, что в феноменологии Э. Гуссерля именуется трансцендентальной субъективностью. В процессе редукции происходит интенциональное обращение к уровню субъективности, который является источником волений, эмоций, чувств, оценок, суждений. Однако в рамках исследовательской задачи следует обозначить присутствие практического субъекта прежде всего как *существующего* в бытии, где сама связка «Я есмь» раскрывает бытие как существование.

Определение практического субъекта в качестве экзистенции говорит о возможности отношений с бытием. Так как действие практического субъекта имеет онтологическую значимость, а праксис как антропологическая стратегия трансформирует энергийный антропологический образ, то и существование объекта взаимодействия имеет не меньшую онтологическую значимость, поскольку праксис имеет характер *отношений*. Таким образом, практический субъект и субъект праксиса сосуществуют с самого начала, пребывая в определенном взаимодействии друг с другом. Искомое взаимодействие для практического субъекта религиозного праксиса раскрывается в акте *встречи*.

Проблема диалогичных отношений человека и мира в философском дискурсе выражена в экзистенциализме. Тезис М. Бубера «в начале есть отношение» онтологичен. В процессе диалога субъект раскрывается сущностью и без остатка входит в отношение, вверяя себя своему «собеседнику». Важным этапом, пред-

варяющим встречу, является обретение человеком внутреннего единства. Лишь сосредоточенное, цельное существо может выйти на встречу и удостоиться быть встреченным. Это встреча между субъектом и субъектом, поскольку субъектно-объектная матрица исключает взаимодействие через глубинную внутреннюю субъективность, являясь результатом интеллектуального разделения исследуемого объекта на логические части. С позиции рассмотрения религиозного праксиса как синергического взаимодействия, диалога снимается детерминация жестким противопоставлением, разделяющая субъект и объект действия, где одна из сторон подчиняется воле к познанию другой. Это встреча двух субъектов, каждый из которых не претендует на другого, но стремится раскрываться сутью и доверяет себя.

Религиозный праксис следует рассматривать как диалогичный процесс, где отношение с «Ты» есть подлинная *взаимность*. В акте взаимодействия заключается волевая активность, выбор цели и пути самого практического субъекта, выходящего на встречу, и милость (благодать) встречающего его. Эта форма праксиса раскрывается как синергическая деятельность, выраженная в со-трудничестве участников отношений. Встреча становится чистой актуализацией взаимности здесь и сейчас, в настоящем. Все бытие предстает перед человеком в свете происходящей встречи. «Ты» встречает меня, но и «Я» выхожу на встречу, открываюсь навстречу с ним, это деяние направлено из глубин трансцендентальной субъективности.

Выстраивание отношений через приоритет усмотрения сущности Другого рассматривается как отношения в любви, в результате которых устанавливается аутентичный контакт, способствующий раскрытию субъектов диалога. Любовь выступает как интенциональная направленность отношения Я – Ты [2, с. 28]. Религиозный праксис начинается с того, что субъект *готов* к диалогу и *желает, стремится* к встрече. Через взаимодействие в любви человек постигает свою суть, трансцендентальную субъективность, осуществляя собственный *τελος*. Таким образом, взаимодействие практического субъекта с истоком религиозного праксиса отражаются в схеме «S-S», в качестве *объекта праксиса* выступает искомое *состояние*, получаемое в результате энергического взаимодействия, *встречи*.

Религиозный праксис представляется как духовный *процесс* поэтапного внутреннего восхождения реализации смысла праксиса (*τελος*). Антропологическая стратегия направляет субъекта к нахождению определенного состояния. Искомое состояние сознания возникает при взаимодействии с конституируемой смысловой компонентой.

Для иллюстрации тезиса необходимо на примерах выделить нозматический (смысловой) и нозитический (интенция субъекта) компонент духовно-религиозной практики. В монашеской православной исихастской практике реализация смысла праксиса (духовного «делания») заключается в «стяжании Духа Святого» – в обретении личных энергических отношений с Богом, а искомое состояние выражено энергическим концептом «обожения» человеческого существа. Духовная практика суфизма через прохождение субъектом этапов «Пути», ориентирует его на воссоединение с Богом (Возлюбленным души). В буддизме смысл праксиса отражен в достижении «нирваны», что находит свою реализа-

цию посредством обретения «просветления» через любовь и сострадание ко всем живым существам. Классическая йога, базирующаяся на философии сангхья, искомую цель праксиса видит в освобождении Пуруши («Я») от Пракрити (материя), раскрывая это состояние через экстатическое слияние с предельной реальностью – самадхи. Из приведенных примеров очевидна взаимосвязь смысла практики и стратегии субъекта.

Исследуемая форма праксиса как энергийная деятельность представляет собой активную целеустремленность сознания к цели праксиса, что является собой интенциональный *горизонт*, обозначающий край перцептуального поля, динамично изменяющийся вместе с изменением субъекта.

Антропологическая стратегия восхождения к цели праксиса состоит из поэтапных вех Пути, находящихся в едином векторе относительно установленного конституированного смысла. Эти этапы являются частью антропологической стратегии практического субъекта, постепенно подводящие его к искомому состоянию – антропологической *границе*. Таким образом, религиозный праксис как поэтапно разворачивающаяся стратегия энергийного восхождения имеет свой горизонт, а также потенциально предельную возможность апперцепции – антропологическую границу. Согласно феноменологическому подходу сознание всегда интенционально соотнесено с предметом, в связи с чем последовательность интенциональных действий имеет в своей основе природу сознания.

Согласно феноменологической установке сущность феномена независима от фактичности, однако нозтическая активность, лежащая в основе ее конституирования, требует некоторого чувственного материала. Поэтому сущность феномена вплетена в эмпирический материал, который используется нозтической активностью сознания для конституирования сущности феномена. Соответственно *исток религиозного праксиса* постигается как желанная потенциальная данность духовно-энергийного взаимодействия и воспринимается практическим субъектом не в эссенциальном смысле как «вещь в себе», замкнутая субстанциальность, но как *смысловая сущность* феномена.

Сущность феномена не может быть рассмотрена эмпирическим путем, однако она дана сознанию непосредственно в определенной форме переживаний. «Сущность (εἶδος) – это предмет нового порядка. Подобно тому как данное в индивидуальном или же постигающем опытным путем созерцании есть индивидуальный предмет, так данное в сущностном созерцании – есть чистая сущность» [3, с. 34]. В зависимости от культурно-исторических условий исток религиозного праксиса конституируется различно: как индивидуальный Бог, безличное божественное начало, разнообразие творящих сил и божеств и т.д.

Выявление универсальной природы смысла и цели религиозного праксиса актуально не только в качестве философско-религиоведческого концепта, но и имеет практическую значимость при научном анализе традиционных и нетрадиционных религиозных школ и предлагаемых ими систем практик. В сложившейся современной религиозной ситуации от религиоведения требуется разработка методологии исследования сущности и проявлений религии, что способствует диалогу конфессий, культур и традиций на основании признания как незыблемости свободы совести каждого индивида, так и уважения к ценнос-

тям культурных и конфессиональных традиций. Для этого необходима четкая демаркация социально-политических явлений, носящих конфессиональный оттенок и феномена духовно-религиозного праксиса, представленного как один из вариантов взаимодействия человека с бытием.

Результатом такого взаимодействия становится создание уникальных традиций как символических культурных духовно-религиозных систем, обеспечивающих идентификацию и социализацию индивидов. Понимание ценности и уникальности другой культуры посредством диалога позволит найти объединяющие человечество основания в культурно-духовном ареале, минуя национальные, религиозные и мировоззренческие конфронтации.

Библиографический список

1. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука [Текст] / Э. Гуссерль // Логос. – М., 1911. – Кн. 1.
2. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер // Два образа веры. – М., 1997.
3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль. – М., 1994.

Э.А. Шабанова,

*преподаватель Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Значительный объем информации о мире поступает к человеку по лингвистическому каналу. Человек живет в мире концептов, созданных им же для удовлетворения когнитивных, духовных, социальных потребностей. На наш взгляд, особую роль в процессах трансформации языка сегодня приобретает акцентирование на возможностях языка как способа передачи информации о формах удовлетворения потребностей человека в условиях постиндустриального общества. Язык обрел новую функцию – манипулятивную. Человеческая жизнь становится особой формой игры, главным инструментом которой выступает язык, а он, в свою очередь, является «игрой со знаками». «При любом семантическом творчестве проблема состоит не в том, как изобрести смысл, но и в том, как с ним совладать» [1, с. 75].

Проблема стимулирования искусственных потребностей членов современного социума с помощью средств массовой коммуникации и информации, рекламы по-прежнему привлекает внимание представителей различных наук. Технологии СМИ, рекламы, маркетинга, несомненно, оказывают воздействие на приоритеты потребителей, на интенсификацию потребительского поведения, на рост или снижение спроса на отдельные товары и услуги в зависимости

сти от их жизненного цикла. Данные аспекты функционирования СМИ и рекламы в качестве технологий международного рынка, складывающегося под влиянием глобальных политико-экономических дискурсов, подробно изучены специалистами в области менеджмента, маркетинга, публичных отношений и других наук, устойчиво вошедших в российскую действительность, начиная с 90-х годов XX в.

Однако в данном случае наиболее интересно прежде всего влияние процессов трансформации современного языка на сознание индивидов, на их языковую компетенцию, на уровень речевой культуры общества в целом. Клише, стандартные формы подачи информации в условиях массовой культуры ставят острый вопрос о реалиях и перспективах культурно-языковой компетенции носителей русского языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы и, что не менее важно, происходит естественное владение языковой личностью установками культуры.

Язык – не механическое отражение модели мира. Он оказывает значительное влияние на семантическую структуру картины мира. Кроме того, язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. В теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа язык вообще рассматривается как система, обуславливающая способ мышления говорящего на нем народа [2]. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Их совокупность, запечатленная в языковой форме, являет собой то, что в различных теориях называется «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира». Следуя постулатам данного подхода, можно сделать вывод, что язык и социокультурная реальность представляют взаимозависимые структуры, которые можно реконструировать в результате анализа как текстов письменных источников, так и текстов культуры. Под текстом культуры здесь понимаются устойчивые комплексы представлений об определенном аспекте социокультурной реальности, сложившиеся в ходе культурно-исторических процессов.

В соответствии с теорией лингвистической относительности способ познания окружающего мира зависит от языка мышления познающих субъектов. Языковая система, хранящаяся в сознании человека, организует поток впечатлений, понятия и значения познаваемого мира, а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры. В пространстве лингвокультурного сообщества подобная систематизация закрепляется в системе моделей языка, способах концептуализации мира, формировании языковой семантики на основе взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры. Представитель герменевтического направления в философии Г. Гадамер полагал, что «язык есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира. С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным» [3, с. 29].

Ключевые концепты культуры, как обусловленные ею базовые единицы картины мира, обладают экзистенциальным потенциалом и для отдельной языко-

вой личности, и для данного социума в целом. Концепты формируются в сознании человека как отклики на прошлый языковой опыт человека – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический. Генезис концептов культуры в сознании отдельного человека и в национальном сознании взаимообусловлен механизмом социальной памяти.

Постсоветский русский язык, к сожалению, демонстрирует примеры пренебрежительного отношения к концептосфере российской культуры. Он, понимается, претерпевает радикальные изменения, в первую очередь в связи с радикальной переменой идеологии. В результате глубинных потрясений социальной структуры российского общества в 90-е годы XX в. девальвировалось значение таких абстрактных категорий, как труд, совесть, мораль, закон, интеллигенция и других, относящихся к ключевым концептам культуры. Лишь в последние годы принятый курс национальной политики в России позволяет предположить возрождение роли указанных базовых концептов культуры в формировании высокой культуры языковой личности.

Языковая политика современных государств должна строиться на признании того факта, что язык есть инструмент культуры, формирующий личность его носителя, есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Язык обладает как деструктивным, так и созидющим потенциалом: он может объединять людей и разъединять, способствовать созданию противоречий и их разрешению.

Интенсификация международных контактов на фоне глобализирующегося общества подчеркнула важнейшую роль языка как способа межкультурных коммуникаций. При решении проблем межкультурной коммуникации остро встает вопрос диалога культур, к которому в настоящее время проявляется повышенный интерес. Диалог культур подразумевает взаимодействие и взаимопонимание представителей разных культур как в прямом, так и в переносном смысле. По справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, «диалог культур как обмен порциями информации все время меняет положение культур по отношению друг к другу. Культура переходит от системы, прежде всего воспринимающей информацию, к системе, ее передающей. В свою очередь, воспринимающая культура проходит ряд этапов. Сначала тексты сохраняют облик «чужих», занимают «высшее ценностное место». Чужой язык делается знаком принадлежности к «культурной элите», элите, высшему достоинству» [4, с. 199].

В итоге процесса глобализации, который все чаще называют американизацией, вестернизацией, оказывается большое влияние английского языка, претендующего на роль глобального, на другие языки в различных областях: науке, бизнесе, политике, массовой культуре. Знание английского языка в ряде развивающихся стран (в Индии, например) становится необходимым условием принадлежности к элитарным слоям общества, обретает статус социального маркера. Вследствие данных тенденций под угрозой нивелирования могут оказаться национальные языки и национальная самобытность. Процесс унификации начинает проявляться не только в материальной сфере, он проникает в привычки, идеалы и ценности, в ментальность.

Английский язык претендует на роль глобального языка, он получил гораздо

более широкое распространение, чем другие языки, что связано с историко-культурными, политическими предпосылками. Китайский язык, варианты испанского языка не уступают по численности языковых носителей английскому языку, однако именно последний получил наибольшее распространение и значение глобального в силу того, что имеет статус международного и признан в качестве официального языка в более чем 80% международных организаций. Доминирование английского языка, и в особенности его американского варианта, проявляется в вестернизации образа жизни, поведенческих стандартов как представителей ряда молодежных субкультур (эмо, яппи, г'п'б и т.д.), так и отдельных страт современного российского общества.

Аналогичные процессы ведут к росту культурного единообразия не только в нашей стране, но и в развивающихся странах, испытывающих влияние американско-европейской экономической и культурной экспансии. Исследователи отмечают, что в последнее время в международных отношениях вне американско-европейского пространства наметились тенденции локализации, реализующиеся как протест национальных сообществ против гомогенного воздействия «моноязычности».

Поднимая проблему языковой политики, любопытно обратиться к примеру ее реализации на уровне политического языка, в связи с чем более пристальное внимание заслуживает вопрос глобализации политической лексики. Есть ли возможность у какого-либо языка стать универсальным языком глобальной политической коммуникации? Несомненно, многие термины становятся или уже стали интернациональными.

Русским языком заимствуется большое количество слов с суффиксами *-инг* (маркетинг, лизинг, мониторинг, брифинг), *-бельн* (презентабельный, респектабельный, транспортабельный), слова с иноязычным элементом *-мейкер* (нюз-мейкер, имиджмейкер). Характерными примерами слов, вошедших в русскую политическую лексику, являются следующие: импичмент, апроприация, транспарентность, толерантность, конвергенция, электорат. Но, важным, на наш взгляд, является вопрос «подбора русских эквивалентов и формулирование определений, адекватно передающих содержание определений на официальных языках организаций» [5, с. 5]. В связи с этим представляется интересным проследить за лексическими изменениями, происходящими в процессе политического дискурса, и попытаться установить требования к лексике языка глобальной политики.

Значительные изменения вследствие глобализации экономики, политики, культуры неизбежно приведут к радикальным изменениям в области языка, в том числе и в политической лексике. В настоящее время большое количество англицизмов в других языках, и в частности в русском, привело к введению лингвистами термина агнонимы, означающего слова, плохо понятные или совсем непонятные народу. Чрезмерное присутствие данных слов противоречит понятию диалога, предполагающего равноправное взаимодействие культур, основанное на взаимопонимании их представителей.

При заимствовании не специального термина, а слова, предназначенного для широкого употребления, важным является не только определение новых

семантических и стилистических оттенков, содержащихся в иноязычном неологизме. Необходимо «учесть степень актуальности заимствуемого элемента, социальной потребности непременно дифференцировать то, что до сих пор обозначалось одним словом, специализировать некоторые семантические оттенки, закрепив их за вновь появившимся иноязычным словом» [6, с. 154].

Ярким примером возможности языка конструировать социокультурную ситуацию является современный язык политики, основной функцией которого, по мнению многих исследователей, является манипулятивная, то есть функция управления обществом, общественным мнением, навязывание политиками своей воли. Особенности устройства и функционирования языка используются для воздействия на реципиента. Такое воздействие рассматривается некоторыми учеными как языковое манипулирование.

Р.М. Блакар в своей статье «Язык как инструмент социальной власти» замечает, что «каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком», что «выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той «действительности», о которой идет речь» [7, с. 97, 103]. Данная функция языка политики привела к возникновению лексических средств языкового воздействия на массовое сознание, появлению идеологических штампов и клише, политических метафор и эвфемизмов. Политическая лексика, несомненно, должна быть понятна всем участникам политического дискурса, ее употребление не должно вызывать неправильных толкований и недоразумений, чтобы не привести к конфронтации и конфликтам.

Политическая корректность как направление развития языка вызывает много вопросов, критики, сомнений. Бесспорно, что в живом языке все попытки создать стилистически нейтральные «заповедники» разбиваются о способность слов приобретать в новых условиях новые коннотации, часто негативные. Политическая корректность языка направлена на то, чтобы оберегать права и достоинства индивидуума, и поэтому нельзя допустить, чтобы она себя дискредитировала крайностями или выродилась в свою противоположность, став средством лакировки, завуалирования социальных проблем. В России политическая корректность как мощное языковое движение еще только зарождается и пока что развивается по линии эвфемизмов.

В этом отношении положительным примером признан именно английский язык, повышенная корректность которого обусловлена следующими факторами:

- высоким уровнем социальной культуры и хорошими традициями общественного поведения;

- идеологией и менталитетом общества, провозгласившего культ отдельной личности и устоев ее индивидуального мира (privacy);

- коммерческим интересом к человеку как к потенциальному клиенту.

Но все же совершенно очевидно, что нет языка, пригодного для роли универсального средства политической коммуникации. Понятия, связанные с определенной лексикой в индивидуальном или общественном сознании участников коммуникации, различны у разных людей, так как они формируются в определенных культурных и языковых условиях. Важной причиной комму-

никационных неудач является именно лингвокультурологическая, вследствие которой трудно адекватно и в полном объеме понять инокультуру, ведь знание языка представляет собой лишь предпосылку для успешного и адекватного интерпретирования коммуникативного поведения представителя чужой культуры.

Вульгарная диссолюция уникальности языкового развития различных лингвокультурных сообществ совершенно недопустима. Межрегиональные различия, разнообразный социокультурный опыт, накопленный в процессе исторического развития в конкретных природных и антропогенных условиях, порождают потребность в межрегиональных, межкультурных, социальных связях, в выработке открытой модели инновационного процесса в языковой динамике современных сообществ.

Библиографический список

1. *Барт, Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры [Текст] / Р. Барт. – М., 2003.
2. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М., 1993.
3. *Гадамер, Г.* Актуальность прекрасного [Текст] / Г. Гадамер. – М., 1991.
4. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1996.
5. Методические рекомендации по гармонизации терминологии на национальном и международном уровне Р 50-603-2-93 [Текст]. – М., 1993.
6. *Крысин, Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке [Текст] / Л. П. Крысин. – М., 1968.
7. *Блакар, Р. М.* Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

А.Е. Березин,

*аспирант Саратовского государственного
технического университета*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Содержание социальной политики в высших учебных заведениях заключается в реализации социальной помощи студентам, преподавателям и сотрудникам. Это означает, что государство через администрацию высшего учебного заведения осуществляет деятельность по социально-экономической поддержке, оказанию социально-бытовых, медико-социальных, правовых и других услуг [1, с. 43].

Основные аспекты социальной политики представлены в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, где приводится расшифровка обязанностей социального государства. В частности, провозглашается, что данная политика должна быть направлена в первую очередь на охрану труда здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [2].

По мнению Ю.Н. Исайчевой, социальная политика призвана создавать условия для обеспечения граждан работой, охранять наемный труд, обеспечивать людям прожиточный минимум, содействовать увеличению мелких и средних собственников, перераспределять доходы через государственный бюджет, заботиться об образовании, семье и здравоохранении, постоянно улучшать социальное обеспечение и многое другое [3, с. 106].

Н.А. Волгин убежден в том, что основные функции социальной политики сводятся к обеспечению социальной устойчивости общества, его социальной безопасности, политической устойчивости власти; обеспечению такого распределения власти в хозяйстве, которое признавалось бы большинством граждан спра-

ведливым, не требующим борьбы за передел; налаживанию такой системы распределения экономических ресурсов и достижения экономического эффекта, которая устраивает подавляющее большинство населения; обеспечению обществом и государством необходимого и достаточного уровня экологической безопасности; достаточного уровня социальной защищенности как населения в целом, так и для каждой из его социальной групп [4, с. 33]. В то же время *государственная социальная политика* – это действия государства, проводимые в социальной сфере, которые преследуют определенные цели, соотнесенные с конкретно-историческими обстоятельствами, и при этом подкрепленные необходимыми организационными и пропагандистскими усилиями, а также финансовыми ресурсами и рассчитанными на определенные этапные социальные результаты [4, с. 25].

Социальная политика призвана решать противоречия между текущими и перспективными интересами общества, между интересами различных слоев, общественных институтов, учитывать и прогнозировать, снижать и корректировать неизбежную «плату» общества за социальный прогресс. Следовательно, социальная политика имеет прямое отношение к определению приоритетов в развитии благосостояния, масштабов поддержки различных слоев населения. Обычно социальная политика реализуется через различные формы социальной работы, крупные разовые государственные решения и мероприятия, а также через социальные программы (специализированные и комплексные). Именно в таких программах определяется *стратегия социальной политики*, которая представляет собой генеральное решение системы социальных проблем страны на конкретном историческом этапе ее развития.

В демократическом обществе множественность идеологий и субъектов порождает разнообразие целей и множественность стратегий социальной политики. Каждая из стратегий входит составной частью в ту или иную идеологию и программу общественного развития [4, с. 114].

На наш взгляд, *государственная социальная политика в организации высшего образования* исходит от государства. Разработчиками социальных услуг являются как государство, так и администрация высшего учебного заведения, которая отстаивает и защищает интересы студентов, преподавателей и сотрудников. Таким образом, специфика социальной политики в высших учебных заведениях заключается в оказании социальной поддержки и помощи студентам, преподавателям, сотрудникам вуза, которые в них нуждаются. Осуществление социальной помощи, поддержки иницируется профкомом студентов и профкомом преподавателей и сотрудников вуза.

Сами организации высшего образования представляют собой учреждения, в которых реализуются программы высшего и послевузовского образования. В соответствии с законодательством Российской Федерации устанавливаются следующие виды высших учебных заведений: университет, академия, институт. В наименовании вуза указывается его вид и при необходимости специальное название (консерватория, высшее училище, высшая школа и др.). Наименование высшего учебного заведения устанавливается при его создании и может изменяться при его реорганизации по согласованию с федеральным органом управления образованием.

Стратегия социальной политики высших учебных заведений заключается в

разработке, дополнении социальных услуг для отдельных категорий населения. С учетом каждодневных изменений в экономике, часто под влиянием различных финансовых кризисов разрабатываются социальные услуги для защиты интересов студентов, преподавателей и сотрудников. При всех существующих в обществе различных подходах и представлениях о приоритетах все же могут быть выделены и содержательно описаны проблемы общероссийского значения, такие, как низкая заработная плата сотрудников и преподавателей, отсутствие собственного жилья у многих преподавателей, низкая стипендия студентов.

Насущные вопросы складываются в систему приоритетов социальной политики. Суть приоритетов сводится к проблемному видению основных, самых значительных противоречий сложившейся исторической ситуации, разрешение которых обеспечивает переход общества в качественно новую, более благоприятную ситуацию [4, с. 115].

Соотнося изложенную информацию с конкретными примерами, обратимся к опыту различных регионов.

Так, в *Ульяновском государственном университете* создан попечительский совет как один из возможных выходов из сложных условий дефицита финансирования высшей школы. Попечительский совет играет большую роль в формировании традиций вуза и повышении его значимости в городе и области. Ежегодно, начиная с 1992 г., присуждается звание лауреата премии попечительства совета госуниверситета с вручением диплома и мантии лучшим представителям в области образования, науки и техники, культуры и искусства. Попечительский совет Ульяновского государственного университета устанавливает именные стипендии для наиболее одаренных студентов и молодых ученых. Им вручается свидетельство о назначении стипендии и коллективная фотография, которая хранится в музее истории университета. Определены социальные стипендии студентам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Попечительский совет оказывает социальную поддержку преподавателям и студентам университета, финансирует программы, нацеленные на улучшение условий учебы и труда, насыщенность культурной жизни. Ежегодно финансовые средства и материальные ресурсы попечительского совета расходуются на строительство, обновление технической базы университета, проекты по повышению уровня профессиональной подготовки и повышению квалификации профессорско-преподавательского состава и студентов, социальные и культурные программы. В создании и организации деятельности попечительского совета Ульяновский государственный университет руководствуется рядом законодательных актов Российской Федерации [5, с. 23].

В *Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена* формируются условия, способствующие активизации научно-исследовательской деятельности студентов, включающие развитие исследовательских форм работы в рамках учебной деятельности, работу студенческих исследовательских центров (научные студенческие кружки, олимпиады, конкурсы, студенческие научные конференции), развитие совместных с преподавателями форм научно-исследовательской деятельности (участие студентов в плановых исследованиях кафедр, проведение совместных научных конференций, издание совместных работ) [6, с. 12]. Оформляется система общеуниверситетских дел и праздников (праздник Первого

звонка, выездная учеба студенческого актива, конкурс первокурсника, Герценовская спартакиада, университетская студенческая научная конференция, Герценовская олимпиада, конкурс «Весна студенческая», День рождения Университета и др.). Важно отметить те аспекты в деятельности университета, которые характеризуют его открытый характер, например возможность, общаться со своими сверстниками из-за рубежа, слушать лекции иностранных преподавателей, выезжать за границу на стажировку, встречаться с представителями науки и культуры города и т.д. В связи с этим студентами затрагиваются и вопросы необходимости изучения иностранных языков. За последние годы заключены договоры более чем с тридцатью зарубежными вузами и различными образовательными учреждениями. Отношения с партнерами предусматривают весь спектр возможных форм сотрудничества: студенческий обмен, обмен преподавателями и сотрудниками, научный обмен; обучение иностранных граждан на компенсационной основе; проведение совместных конференций, семинаров; создание различных пособий (научных монографий, словарей и т.д.); организацию специальных культурно-образовательных программ; совместные проекты, концерты и выставки.

В *Альметьевском государственном нефтяном институте* практикуется социальная политика в виде молодежной политики, направленной на интересы студенчества. Молодежная политика в вузе – совокупная социально-воспитательная деятельность по социальному развитию студенчества (социализация и адаптация), по созданию условий для эффективной профессиональной подготовки будущих специалистов во внеаудиторное время, по развитию студенческого спорта и досуга и социальной защите студентов с целью формирования конкурентоспособного специалиста и жизнестойкой личности. Субъектами этой деятельности являются ректорат, профессорско-преподавательский состав, деканаты, кафедры, досугово-оздоровительный центр, студенческие общественные организации [7, с. 60]. Важное направление молодежной политики – профессиональная адаптация студентов через сеть научных кружков. На базе студенческого научно-технического общества работают кружки: геологический, клуб «Покорители земных глубин», историко-культурологический, школа переводчика, студенческий психологический клуб (СПК), студенческая социологическая лаборатория, кибер-клуб «Entoma». В январе 2003 г. кафедрой гуманитарного образования и социологии организована работа студенческого психологического клуба (СПК). В соответствии с интересами студентов определена цель СПК: развитие психологической культуры студентов, эффективное осуществление основных видов психологического функционирования (самопознание и самоопределение, общение, саморегуляция эмоций и действий, творчество, саморазвитие). Основные виды деятельности СПК: проведение тренинговых занятий, специализированных лекций, психодиагностика, просмотр видеофильмов. Клуб активно сотрудничает с городским центром социально-психологической помощи.

Целью деятельности студенческой социологической лаборатории является проведение исследований в институте, городе, регионе, обеспечение учебно-методическими и научными разработками кафедр института. Опросы отражают отношение студентов к употреблению алкоголя, наркотиков, табакокурению, проблемы досуга и т.п. Анализ и обработка результатов исследований проводятся с

помощью современных компьютерных программ «ДА-система» и «SPSS». Работа кружков является прямым продолжением учебного процесса, так как студенты здесь углубляют свои познания. Лучшие доклады и сообщения, сделанные на ежегодных научно-практических конференциях института, рекомендуются для выступлений на конференциях в вузах Республики Татарстан и России.

Представленный небольшой обзор опыта реализуемой в вузах социальной политики показывает, что в ее формировании и осуществлении участвуют многие субъекты. Данная деятельность определяется конкретными социальными интересами и проводится на основе локальной нормативно-правовой базы. В различных организациях высшего образования социальная политика приобретает свой уникальный вид, который зависит от субъекта, инициирующего изменения, и выбранных способов их реализации, при этом важное значение имеют обмен информацией между всеми звеньями, участвующими в реализации программ, и своевременная реакция на существующие проблемы.

Библиографический список

1. Павленок, П. Д. Основы социальной работы [Текст] / П. Д. Павленок. – М., 2004.
2. Конституция РФ [Текст]. – М., 2003.
3. Исайчева, Ю. Н. Социальная политика социального государства [Текст] / Ю. Н. Исайчева ; под общ. ред. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород, 2002.
4. Волгин, Н. А. Социальная политика [Текст] / Н. А. Волгин. – М., 2002.
5. Полянсков, Ю. В. Возрождение традиций попечительства в России: опыт Ульянов. гос. ун-та [Текст] / Ю. В. Полянсков, Т. З. Биктимиров, Т. Е. Никитина, Ю. Г. Самсонов, В. В. Скуратов // Инновации в российском образовании. – М., 2000. – Ч. 2.
6. Бордовский, Г. А. Инновации в педагогическом университете как фактор его развития [Текст] / Г. А. Бордовский, Н. Ф. Радионова, А. П. Тряпицына // Инновации в российском образовании. – М., 2000. – Ч. 1.
7. Рахимова, Р. Молодежная политика и социальное развитие студентов [Текст] / Р. Рахимова // Высшее образование в России. – 2005. – № 2.

Г.А. Балыкина,

*ст. преподаватель Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

ЕДИНСТВО ЦЕННОСТНОГО И КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДОВ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На рубеже XX–XXI вв. в европейской образовательной системе произошли большие изменения, вызванные усилением ряда социально значимых процессов. На конференции ЮНЕСКО, посвященной рассмотрению про-

блем повышения качества современного образования, названы такие процессы, как переход к экономике знаний и, следовательно, к обществу, основанному на знаниях; повышение роли образования в структуре выбора ценностей и приоритетов социального развития человечества, определении перспектив его выживания и формирования условий устойчивого роста; растущая диверсификация сообществ, ставшая результатом миграций, урбанизаций и культурологических перемен, национальных, гендерных, религиозных, этнических различий сообществ; демократизация мирового образования, становление открытого образования; глобализация, увязывание образовательных систем в единые мировые образовательные сети; необходимость контроля общества и государства над качеством образования, результатами работы образовательных учреждений [1, с. 7–8].

В такой ситуации комплексных социальных изменений наступает то, что называется образовательным кризисом, выход из которого находится на путях поиска новой парадигмы. Современный этап развития образования характеризуется переходом от образовательной модели, нацеленной на содержание образования (content-based education), к модели образования, нацеленного на результат (outcome-based education). Характерно то, что особо подчеркивается центральное место следующих результатов качественного образования (quality education):

знания – грамотность, способность к количественному мышлению, знание предмета, полученное в результате когнитивной деятельности, или интеллектуальная компетенция;

ценности – солидарность, равенство полов, терпимость, взаимопонимание, уважение прав человека, ненасилие, уважение человеческой жизни и достоинства, или мировоззренческая компетенция;

навыки и умения – умение решать проблемы, ставить опыты, работать в команде, жить и взаимодействовать с другими людьми и уметь учиться (коммуникативная компетенция);

поведение – желание и умение эффективно применять на практике полученные знания (профессиональная компетенция) [1, с. 9].

Помимо перечисленных компетенций, жизненно необходимым результатом образовательного процесса должно стать осознание собственной социальной идентичности, принятие социальных норм конкретного исторического общества и ответственности – социальная компетентность.

Потребность разрабатывать соответствующие стратегии с учетом особенностей собственной системы образования и формировать пути ее сближения с европейской в России нашла свое отражение в создании образовательных стандартов третьего поколения, основанных на компетентностном подходе.

Переход к компетентностной модели личности реализуется в институтах вторичной социализации – образовательных учреждениях, ведущая роль которых в условиях современного мира обусловлена их особым социальным статусом. Образование одновременно является социальным явлением, процессом, социальной системой и социальным институтом и играет решающую роль в реализации идентификационного потенциала в процессе индивидуализации и

социальной интеграции молодежи, в передаче новым поколениям накопленного человечеством опыта, адаптации к тем общественным отношениям, в которых ей предстоит жить и работать. В образовательной среде происходит трансформация субъективной реальности в процессе вторичной социализации, которая представляет собой явление, позволяющее в определенной степени социализированному индивиду входить в новые секторы объективного мира его сообщества. Такое вхождение может быть как успешным, так и наоборот. Успешная социализация происходит при содействии вспомогательных специализированных средств и предполагает «высокий уровень симметрии между объективной и субъективной реальностями» [2, с. 264]. Неуспешная вторичная социализация вызывает кризис идентичности, выраженный в разрыве связей человека с миром, слабой включенности в социально-культурные институты, неспособности адекватно осмысливать жизненные проблемы и самоопределяться в ценностно-нравственной сфере. Следует отметить, что в идее образовательных институтов уже заложены объективные возможности успешной социализации. Они представляют собой особую искусственную социальную среду, которая обладает возможностью отбирать фундаментальные характеристики социальной среды, содействующие становлению, коррекции и развитию желательной системы отношения к миру.

Образование устанавливает логичность и последовательность концептуальных процедур, интегрирующих различные системы знания, решая тем самым проблему согласованности между первичной и вторичной социализацией. По мнению американского философа и педагога Д. Дьюи, образование обладает потенциальной возможностью «компенсировать нежелательное влияние социальной среды и обеспечить каждому человеку возможность преодолеть ограничение», наложенное на него первичной или неуспешной социализацией [3, с. 25].

В процессе обучения происходит изменение представлений о социальном статусе и содержании профессии, общей цели обучения, формирование социально-статусных аспектов идентичности, являющейся составной и неотъемлемой частью целостного «образа – Я» зрелой личности. Несомненно, что постижение профессии и способность к самоидентификации важны для всех обучающихся, но особенно необходимы для студентов управленческого вуза, потенциально являющихся представителями политической и экономической элиты. Таким образом, среди задач управленческого вуза акцентируется задача концентрации условий и целенаправленных усилий, способствующих системной идентичности личности и ее профессиональному становлению.

Основным критерием объективности и соответствия ценностных ориентаций исторически устойчивому духовному ядру культуры является идентификация с ними субъектов, представляющих данную культуру. В связи с этим необходима специальная разработка методик и техник, позволяющих адаптировать студентов к динамике социальной среды путем воспитания определенных социальных навыков, освоения норм, этических кодексов и правил поведения государственных служащих, определенных российской культурой, системой и структурой духовных ценностей, менталитетом, историческим прошлым и будущим народа. Идеал социально активной и ответственной личности тесно связан

с идеалом демократического общества. Известный русский философ И.А. Ильин писал о необходимости живого чувства государственной ответственности, свободной лояльности, государственно-политического кругозора, известных знаний и самостоятельного мышления о известном [4, с. 167].

Субъективная реальность, созданная вторичной социализацией, носит искусственный характер и нуждается в дополнительных процедурах социализации. Практики, формирующие образование как социальный институт, интерпретируются в терминах коммуникативистики, поскольку они позволяют рассмотреть современную образовательную систему как динамично развивающуюся коммуникативную среду, обладающую специфическими, присущими только ей регулятивами и вместе с тем составляющую единое целое с обществом, основанным на знаниях. Концепция коммуникативного образования предусматривает привлечение инфраструктурного потенциала социальной коммуникации и ценностное использование коммуникативных возможностей обучения и воспитания [5, с. 79].

Еще Аристотель выделил *praxis* как уникальный вид искусства, направленный на постижение практической мудрости и связанный не с производством конкретного продукта, но с осуществлением какого-либо морально достойного дела. Навыки в этом искусстве развивают ситуативную способность действовать в определенном момент времени. *Praxis* опирается на определенный вид знания – *phronesis*, которое выступает посредником между теоретическим и практическим, общим и частным, конкретным действием и моральной добродетелью [6].

Э. Гидденс подчеркивал, что практики воспроизводят устойчивость, присущую условиям, в которых возник порождающий их принцип, и в то же время приспосабливаются к требованиям, задаваемым объективными потенциальными перспективами ситуации, определяемыми когнитивными и мотивационными структурами. Практики предполагают целенаправленность и рефлексивность (рефлексивный мониторинг действия), рационализацию и мотивацию действия [7, с. 21–42].

Таким образом, коммуникативные практики можно рассматривать как сознательную, ценностную, интенциональную и социально регламентируемую активность, направленную на передачу социально значимой информации, структурированной в пространстве и во времени, специально организованной и сопровождающейся постоянным воспроизведением коммуникаций разного уровня.

Коммуникация может принимать разные формы: взаимосвязи – взаимодействия и обмена образованиями материального и духовного порядка: способностями, деятельностями, информацией, мыслями, чувствами, ценностями; реализации внутренней потенции самосознающего индивида; актуализации и реализации структурной характеристики общества – общественных отношений [8, с. 375].

Именно компетентностный подход задает определенные параметры существования и содержания современных коммуникативных практик. В сфере образования они направлены на ценностно-социальную ориентацию и адаптацию выпускников вузов, подготовку специалистов для новой социальной модели общества.

Успешность реализации данного подхода во многом зависит от того типа знания, на котором образование строится. Практики всегда предполагают рефлексивную деятельность; знание, полученное с их помощью, становится отправной точкой дальнейшего развития, превращается в новый тип знания. В таком случае главным образовательным ресурсом становится методология, логика работы с информацией: критическое понимание, интерпретация, интеграция. Это значит, что знание перестает быть самоценностью, а становится лишь материалом для рефлексии, средством для решения других задач.

В данном случае система знаний, умений и навыков не просто передается личности, а формируется в ее сознании в различных ситуациях целенаправленной деятельности, подвергаемой процедуре рефлексивного анализа. Такой подход позволяет рассматривать знание как форму общности и обращение к коммуникации как взаимодействию, в результате которого субъект образовательного процесса учится выстраивать свою собственную траекторию пути и, следовательно, принимает на себя ответственность за результаты своей деятельности.

Между тем современная российская парадигма образования преимущественно основывается на конвейерном классическом типе обучения, используя классические традиции немецких и русских университетов, а также достижения советских вузов. Основной упор делается на лекционно-семинарские формы обучения и устный экзамен как главную форму проверки знаний. Специфика нынешних тенденций российского образования заключается в инерционности и большом масштабе системы образования, а также в значительном разрыве между заявленными целями и существующими практиками.

С одной стороны, представители высшей школы говорят о необходимости формирования специалиста, обладающего интеллектуальными и коммуникативными компетенциями: способностью к самостоятельному непрерывному развитию и обучению, умению обосновывать и отстаивать свою точку зрения, а с другой стороны, сохраняется большой удельный вес лекций и семинаров, на которых преподаватели транслируют готовое знание, пассивно воспринимаемое студентами. Кроме того, существует недостаток коллективных и групповых форм работы, создающих навыки ведения диалога, дискуссии, коммуникативной и речевой компетентности.

Новая парадигма образования, основанная на западных традициях, характеризуется практической ориентацией обучения, технократизмом, прагматизмом и широким использованием разного рода проектных и исследовательских форм обучения, тестовых заданий и форм контроля, информатизацией и компьютеризацией обучения. Она вызывает неоднозначную реакцию самих западных педагогов и философов, которые, отмечая ее достоинства, тем не менее обращают внимание на ее регрессивный характер, а также такие качества, как излишнюю механистичность и техничность [9, с. 57].

Компетентностный подход не должен стать бездумным стремлением к практической ориентации, а должен сопровождаться усилением его гуманитарно-ценностной составляющей, должен быть ориентирован на личность студента, его культурное развитие, так как наряду со знаниевыми функциональными

качествами, приобретаемыми в ходе образования, у человека формируются и личностные функциональные качества.

Основанием процесса формирования образовательной коммуникативной деятельности должны стать рефлексивно-дискуссионные формы коммуникативной рациональности, этики дискурсивных и недискурсивных практик, диалогичность, инициирование гуманитарного личностно значимого образования. Важно отметить, что они меняют представления о роли преподавателя, так как «...фигура наставника если и не исчезает окончательно, то, во всяком случае, ее постепенно переполняет... составляет ей конкуренцию самореализация субъекта, которая является вместе с тем социальной практикой» [10, с. 296]. Участники учебной коммуникации занимают позиции интерпретаторов, они оказываются вовлеченными в совместное обсуждение смысла и значимости высказываний. У них больше нет иммунитета по отношению к позициям принятия или непринятия, они включаются в процесс взаимной критики и обсуждения, в результате которых и происходит приращение нового («своего») знания, способного привести субъекта учебного процесса к некоей иной форме субъектности. Но при этом не предполагается, что преподаватели и студенты идентичны. «Именно *разница* между ними делает их обучающим и обучаемым. Диалог является осмысленным процессом как раз потому, что субъекты диалога, его агенты не только сохраняют свою идентичность, но они ее активно отстаивают и, таким образом, вместе развиваются» [11, с. 101].

Реформирование российского образования в контексте Болонского процесса нацеливает на поиск конкретных путей интеграции в европейское пространство с сохранением национальной идентичности. Успешность коммуникативных практик современного российского образования предусматривает необходимость взаимосвязи ценностных и коммуникативных подходов, где определенная система ценностей выполняет методологически ориентирующую функцию, а компетентностный подход представляет способ конкретной реализации концепции коммуникативного образования.

Библиографический список

1. Report Ministerial Round Table on the Quality of Education 32nd Session of the General Conference UNESCO. Paris, 3–4 October 2003.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995.
3. Дьюи, Дж. Демократия и образование [Текст] / Дж. Дьюи ; пер. с англ. – М., 2000.
4. Ильин, И. А. Наши задачи [Текст] / И. А. Ильин. М., 1993.
5. Стриганкова, Е. Ю. Образование в современном коммуникативном пространстве: проблемы управления [Текст] / Е. Ю. Стриганкова // Непрерывное образование в России: пространство развития : сб. науч. статей. – Саратов, 2006.
6. Аристотель. Риторика [Текст] / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. – М., 1975–1984.
7. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас [Текст]. – Новосибирск, 1995.
8. Резаев, А. В. Об общении, его социально-философской рефлексии и возможностях социологии коммуникации [Текст] / А. В. Резаев // Homo philosophans : сб. к 60-летию профессора К. А. Сергеева : Сер. «Мыслители», вып. 12. – СПб., 2002.

9. *Morrow, W. Visions and Reality: Changing Education and Training in South Africa* [Текст] / W. Morrow, K. King. – Cape Town, 1998.

10. *Фуко, М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки* [Текст] / М. Фуко ; пер. с фр. И. И. Звонаревой ; сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М., 1991.

11. *Freire, P. Education as the practice of freedom* (M. B. Ramos, Trans.) [Текст] / P. Freire // *Education for critical consciousness*. – N.Y., 1982.

Е.Л. Баранова,
*соискатель Саратовского государственного
социально-экономического университета*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ ШКОЛЬНИКОВ

Население как предмет изучения демографии отличается сложной структурой. Особое значение имеет возрастной состав, исследование которого позволяет выявить функции и роли, осуществляемые различными группами населения. Одной из таких групп являются дети, составляющие почти четверть в численности населения России. Но значение этой группы обусловлено не столько ее массовостью, сколько ролью, которую она играет в жизни общества. От качественного положения и социальных характеристик состояния детей зависят количественные и качественные характеристики не только сегодняшнего, но и будущего населения, его социально-демографическая структура и социально-психологические особенности.

В детском возрасте закладывается фундамент личности, формируются ее основные качества: физическое и психическое здоровье, культурный, нравственный и интеллектуальный потенциал. Качества, которыми наделен ребенок, особенно в самом начальном периоде жизни, являются наиболее важными и прочными; изменить их в последующем достаточно сложно, а в ряде случаев – практически невозможно. Успешное становление ребенка как личности определяет не только его включение в общественную жизнь, нахождение своей ниши, но в конечном счете – прогресс развития общества в целом [1, с. 9]. Заявленная в названии статьи проблема рассматривается нами исходя из посылки, что сегодняшнее состояние здоровья детей программирует будущее страны на 30–40–50 лет вперед.

По мнению Е.Б. Бреевой, приоритетность детства абсолютна: дети должны иметь более высокие качественные характеристики, чем их родители [1]. Это очевидное условие развития общества. В противном случае возникает риск попасть в «социальную» воронку, когда в нездоровом обществе рождается нездоровое поколение.

Особое внимание следует обратить на здоровье детей, которое вызывает серьезную тревогу. Все чаще встречаются врожденная инвалидность, болезни,

врожденные аномалии. Ухудшается здоровье матерей и отцов. Причины этого в целом по своей природе социальные: обнищание и снижение качества питания, рост алкоголизма, наркомании, свертывание лечебно-профилактического здравоохранения. Социальные трансформации настолько мощны, что они меняют биологические качества населения страны [2, с. 3–5].

Современная школа становится дополнительным фактором, ухудшающим здоровье учащихся. Так, у школьников с первого по восьмой класс в 6–12 раз нарастают изменения со стороны органов зрения и слуха, в 10 раз – опорно-двигательного аппарата, в 15 раз – центральной нервной системы [3, с. 4]. Преобразования в российской школе не только не улучшили процесс социализации школьной молодежи, но и сопровождались ухудшением здоровья учащихся. По данным НИИ гигиены и профилактики заболеваний детей и подростков и молодежи, около 90% детей школьного возраста имеют отклонения психического и физического здоровья. Наблюдается рост так называемых «школьных болезней»: в 3 раза увеличился удельный вес учеников с ослабленным зрением, в 2 раза – с нарушениями системы пищеварения, в 2,6 раза – с отклонениями осанки, в 1,5–2 раза – с нервно-психическими расстройствами и информационными невротами.

Включение внутренних ресурсов – свободы и творчества – не принесло подъема умственной работоспособности учащихся и всплеска их интеллектуального развития. По данным мониторинга умственного развития школьников, доля учеников с высоким уровнем интеллекта сократилась в 1,5 раза в городских школах и в 2–2,5 раза – в сельских. Усилились неустойчивое настроение, тревожность детей школьного возраста; около половины российских школьников (47%) систематически испытывали страх, в том числе перед неудачами в школе; еще большая часть россиян в возрасте от 7 до 18 лет постоянно испытывали социально-психологический дискомфорт, одна из причин – отсутствие признания и регулярного успеха в школе (около 60%).

Ухудшение состояния здоровья детей прослеживается от начала обучения в школе к его концу, то есть процесс обучения в школе является фактором риска для здоровья учащихся. Стремительно увеличивается число функциональных нарушений и хронических заболеваний. Половина детей школьного возраста 7–9 лет и более 80% старшеклассников имеют хронические болезни.

По официальным данным, только 10% российских школьников можно считать в этом плане относительно здоровыми. К такому выводу пришли медики, проанализировав данные о состоянии здоровья юных россиян за последние 20 лет. Анализ результатов медицинских осмотров свидетельствует о том, что в настоящее время число здоровых подростков старшего возраста (15–18 лет) не превышает 2–9%. По данным НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Научного центра здоровья детей РАМН, лица с так называемыми функциональными отклонениями составляют 24–36%, а с хроническими заболеваниями – 55,4–73,4%. Это свидетельствует о том, что у детей и подростков на возрастном отрезке 7–17 лет происходит формирование преимущественно выраженных форм патологий. За последний десятилетний период наиболее заметно возрос уровень болезней органов пищеварения, нерв-

ной системы, ЛОР-органов, опорно-двигательного аппарата, эндокринной системы, аллергозов [4, с. 39].

Особенно неблагоприятная ситуация со здоровьем складывается в образовательных учреждениях нового типа (лицеях, гимназиях, частных школах) из-за повышенной требовательности, интенсификации обучения и увеличения объема учебных нагрузок. Среди учащихся школ нового типа распространенность пограничных нервно-психических нарушений достигает 55% [5, с. 5]. Установлено, что заболеваемость в элитных школах в 1,5 раза выше, а индекс здоровья в 3 раза ниже, чем в общеобразовательных школах [6, с. 34]. В структуре нервно-психических расстройств доминируют психопатические, истероподобные состояния, формирующие так называемое девиантное поведение детей и подростков. В связи с этим наблюдается снижение уровня интеллектуального развития детей [7, с. 7].

Среди детей и подростков возрастает число социально обусловленных и социально значимых заболеваний. Проблема токсикомании, наркомании, алкоголизма, беспризорности, безнадзорности, венерических болезней, туберкулеза, ВИЧ-инфицированных детей смещается в более ранние возрастные периоды и быстрыми темпами нарастает.

Сложившаяся в сфере физического, психического, социального, нравственного и духовного здоровья детей ситуация диктует необходимость принятия неотложных мер на государственном уровне. На наш взгляд, актуально значимым и востребованным сегодня становится создание оздоровительных программ, методических, учебных пособий, а также соответствующих подразделений (служб, центров, отделов, кафедр и даже факультетов) в структуре образовательных учреждений, включая средние и высшие учебные заведения, где может успешно проводиться работа по сохранению и укреплению здоровья молодого поколения экономически мало затратными и в то же время эффективными (как показала практика) методами эстетотерапии.

Следует учитывать, что около 90% юношей и девушек поступают учиться в различные учебные заведения, приходят на производство, уже имея хронические заболевания, и нуждаются в обязательном оздоровлении и лечении. Подтверждением этому является приказ Минобразования РФ от 5 мая 2000 г. о центрах содействия укреплению здоровья детей в образовательных учреждениях. Оздоровление детей должно идти параллельно с их обучением и воспитанием соответствующей культуры здоровья и здорового образа жизни, мотивационного поведения, направленного на «конструирование» собственного здоровья.

Главной причиной увеличения заболеваемости школьников за последние годы специалисты называют образ жизни. Под образом жизни большинством авторов (И.И. Брехман, 1990; В.П. Казначеев, 1998; Л.Г. Татарникова, 2000; И.И. Соковня-Семенова, 2000) принимается устойчивый, сложившийся в определенных общественно-экологических условиях способ жизнедеятельности человека, проявляющийся в нормах общения, складе мышления. Наиболее полно взаимосвязь между образом жизни и здоровьем выражается в понятии «здоровый образ жизни» (ЗОЖ).

На наш взгляд, важным фактором, оказывающим разностороннее влияние на укрепление детского организма, становится физическая культура. В условиях реализации школьной реформы особенно актуальны такие задачи, как привитие детям стойкого интереса к занятиям физическими упражнениями, обучение их доступным двигательным умениям. Более полное использование всех возможностей физической культуры достигается в совместной работе дошкольных учреждений, школы и семьи.

Источником формирования здорового образа жизни для детей и подростков служат примеры поведения взрослых: в семье – родителей, в школе – учителей (их отношение к себе и другим, толерантность, владение способами самоорганизации и поддержания своего здоровья, регулярные занятия физкультурой и спортом). Семья во многом развивает отношение детей к физическим упражнениям, их интерес к спорту, активность и инициативу [8, с. 23]. Современная семья и школа не в достаточной степени формируют у молодого поколения социально значимые установки самостоятельности, нравственности, инициативности, а также предпосылки для осмысленного выбора в пользу здорового образа жизни.

Здоровый образ жизни не является результатом стечения благоприятных для индивида обстоятельств, он становится результатом личного выбора, ответственного отношения к своей жизни. Однако понимание ценности здоровья и необходимости его улучшения не способствовало и не способствует изменению образа жизни. По признанию россиян, только экстремальные ситуации (тяжелая болезнь, крайне неудовлетворительное самочувствие) могли бы заставить их изменить образ жизни. В обычной реальности меньше половины представителей взрослого сообщества и еще меньше от сообщества учащихся средних школ прилагают регулярные усилия по укреплению потенциала своего здоровья: занимаются спортом, физическими упражнениями 24–31% (причем по мере взросления учащихся удельный вес приверженцев спортивных занятий падает с 31–33% в 8–9 классах до 8–20% – в 11 классе).

Трансформирующееся общество нуждается в целенаправленной работе по изменению самосознания индивидов, приближения его параметров к новому типу личности. Ближе всех по своему назначению и функциям к этой задаче стоит образование [9, с. 34].

Задачи модернизации российского образования выдвигают новые требования к системе физического воспитания в массовой общеобразовательной школе. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора. Молодежь должна быть способна к сотрудничеству, мобильности, обладать динамизмом и развитым чувством ответственности за судьбу страны.

Данные задачи следует решать в контексте цели образовательной области «физическая культура». Цель образования по предмету «физическая культура» в общеобразовательной школе – научение обучающихся формам и методам активного (деятельного) использования ценностей физической культуры и спорта для формирования и совершенствования своего физического, духовного и нравственного здоровья [1, с. 7–9].

Охрану здоровья детей можно назвать приоритетным направлением деятельности всего общества, поскольку лишь здоровые дети в состоянии должным образом усваивать полученные знания и в будущем способны заниматься производительно-полезным трудом. Профилактика же детских заболеваний является хорошо окупаемым национальным вложением, более экономичным и результативным, чем дорогостоящее лечение [10, с. 275].

На основании изложенного можно сделать вывод, что основными показателями здоровья школьников выступают их социальное самочувствие и самосохранительное поведение. Социальное самочувствие молодежи отражается в ее сознании и проявляется в индивидуальных характеристиках субъективной оценки собственного социального состояния. Социальное благополучие зависит от общей социально-экономической и политической ситуации в обществе, а с другой стороны – определяется образом жизни конкретного молодого человека и его семьи, а также ситуацией его повседневной жизнедеятельности.

Государственная политика в отношении здоровья детей и подростков – будущего здорового населения страны – должна быть направлена на создание взаимодействующей цепи, соединяющей между собой государство, образование, здравоохранение, семью и ребенка. Взаимодействия всех звеньев этой цепи должны быть направлены на создание условий для повышения жизненной физической активности подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Бреева, Е. Б. Дети в современном обществе [Текст] / Е. Б. Бреева. – М., 1999.
2. Современные технологии сохранения и укрепления здоровья детей : учеб. пособие [Текст] / под общ. ред. Н. В. Сократова. – М., 2005.
3. Рагимова, О. А. Социальное здоровье младших школьников в условиях трансформации российского общества [Текст] / О. А. Рагимова. – Саратов, 2004.
4. Сапельцева, И. В. Формирование мотивации к здоровому образу жизни у подростков 14–15 лет при изучении курса «Человек и его здоровье» [Текст] / И. В. Сапельцева. – Екатеринбург, 2004.
5. О положении детей в Российской Федерации [Текст] / под ред. Л. Ф. Безлянкиной. – М., 1995.
6. Сетко, Н. П. Валеологические проблемы на пороге XXI века [Текст] / Н. П. Сетко // Актуальные вопросы валеологии в образовании. – Оренбург, 1997.
7. Утенина, В. В. Актуальные проблемы школьной медицины [Текст] / В. В. Утенина, Т. И. Сударева, П. Н. Кузнецова [и др.] // Медико-педагогические аспекты сохранения и укрепления здоровья школьников. – Оренбург, 2001.
8. Вавилова, Е. Н. Укрепляйте здоровье детей [Текст] / Е. Н. Вавилова. – М., 1986.
9. Шиняева, О. В. Здоровье школьников как социальная проблема [Текст] / О. В. Шиняева. – М., 2002.
10. Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека [Текст] / В. К. Бальсевич. – М., 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Абушов Р.И.

Предназначение мирового судьи 4

Баксаляр Д.В.

Динамика становления органов прокурорского надзора
как института государственного управления в России 8

Хубецова А.Ю.

Управление общественным мнением в системе политической власти:
региональный аспект 13

Сергеева Э.А.

Идеологическое сознание индивида
и общественная действительность 18

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

23

Ермоченко С.Н.

Влияние воинской культуры на военно-патриотическое воспитание 23

Фурс А.А.

Динамика институционализации Церкви Реформации в России:
этапы и факторы 28

Путяткина И.А.

Становление, тенденции и перспективы развития
прессы Саратовской области (1990–2002 гг.) 33

Лекомцев К.П.

Факторы проявления девиантного поведения
как формы социального конфликта 38

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

44

Сударева Н.В.

Понятие социальной защиты: многоаспектный анализ 44

Янович Е.Ю.

Некоторые вопросы уголовной ответственности за преступления
против здоровья населения в Российской Федерации 48

Червонных Е.В.

Проблемы выявления и предупреждения
коррупционных преступлений,
совершаемых работниками здравоохранения 53

Сливчиков А.А.

К вопросу о процессуальном положении прокурора
в ходе предварительного следствия 57

Мишина Е.В.

Договор лизинга: трудности квалификации 62

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

67

Долгов Е.С.

Классификация современных экономических рисков 67

Медведева С.А.

Формирование открытой социальной модели
управления человеческими ресурсами организации 72

Мишле В.В.

Профессиональное самоопределение
современной российской молодежи 79

Каретников С.А.

Социальные процессы формирования
достижительного организационного поведения 84

Кирюхина Т.В.

Социальный маркетинг
в современном российском здравоохранении 90

Гасанова Д.М.

Роль владения иностранными языками управленческими кадрами
совместных предприятий 95

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ 101

Денисова И.В.	
Рефлексивное «Я» как условие самоидентификации человека	101
Петров Д.Б.	
Социальное и религиозное в структуре субъекта	106
Ковалева М.В.	
Русские религиозные философы об энтропийных процессах в социокультурной жизни России начала XX столетия	111
Городнёва М.С.	
Онтологические основания религиозного праксиса: феноменологический аспект	116
Шабанова Э.А.	
Трансформации языка в условиях современной политической ситуации	121

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ 127

Березин А.Е.	
Социальная политика современной организации высшего образования	127
Балыкина Г.А.	
Единство ценностного и компетентностного подходов в коммуникативных практиках современного образования	131
Баранова Е.Л.	
Социальные аспекты здоровья школьников	137

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Abushov R.I.

Justice of the Peace Significance 4

Baksalyar D.V.

The Dynamics of Public Prosecutor Control Organs
as the Institution of the State Government in Russia 8

Hubetsova A.Y.

Public Opinion Management in the System of Political Authority:
Regional Aspect 13

Sergeeva E.A.

Ideological Individual's Consciousness and Public Reality 18

CONTEMPORARY RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY

23

Ermochenko S.N.

The Impact of Military Culture on the Military-Patriotic Training 23

Furs A.A.

The Church of Reformation Institution Dynamics 28

Putyatina I.A.

Formation, Tendencies and Prospects of Saratov Press Development
(1990–2002) 33

Lekomtsev K.P.

Factors of the Deviant Behavior Manifestation as a Form of Social Conflict ... 38

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

44

Sudareva N.V.

The Conception of Social Defense: Multifold Analysis 44

Yanovich E.Y.	
Some Problems of Criminal Responsibility for Crimes against Public Health in the Russian Federation	48
Chervonnykh E.V.	
The Problems of Detection and Prevention of Corruption Crimes Committed by Medical Workers	53
Slivchikov A.A.	
Procedural Regulations of the Public Prosecutor During the Preliminary Investigation	57
Mishina E.V.	
The Leasing Agreement: Difficulties of Qualification	62

SOCIAL AND ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

67

Dolgov E.S.	
Modern Economic Risks Classification	67
Medvedeva S.A.	
Forming of the Open Social Model of Human Resource Management	72
Mishle V.V.	
The Professional Self-determination of Modern Russian Youth	79
Karetnikov S.A.	
Social Processes of Organizational Behavior Formation	84
Kiryukhina T.V.	
Social Marketing in Modern Russian Public Health Service	90
Gasanova D.M.	
The Importance of Studying Foreign Languages for Administrative Specialists of the Joint Enterprises	95

SOCIAL PHILOSOPHY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

101

Denisova I.V.	
Reflective "I" as a condition of self-identification of a person	101
Petrov D.B.	
The Social and the Religious in the Subject Structure	106
Kovaleva M.V.	
Russian Religious Philosophers about the Entropy Processes in the Socio-Cultural Life at the Beginning of the XXth Century	111

Gorodneva M.S.	
Ontological Conception of Religious Praxis: Phenomenological Aspect	116
Shabanova E.A.	
Language Transformations in the Conditions of the Modern Political Situation.....	121

FORMING THE CONCEPT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM 127

Berezin A.E.	
Social Policy of Modern University Organization	127
Balykina G.A.	
Interdependence of Value and Competence Approaches in Modern Education Communicative Practices	131
Baranova E.L.	
Social Aspects of Schoolchildren's Health	137

Abushov R.I.

Justice of the Peace Significance

The covered issue is in the spotlight of the unified legal procedure system in Russian Federation. The author reveals the basic aspects of the JP significance and characterizes the JP as a new element of the judicial system meeting the requirements of the “citizens’ close” concept.

Baksalyar D.V.

The Dynamics of Public Prosecutor Control Organs as the Institution of the State Government in Russia

The author of the article reviews the main stages of the foundation and legalization of Russian public prosecution activity. The principles of pre-Soviet period public prosecution functioning are analyzed in the article.

Balykina G.A.

Interdependence of Value and Competence Approaches in Modern Education Communicative Practices

The author deals with the modern education actual issues under the Bologna treaty. An attempt to give the own definition of educational communicative practices is made and some ways of competence approach realization in education communicative concept are outlined.

Baranova E.L.

Social Aspects of Schoolchildren’s Health

In the conditions of the modern demographical situation there is an obvious growth of children’s and teenagers’ disease in the country. The author stresses that the children’s mode of life is the main reason of the increase of schoolchildren disease. Under existing conditions of the school reforming there is a great importance in the inculcation of stable interest to the physical education lessons and sport for forming and improving of their physical, cultural and moral health.

Berezin A.E.

Social Policy of Modern University Organization

The article deals with the analysis of social policies effectiveness, implemented in the higher educational institutions. Various forms, practice of social support and assistance in modern institutions are appearing. Depending on students, teaching and administrative staff requirements, there is a great necessity of social services in the sphere of education changing and expanding.

Gasanova D.M.

The Importance of Studying Foreign Languages for Administrative Specialists of the Joint Enterprises

The importance of studying foreign languages is defined by growing business contacts with foreign partners. The author of the article outlines that the keystone to success in business is determined by ability to speak foreign languages. Career growth, worthy salary, financial and social stability, personal contribution in national economy development motivates employees of any company to increase the level of knowledge of the foreign language.

Gorodneva M.S.

Ontological Conception of Religious Praxis: Phenomenological Aspect

The article observes the problem of introduction of spiritually- religious experience phenomenon in the field of the philosophical discourse. The analysis of the phenomenon is performed by means of “religious praxis” categories. Much attention is paid to specific version of ontological interaction between consciousness and existence through practice. The perspective of the application of such methodology to the studying of the modern dynamics in socio-religious institutions is proposed.

Denisova I.V.

Reflective “I” as a condition of self-identification of a person

The article focuses on the problem of human’s “I” and fundamental questions of “I-image”. The author draws attention to the interpretation of “I-image” as social aim; notes on the unanimity and plurality of “I” and offers the “I” dimension.

Dolgov E.S.

Modern Economic Risks Classification

Main conceptions of the economic risks in the modern Russian economy application are given in the article. The author classifies the economic risks according to the level of institutionalization in modern society.

Ermochenko S.N.

The Impact of Military Culture on the Military-Patriotic Training

The aim of the article is the definition of military culture and its impact on the military-patriotic training. The basis of military culture is the patriotism conception, which involves the society spiritual and moral life and its historical traditions. Patriotic senses are instilled in the system of patriotic training. The article analyzes the goals and the basis of the military-patriotic training and proposes recommendations for applying such training in the society.

Karetnikov S.A.

Social Processes of Organizational Behavior Formation

The author of the article reviews theoretical and practical preconditions of organizational behavior forming. Advantages of this organizational behavior style in the conditions of modern social transformations are specified by the author. The author exposes objective conditions of organizational behavior dynamic development.

Kiryukhina T.V.

Social Marketing in Modern Russian Public Health Service

The main socially based ways of the public health service reforms in modern Russian economy are analyzed in the article.

Kovaleva M.V.

Russian Religious Philosophers about the Entropy Processes in the Socio-Cultural Life at the Beginning of the XXth Century

This article is devoted to the cultural crisis problem and the entropy in the spiritual sphere analysis by the Russian religious philosophers. The article is based on the researches of S. Bulgakov, N. Berdjaev, S. Phrank. The author comes to the conclusion that Russian philosophers understood the cultural crisis as a moment of the reappraisal of values.

Lekomtsev K.P.

Factors of the Deviant Behavior Manifestation as a Form of Social Conflict

The author analyzes the impact of material prosperity on motivation of the individual deviant behavior in the society in the modern stage of Russia development.

Medvedeva S.A.

Forming of the Open Social Model of Human Resource Management

The category – “management-model” is grounded in the article. The author specifies its social essence and considers classical (administratively-closed) and social (administratively-open) human resources models. The article presents their content and advantages.

Mishina E.V.

The Leasing Agreement: Difficulties of Qualification

The research paper is devoted to legal nature of the leasing agreement in private law studying. Basic difficulties of qualification are shown in the article. Particularly, there is a consideration of closely-related concepts: “the leasing”, “the financial leasing”, “the financial lease” and “the lease”. The author suggests legal alterations to existing private law of the Russian Federation, as well as theoretical ones – to civil law science.

Mishle V.V.

The Professional Self-determination of Modern Russian Youth

The author analyzes socio-economic reasons of self-determination. The necessity of united state policy on professional and socio-economic orientation in specialties that are urgent for the state is settled. The author outlines some typical pedagogical problems of individual self-determination.

Petrov D.B.

The Social and the Religious in the Subject Structure

In this article the author makes an attempt to research the sense field of religious analysis notions in Lacan’s structural psychoanalysis. The notions “Social” and “Religious” are reviewed by the author as performing a function of “Signifier” and “Signified” in symbolic structure of subject.

Putyatina I.A.

Formation, Tendencies and Prospects of Saratov Press Development (1990–2002)

This article demonstrates the features of Saratov press development during the 12 years period (from 1990 to 2002). The author of the article shows in detail the course of changes of Saratov press during the reformation period, and analyses theme-contents direction and mass media periodicity. The summary of the local press development is presented in the article.

Sergeeva E.A.

Ideological Individual's Consciousness and Public Reality

The part of ideology on public consciousness is considered in the article. The phenomenon of ideology is analysed from the point of view of K. Marx and K. Mannheim. The analysis of consciousness at different levels is based on the notions "estrangement" and "modified forms". The following points are treated in the article: the point on the determinant in the ideology, and sorting of realistic existence of the society development with ideology.

Slivchikov A.A.

Procedural Regulations of the Public Prosecutor During the Preliminary Investigation

In September 2007 the law "About amending and changing of The Code Criminal Procedure RF" came into the force. This law limited prosecutor's powers during the prejudicial stages of criminal procedure towards the transference of the greatest part of authority to the inquiry body head. The author of the article determines the reasons, which prompted the legislature to make amendments in the legal prosecutor status; and offers ways for the activity improvement.

Sudareva N.V.

The Conception of Social Defense: Multifold Analysis

According to the Constitution of the Russian Federation citizens have the right to social defence. The state is obliged to create the conditions necessary for a worthy life of the population. Now the term "population social defence" provokes great interest at the international level and within the country. Effective system of protection creation is the integral condition of the society development.

Furs A.A.

The Church of Reformation Institution Dynamics

The article underlines the stages and characterizes the processes of the Lutheran Church institutionalization in Russia. The range of problems, connected with dynamics of the Protestant integration is shown in the article. The author gives the religious estimation of current status and prospects of the Lutheran Church on the analysis of its interaction with the state, society and other traditional religious organizations of the Russian Federation.

Hubetsova A.Y.

Public Opinion Management in the System of Political Authority: Regional Aspect

The author of the article reviews the regional aspect of public opinion management practice. Attention to susceptibility of mass consciousness to manipulative influence, especially in the context of information-oriented society is emphasized. The author comes to the conclusion that there is a necessity for the subjects of political field must search for new approaches to arrange their activity in the modern information space.

Chervonnykh E.V.

The Problems of Detection and Prevention of Corruption Crimes Committed by Medical Workers

The problem of corruption crimes in modern society is critical and thought-provoking question. Doctors and other medical workers are often accused of crimes such as: jobbery, exaction, official malfeasance and others. Thus, medical workers demean not only authority of the Ministry of Public Health but the State too. The author of this article tries to reveal objective causes and conditions of such crimes and to develop methods of their prevention. This fact underlines the practical value of the research.

Shabanova E.A.

Language Transformations in the Conditions of the Modern Political Situation

The article is dedicated to the problems of interaction between the politics and the language. Significant changes in the world cannot but lead to the radical changes in the spheres of culture and language in prospective, especially in the language of politics. Political vocabulary is a complex of lexical means expressing political views and interests which are used for communication among politicians as well as between politicians and other people. In the modern world regional and global problems are so vital that the problems of the global language and cultural communication in the sphere of politics become rather important and topical.

Yanovich E.Y.

Some Problems of Criminal Responsibility for Crimes against Public Health in the Russian Federation

Article is devoted to penal defence of public health. The author notes certain problems in given sphere and tries to explain them. The article analyses contents of Criminal Code of Russian Federation Chapter 25, which includes responsibility for the crimes against public health. The author analyses definition and classification of these crimes, compares them with the foreign criminal laws. The article is supplied with the legal statistics.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале «Вестник ПАГС»**

1. Статьи должны быть написаны на актуальные темы по обозначенным в перечне ВАК направлениям (философия, культурология, социология, право, политология). В содержательном отношении желательно, чтобы имела связь с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи предоставляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях. Объем статьи должен составлять 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом).

4. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]).

5. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора и формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ 7.1–2003. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

6. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация статьи с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, кодов УДК и/или ББК (только на русском языке), и/или DOI, и/или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова или словосочетания (не более пяти);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

7. Статьи оцениваются внешними рецензентами, членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС соответствующего профиля.

Ответственный секретарь научного журнала «Вестник ПАГС»

Сергеев Сергей Геннадьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Научный журнал

№ 1 (14)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2008 г., п. № 578

Подписано к печати 18.03.2008 г. Формат 70х100 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500. Заказ 34.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».

410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.